

8+8

Три загадочных
принца, Одна
бесценная красавица

IX

НЕВИННАЯ НАЛОЖНИЦА

Мастера менажа

Шайла Блэк
Лекси Блейк

Страна Безакистан славится богатством и красотой своих пустынь.... Пайпер Глен приходит в восторг, когда Раф и Кейд Аль Муссаид просят ее посетить их страну с деловым визитом. Несмотря на то, что она до сих пор девственница, она безумно увлечена ими, но она даже и не подозревает, насколько эти двое красавцев желают ее. И каждый вечер, она мечтает о том, чтобы они оказались в ее постели, выполняя каждое ее желание. Наконец-то, Раф и Кейд нашли свою женщину, в лице прекрасной Пайпер. Милая и смешная. Умная и сильная. Но прежде, чем они смогут раскрыть свои чувства ей, братья должны исполнить древний обычай: каждый Шейх должен украсть их невесту и поделиться ею со своими братьями. У них есть всего лишь тридцать дней, чтобы убедить Пайпер в их вечной любви. А еще, Страна Безакистан — печально известна своими опасными нравами... Шейх Талиб Ал Муссаид знает, что его подлый и отвратительный кузен стремится занять его трон. И если Талибу и его братьям не удастся убедить красавицу Пайпер в своих чувствах, то велика вероятность, что они могут лишиться всего. После первой же встречи с Пайпер, его сердце полностью принадлежит ей, и он понимает, что сделает все, чтобы занять в ее жизни достойное место. Халил Аль-Башира давно мечтает сместить с трона своего кузена. Если у них нет невесты, то Раф, Кейд и Талиб, должны лишиться власти, и тогда его мечта осуществится. Но если Пайпер влюбится в них, то все его мечты и надежды превратятся в прах! И единственное, что помешает Пайпер полюбить их, это ее смерть.....

"Их невинная наложница " (книга 3)

Серия "Мастера Менажа"

Автор: Шайла Блэк

Оригинальное название: Their virgin concubine

Название на русском: Их невинная наложница

Серия: Мастера Менажа

Перевод: Sammy

Переводчик-сверщик: gevak

Бета-корректор: OGM2018

Редактор: Amelie_Holman

Оформление: Eva_Ver

Аннотация

Страна Безакистан славится богатством и красотой своих пустынь.... Пайпер Глен приходит в восторг, когда Раф и Кейд Аль Муссаид просят ее посетить их страну с деловым визитом. Несмотря на то, что она до сих пор девственница, она безумно увлечена ими, но она даже и не подозревает, насколько эти двое красавцев желают ее. И каждый вечер, она мечтает о том, чтобы они оказались в ее постели, выполняя каждое ее желание. Наконец-то, Раф и Кейд нашли свою женщину, в лице прекрасной Пайпер. Милая и смешная. Умная и сильная. Но прежде, чем они смогут раскрыть свои чувства ей, братья должны исполнить древний обычай: каждый Шейх должен украсть их невесту и поделиться ею со своими братьями. У них есть всего лишь тридцать дней, чтобы убедить Пайпер в их вечной любви. А еще, Страна Безакистан — печально известна своими опасными нравами... Шейх Талиб Аль Муссаид знает, что его подлый и отвратительный кузен стремится занять его трон. И если Талибу и его братьям не удастся убедить красавицу Пайпер в своих чувствах, то велика вероятность, что они могут лишиться всего. После первой же встречи с Пайпер, его сердце полностью принадлежит ей, и он понимает, что сделает все, чтобы занять в ее жизни достойное место. Халил Аль-Башира давно мечтает сместить с трона своего кузена. Если у них нет невесты, то Раф, Кейд и Талиб, должны лишиться власти, и тогда его мечта осуществится. Но если Пайпер влюбится в них, то все его мечты и надежды превратятся в прах! И единственное, что помешает Пайпер полюбить их, это ее смерть.....

Кадир Аль Муссад смотрел на проходящую мимо роскошную блондинку, покачивающей тугой попкой, и задумался над тем, все ли в порядке с его членом. Она была прелестна и, очевидно, совершенно доступна — без обручального кольца на пальце. Серая юбка, едва прикрывающая ее женскую сущность, и красные шпильки определенно были рассчитаны на привлечение мужского внимания. Проходя мимо, девушка слегка повернулась, и ее глаза расширились при виде его сшитого на заказ костюма за тысячу долларов, и итальянских туфель ручной работы.

Он прекрасно мог видеть как, горячая блондиночка молча сканирует его, стараясь оценить его состояние вплоть до последнего доллара. Что ж, она в любом случае ошиблась бы на несколько миллиардов.

— Привет.

Она держала в руках несколько папок, но, очевидно, не с тем, чтобы прикрыть ими свой бюст. У нее был, по меньшей мере, четвертый размер, и, оценив по достоинству ее пышные, выпирающие формы, он готов был поспорить, что здесь постаралась не только природа. Как и у прочих блондинок, ее грудь имела восхитительные очертания и была тверда, как камень. Но все же, его член оставался безучастным.

— Привет. Я ищу мистера Таунсенда.

Ее накрашенные губы изогнулись в сексуальной кошачьей улыбке.

— Он недавно поменял свою фамилию на Джеймс.

Везунчик Дэкс. Тепло разлилось по всему телу Када при мысли о том, что его друг, наконец, обрел свое истинное место рядом с двумя его братьями и их женой Ханной.

— Превосходно. Так где я могу найти мистера Джеймса этим утром?

Дэкс являлся главой безопасности. Он был единственным человеком, с которым Кад мог обсудить одну маленькую возникшую у него проблему.

Ему была необходима информация об одной из сотрудниц “Блэк Оук Ойлс”. Незначительные мелочи, вроде того, где располагался ее офис, и имелись ли при ней все ее зубы. Все те детали, о которых его старший брат Талиб не удосужился упомянуть, когда велел ему и их среднему брату Рафу достать эту девушку, и привезти ее домой в Безакистан.

Временами шейх становился властным засранцем.

Боже, если Талиб не женится в ближайшее время, Кад рискует лишиться не только гребаного рассудка, но и многого другого. Проблема заключалась в том, что, как только Талиб выберет себе жену, Каду и Рафу также придется довольствоваться его выбором.

Одна жена для всех братьев.

Да благословит Бог Безакистан.

Ему оставалось лишь надеяться, что в действительности кандидатка выглядела лучше, чем на невзрачных фотографиях, включенных в досье Талиба. Не то, что бы она была дурна собой...просто обыкновенной и глубоко задумчивой. К тому же изображения оказались расплывчатыми, фото водительского удостоверения, а также маленькая черно-белая фотография, похожая на вырезку из школьного альбома.

Весьма не многообещающе.

Ее лицо было столь неприметно, что практически сразу же стерлось из его памяти. Она

была родом из маленького городка. Зеница ока своих родителей. Со степенью окончила колледж в области экономики. Да уж. Его сморило в сон сразу же после прочтения этой части.

— У него сейчас встреча, но вы можете подождать в его офисе.

Ее взгляд потеплел в очевидно отрепетированной манере.

— Или вы могли бы угостить меня чашечкой кофе.

Ничего. Ни малейшего признака возбуждения. Его член оставался полностью неподвижным, игнорируя ее более, чем очевидное приглашение.

Блять, да ведь ему нет и тридцати.

Его хрен должен стоять по стойке смирно и вопить: "Засади ей!".

Вместо этого, Кад предпочел бы немного вздремнуть. Он вздохнул. Что ж, в ближайшем будущем для него существовала вполне вероятная перспектива быть прикованным к некой унылой, крайне скучной особе, чем-то приглянувшейся Талибу, но тогда уже отсутствие заинтересованности своего дружка едва ли будет иметь для него значение.

Возможно, ему стоило попытаться убедить свой член заняться блондинкой в ответ на ее предложение.

Прежде, чем он успел, мимо него пронеслось воплощение живого хаоса с каштановыми волосами, собранными в небрежный пучок на затылке. Она торопливо шла по коридору, едва умещающая в руках кипу беспорядочно сложенных папок с файлами и задевая выступающими краями практически все на своем пути.

Разговаривая по мобильному телефону, зажатому между ее ухом и плечом, девушка выглядела весьма взбудоражено. Она буквально врезалась в блондинку, и две небольшие папки выпали у той из рук.

Кипа в хватке брюнетки рухнула, и бумага, подобно серпантину, взмыла в воздух.

— Черт побери! — выругалась блондинка.

— Долбаные исследователи.

— Мне очень жаль, Аманда.

Брюнетка говорила с мягким тexasским выговором, в то время как, опустившись на корточки и выронив телефон, кубарем полетевшим на пол, принялась сгребать бумаги в одну беспорядочную кучу.

— Я разговаривала и совершенно не смотрела, куда иду. Я очень сожалею.

— Позвольте мне вам помочь, — произнес глубокий голос. Рафик, его брат, по совместительству, неизменный джентльмен, поспешил через вестибюль и опустился на одно колено.

— Спасибо, — промурлыкала блондинка.

Однако осознав, что Раф обращался к маленькой брюнетке, она опустила на нее недовольный взгляд.

— Вот почему все здесь зовут тебя Пандорой.

Пандора. Богиня Хаоса.

Небрежный пучок на затылке брюнетки грозил рассыпаться в любой момент, предлагая на обозрение потрясающий каскад каштановых прядей с переливами цвета медового блонда теплого, рыжеватого оттенка.

Она подняла голову, и Кадир встрепенулся. Его член ожил, вытянувшись и окрепнув. Оу, да. В Пандоре не было ничего искусственного. Она была мягкой и женственной, с припухшими губами и голубыми глазами, почти полностью скрытыми за парой больших

очков, которые могли бы быть модными в восьмидесятых. На ней была бесформенная блузка, но при движении девушки одна из пуговиц расстегнулась, и ему открылся вид на кремово-белую кожу ее декольте, подернувшуюся легким румянцем. Очевидно, она была взволнована и смущена.

— Они называют меня Пандорой не потому, что я обрушила все вселенское зло на планету или что-то в этом роде, — пояснила она.

— Я просто ужасно неуклюжа. Прошу прощения и у вас, сэр. Мне жаль, что так вышло.

Затем Пандора прикусила губу, что заставило его задуматься о том, как бы она сосала член, если, конечно, она вообще умела это делать.

Его заинтересовала ее аура невинности. Он мог научить ее делать минет. Ему. Его брату Рафу.

Она посмотрела на него. Эта девушка была намного вежливее, чем блондинка, которая стояла, нетерпеливо постукивая каблучками, и с протянутой рукой ждала, пока Пандора соберет и вернет ей ее папки. Очевидно, Аманда не собиралась утруждать себя, чтобы помочь девушке. Хорошенькая брюнетка собрала папки блондинки и, аккуратно сложив документы внутрь, протянула их женщине.

Кад наблюдал за каждым ее движением. Ползая на четвереньках, Пандора выставила свою попку на обозрение. Даже одетая в уродливую юбку цвета хаки, она не смогла скрыть такое сокровище. Эта попка была создана, чтобы принять член, а бедра идеально обхватили бы мужчину, пока он будет входить в нее и заставит стонать от наслаждения.

Ощувив яростный толчок по коленям, он взглянул в нетерпеливые глаза Рафа.

— Ты собираешься помогать или нет?

Кад почти услышал недосказанный конец этого предложения.

"Или так и будешь стоять там, и глазеть на ее задницу?"

Он хотел глазеть на ее задницу.

Ворчание старшего брата заставило его со вздохом опуститься на пол. Папки были разбросаны повсюду, документы лежали вокруг нее подобно разноцветному одеялу хаоса.

Действительно, Пандора. Она оживила его день, поэтому ему подумалось, способна ли она потрясти его мир.

— Так что насчет кофе? — поинтересовалась Аманда, понизив голос до обольстительного шепота.

Он даже не удосужился посмотреть на блондинку.

— Сейчас не хочу. Я просто подожду Дэкса.

Цокнув язычком и выразительно фыркнув, она пошла прочь. Он улыбнулся.

— Итак, после того, как мы приберем здесь этот маленький беспорядок, вы не хотели бы что-нибудь выпить? — спросил Кадир Пандору вкрадчивым голосом.

Его брат вздернул голову, приоткрыв рот от удивления. Судя по выражению лица Рафа, тот считал его идиотом.

Что с Рафом не так? Неужели он не замечает столь лакомый кусочек прямо перед собой?

Теперь, когда Кад оказался ближе, он уловил запах ее шампуня. Цитрусовый, пряный и резкий. Восхитительный. Он глубоко его вдохнул.

Как, черт возьми, могла пахнуть ее киска? Он хотел бы уткнуться носом в каждую впадинку ее тела и впитать в себя это пряное, женственное благоухание на весь треклятый день.

Дьявол, этого было достаточно, чтобы дико возбуждаться.

— Вы в порядке?

Он открыл глаза и прекратил вдыхать ее аромат. Твою мать. Хорошей новостью было то, что она, казалось, не поняла, чем он занимался.

Плохая новость? Его брат смотрел на него, как на полного дибила. Что ж. Раф часто смотрел на него подобным образом. Кад старался не принимать это близко к сердцу.

— Я в порядке, спасибо.

— Он немного нерасторопен, если вы понимаете, о чем я, — произнес Раф с пренебрежением на его слова.

Глаза Пандоры расширились с некой долей сочувствия.

— О. В самом деле? Ладно. Давайте я покажу, как это следует делать. Так мило с вашей стороны мне помочь.

Раф присел на корточки, его лицо пересекла блестящая улыбка, пока он старался удержаться от смеха. У Кадира возникло непреодолимое желание заехать ему по морде, но было так здорово видеть брата снова улыбающимся, что он подавил свои насильственные инстинкты. Тем не менее, ему предстояло исправить урон, нанесенный оскорблением Рафа. Он не хотел, чтобы прелестная Пандора думала, будто он медлителен. За исключением постели, где он действовал бы неторопливо и смаковал бы каждый дюйм ее тела.

Он поймал ее за руку. У нее была нежная, теплая кожа, слегка мозолистая на стороне одного пальца, где она держала карандаш. Мужчина перевернул ее руку и, проследив большим пальцем дорожку голубых вен, накрыл ее своей рукой. Кад хотел, чтобы она чувствовала себя полностью окруженной им, скупое подобие того, что он и Раф могли бы ей дать.

— Мой брат просто дразнит тебя, хабиби. У меня две степени Оксфордского университета. Он думает, что я тормознутый, потому что у него их три.

Ее чудесная бледная кожа снова покрылась румянцем. Ему нравилось, что он мог так легко ее прочесть, просто посмотрев на нее. Кадир будет знать, если она солжет. Прежде, в отношениях с женщинами, он всегда использовал это в своих интересах, но его маленькая Пандора была совершенно иным случаем.

— Прощу прощения. Похоже, мне до вас далеко. У меня всего лишь одна степень университета Хейл на Западном Техасе. “Вперед, Быколягушки!”

Она издала очаровательный смешок и, казалось, не в состоянии остановить поток лившихся из нее слов.

— Нелепый талисман. Правда. Вы ни за что не захотели бы надеть этот костюм в августе в Абилине. Он слишком жаркий. И тесный. И единственный костюм-талисман, в котором вас заставляют прыгать. Они говорили, что так будет более правдоподобно, но мне кажется, они просто хотели меня помучить. Отвратительный способ обрести единый школьный дух. Хотя, это упражнение отлично тренирует квадрицепсы. Это мышцы бедра. Пойдите. Вы наверняка и так это знаете, Оксфорд, и все такое... Мне пора бы заткнуться. Вот прямо сейчас.

— Алло! — раздался приглушенный женский голос откуда-то с пола.

Пандора вырвала свои руки из его ладоней и с перепуганным лицом стала рыться в бумагах, пытаясь что-то найти.

— Я уронила свой телефон. Черт!

Затем она снова опустилась на четвереньки в своих отчаянных поисках.

Теперь Кад был не единственным, кто смотрел на ее зад. Раф практически пустил слюну, пока его глаза путешествовали от изящной линии ее позвоночника до округлых полушарий ее попки. Глаза Рафа, полные заинтересованного блеска, встретились с его. Кадир приподнял брови и сделал знак в сторону своих часов. Было довольно рано, но, если бы им удалось уговорить ее на ланч, вполне вероятно, они могли бы оказаться в постели уже к 12:30.

Их квартира располагалась как раз неподалеку. Они накормят ее, может, угостят бутылкой хорошего вина. И тогда, возможно, смогут убедить этот прелестный комочек хаоса оказаться между ними.

Раф нахмурился и приподнял свою папку, ту самую, в которой было имя женщины, ради которой они пришли сюда. Пайпер Глен. Предполагаемая спасительница Безакистана. Остается надеяться, она не окажется какой-нибудь фригидной интеллектуалкой.

Секс с Пандорой придется отложить.

Раф с сожалением кивнул и беззвучно проговорил одними губами: "Ужин?"

Да. Если, конечно, они не будут к тому времени на борту самолета с их будущей женой. Он тосковал по тем старым временам, когда никто и не думал, будто шейх должен быть верен одной женщине. Они могли бы жениться на ком угодно и приберечь маленькую Пандору для истинных наслаждений. Но нет. Сейчас он находился под прицелом папарацци, таблоидных крыс и воскресных выпусков новостей, разглашающих, куда и сколько он удосужился сунуть свой член...который, кстати, и не думал опускаться.

Он вздохнул и снова принялся собирать бумаги.

— Минди? Ты еще здесь? — Пандора вскочила, поднеся к уху телефон.

— Ты получила чек? Хорошо. Купи себе книги и не забудь приберечь сдачу. Я не смогу тебе ничего отправить до следующей зарплаты. Люблю тебя. Нет. Я не хочу ничего о нем слышать. Если только он не сдох. Тогда и поговорим. Черт. Нет, я не желаю ему смерти. Спасибо. Ты замечательная сестра, — она закрыла свой телефон, казавшийся настолько устаревшим, что Кад удивился, как эта штука до сих пор работает.

— Простите за все это. Я разговаривала со своей сестрой и немного отвлеклась.

Она сложила последний лист в бессистемную кучу, которая, вероятно, свела бы Рафа с ума. Привередливый до крайней степени педантичности, Рафик лишь улыбнулся и протянул ей свою идеально сложенную и собранную стопку.

— Мы все отвлекаемся время от времени, — произнес Раф сдержанно, будто не глазел на ее задницу несколько минут назад.

Он вежливо наклонил голову.

— Желаю вам доброго дня.

Она улыбнулась, снимая очки и сдвигая их вверх. Это была роковая улыбка. Кад бессовестно уставился на нее, потому что своим действием она осветила всю эту чертову комнату.

— Большое спасибо. И вам хорошего дня.

Она повернулась и пошла прочь, заплетаясь в ногах и пытаясь уравновесить бумаги и телефон в своей хватке.

— Ох, мы просто обязаны ее попробовать, брат мой.

Раф стоял рядом с ним и, склонив голову набок, наблюдал за удаляющейся девушкой. Кад мысленно поблагодарил небеса, потому что Раф, как и он сам, находился в дурном расположении духа на протяжении последних нескольких месяцев.

— Да, ты прав. Давай разыщем Дэкса и покончим с этим, а после развлечемся с Пандорой и осчастливим ее как следует. Нам лучше узнать ее имя, прежде чем трахнуть.

Вдруг на его плечо опустилась чья-то рука, и Дэкстер Джеймс протиснул все свои шесть футов пять дюймов роста и двести двадцать фунтов живых мышц между Кейдом и его братом

— Ее зовут Пайпер, и я прикончу вас обоих, если вы к ней прикоснетесь.

— Пайпер?

Неужели Пайпер Глен? Эта невероятно суматошная маленькая сексапильная штучка и была той самой невзрачной девушкой на фотографиях, на которой Талиб хотел жениться?

Одновременно две мысли посетили Кейда, пока Дэкс вел их к своему офису:

Во-первых, у его старшего брата потрясающий вкус.

И, во-вторых, он готов был надрать задницу Дэксу прямо сейчас, потому что в его планы входило не просто прикоснуться к этой прелестной женщине.

* * * *

Пайпер Глен сумела добраться до своего крошечного офиса без прочих катастроф. Только теперь она не могла открыть дверь.

— Позволь мне.

Джина Джейкобсон повернула ручку и с улыбкой распахнула дверь.

— Вот и твое королевство.

Эта маленькая каморка три на три едва ли походила на королевство, особенно учитывая великолепный вид на мусорный контейнер в переулке позади здания, и максимальная удаленность от лифтов. Этот маленький офис выделили ей, как скромному научному работнику. Другой на ее месте давно бы сбежал.

Пайпер лишь вздохнула и, немного поворчав, сгрузила свои документы на стол.

— Что произошло, милая? На тебя повесили того парня из почтового отделения? Честное слово, я могу взять его себе. У меня уже есть двое новичков. Еще один двадцатиоднолетний задохлик меня не обременит.

Пайпер плюхнулась на стул, и последние несколько минут обрушились на нее, подобно скверному фильму ужасов.

— Нет. Дело во мне. Пандора снова в ударе.

Сотрудники “Блэк Оук Ойл” окрестили ее Пандорой, выпустившей вселенское бедствие на землю, потому что она остановила работу во всем здании в свой первый же рабочий день. Но ее вины не было в том, что этот чертов предохранитель взорвался, потому что ее кофеварка была родом из шестидесятых. Иногда она становилась миной замедленного действия. Однако она была умным и чертовски хорошим научным сотрудником.

Джина издала сочувственный стон и оперлась бедром о стол Пайпер.

— Расскажи мне все, милая.

Эта дама в возрасте обожала добродушные сплетни, в отличие от Аманды, разносившей такие... вещи, которые Пайпер не следовало знать, иначе ее мама перевернулась бы в гробу.

— Я разговаривала с сестрой и налетела прямо на Аманду.

Джина отмахнулась.

— О, дорогая, это неизбежно. Готова спорить, ты просто отскочила от ее фальшивых сисек. Я частенько думаю, что ей следовало бы сдавать эти буфера в аренду в качестве батута для детей.

Пайпер посмотрела на свою грудь.

Вероятно, они были такими же большими, как и у Аманды, только настоящими, отчего немного опустились под собственным весом. И это в ее то двадцать пять. Кроме того, из-за них у нее возникали определенные трудности с одеждой.

Она вздохнула. Это не имело значения. Она тут не для того, чтобы искать свою любовь. Пайпер покончила с этим. Джонни Тайлер, получивший от друзей прозвище Любитель Наслаждаться, убедил ее, что мужчины походили на голодных собак с костью. Если уж ей не удалось удержать кого-то вроде Джонни, она, вероятно, никогда не сможет найти достойного мужчину. И она смирилась с этим. Теперь ее мысли занимала лишь карьера.

Стоит взглянуть правде в лицо. Ее женские флюиды давным-давно перешли в спящий режим. Правда, они ожили в ту минуту, когда Красавчик-Номер-Один положил на нее свою руку. Ее сердечный пульс утроился в своем ритме, а кожа вспыхнула. Просто ужасно, что ее рот никак не закрывался. Она всегда много говорила, когда нервничала.

— Кстати, у нас двое новых парней? Высокие, вероятно, со Среднего Востока, но с британским произношением?

Красавчик-Номер-Два был так же красив, как и его брат. Она была уверена, что они родственники.

Глаза Джини распахнулись.

— Ты говоришь о Рафике и Кадире Аль Муссад? Да. Точно. У каждой женщины после встречи с ними появляется вот такой взгляд. Они здесь достаточно давно. Я удивлена, что ты не повстречала их прежде.

Ее голос снизился до заговорщического шепота.

— Они сказочно богаты и представляют здесь интересы Безакистана. Разве не ты работаешь над их экологическим проектом?

Точно. И все документы находились в этой громадной кипе, которую ей предстояло тщательно перебрать. Она справится с этим до вечера — не то, что бы у нее были другие дела на примете. Эта работа была для нее ступенью на пути к чему-то большему и лучшему.

— Да. Я провожу кое-какие подсчеты для нашего партнера. Тала.

Джина уставилась на нее.

— Ты вздохнула, назвав его имя.

— Неправда.

Ну, или почти.

Тал был ее куратором в Безакистане. Компания “Блэк Оук Ойл” сотрудничала с правительством Безакистана над запуском экологического энергопроекта, и Пайпер должна была составлять воедино результаты всех исследований. Она переписывалась с Талом по электронной почте и разговаривала с ним по телефону на протяжении нескольких месяцев.

— Он просто славный.

— Тал? Из Безакистана? Не думаю, что слышала о таком. Но я точно знаю, что шейх, Талиб, также великолепен, как и его братья. Ты встречалась с мужчиной, с которым разговаривала по телефону? Может, тебе бы захотелось на него взглянуть, потому что я слышала, они там все невероятно сексуальные.

Пайпер покачала головой. Только не Тал. Тал был сдержанным и очень учтивым. У него был завораживающий и вежливый голос. Она не могла представить его похожим на двух великолепных, смахивающих на кинозвезд мужчин, которых она только что встретила, но ей определенно понравилась эта мысль.

— Я сильно в этом сомневаюсь. Он очень... умный.

А так же организованный и изобретательный. И она понятия не имела, сколько ему лет. Вероятно, немало. И конечно он женат и у него есть куча ребятишек.

Но могла же она немного помечтать?

Джина прыгнула со стола.

— Мне не нужен умный мужчина. Меня вполне устраивают немые, сексапильные парни. У моего Мэтью, конечно, задница вместо головы, но мышцы его груди — это произведение искусства. Ты пойдешь с нами на обед?

Пайпер выдавила из себя улыбку.

— Не могу. У меня много работы.

Джина пожалала плечами и вышла, закрыв за собой дверь.

Желудок Пайпер возмущенно заурчал, и она в очередной раз пожалела о том, что оставила свой пакетик с ланчем в поезде. Хотя он и был не богат: сэндвич с арахисовым маслом и джемом, и несколько небольших морковок, но все же, это было лучше, чем ничего.

Она подумала о своей маленькой однокомнатной квартирке. Пайпер отослала последние деньги Минди на оплату ее обучения в школе. Пройдет больше недели, прежде, чем она получит свой скромный чек от “Блэк Оук”.

Девушка мысленно сделала подсчет содержимого своего холодильника...н-да, следующая неделя не обещала быть радужной. Она взглянула на календарь, и ее желудок сделал кувырок.

Что ж, по крайней мере, она больше не голодна.

Завтра могла быть ее первая свадебная годовщина, если бы она все-таки вышла замуж. Пайпер до сих пор время от времени чувствовала прикосновение белого атласа ее свадебного платья к своей коже. Она посмотрела на себя в зеркало и, на короткое мгновение, снова превращалась в принцессу.

Ее глаза наполнились слезами. Как оказалось, миленьким девушкам, посещающим церковь, ее принц предпочитал стриптизерш. Она осталась у алтаря одна, с запиской, под осуждающими взглядами каждого в ее маленьком городке.

Теперь ей было необходимо позаботиться о том, чтобы сестра окончила школу, ведь как только Пайпер разорвала всякие отношения с семьей мэра, стипендия Минди загадочным образом исчезла.

Девушка глубоко вздохнула. Она не могла туда вернуться, и поэтому сейчас она была здесь. Конечно, за ее работу платили гроши, а в этом крошечном офисе она едва ли могла развернуться, но это было ее королевство. И когда-нибудь, все изменится к лучшему. А пока, она будет над этим работать.

Сделав глубокий вздох, она отбросила мысли о разбитых мечтах и о мужчинах с кожей, будто поцелованной солнцем. Пайпер потянулась к кипе лежащих перед ней документов. Ее ждала работа.

Раф поерзал. Мягкое кресло, в котором он сидел, было довольно удобным, но его мысли занимали отнюдь не кожаная обивка и элегантность офиса Дэкса. Его колена подергивалось — верный признак того, что он находился в глубоком нетерпении.

Кад послал ему кривую улыбку, что напомнило Рафу о том, почему он не играл в покер со своим сообразительным младшим братом. Ему следовало поучиться у Када делать такое каменное лицо.

Дэкс, вероятно, видит его насквозь, но, блять, он мог думать только о том, чтобы найти и увезти Пайпер отсюда. Именно так поступили бы его предки. Его собственная мать была последней в длинной череде прекрасных плененных невест, каждую из которых похитили и благополучно выдали замуж после головокружительного ухаживания, призванного завоевать и заставить ее навеки безумно влюбиться.

Раф знал, что перед ними стоит сложная задача. О, они могли ухаживать за Пайпер. Они даже могли заполучить невинную малышку в постель. Но найти истинный путь к завоеванию ее сердца, будет намного труднее. Конечно же, если после разговора с Дэксом и встречи с Пайпер, Талиб по-прежнему будет в этом заинтересован. Учитывая, что он испытывал по отношению к ней сейчас, Раф едва ли откажет себе в удовольствии надрать задницу старшему брату, если тот передумает.

— Вы двое в своем уме? Она абсолютно не ваш тип.

Дэкс оглушительно хлопнул дверью. Раф был слегка обескуражен.

— С чего ты так решил, друг мой?

Дэкс провел рукой по волосам и нахмурился, словно оттягивая момент, прежде чем заговорить.

— Она очень милая девушка.

Губы Када сжались в тонкую линию.

— И ты считаешь, что нам не нравятся милые девушки?

— Само собой, они могут вам нравиться, но вы, черт возьми, должны держаться от них подальше, особенно от такой, как Пайпер.

Перейдя в режим старшего брата, Дэкс отбросил свою прежнюю скованность.

— Эта девушка — одна из самых приятных женщин, которых я встречал. Она очаровательна и остроумна, и, возможно, совершенная недотепа, но, на мой взгляд, это делает ее еще более обворожительной. И она подруга Ханны. Они обе родом из одного маленького городка. Когда она искала работу, то обратилась к Ханне, и мы предоставили ей должность. Я бы с удовольствием дал ей что-нибудь получше, но она настояла на отделе исследовательских работ, несмотря на то, что это самый начальный уровень. Пайпер хочет стать частью этого предприятия, но сначала изучив все с самых азов.

Потому что она — сама честность. Раф уже разглядел это в ней. Он следовал за ней по вестибюлю, прежде чем она случайно столкнулась с силиконовой Амандой. Он остановился плотнеть из фонтана, когда она, само воплощение женственности, с этими округлыми изгибами и бедрами, прошла мимо.

В одно мгновение, природа его жажды переменилась.

Рафик последовал за ней по коридору с тем, чтобы предложить ей донести ее папки, но затем услышал, что она разговаривала по телефону с сестрой. Пайпер оплачивала обучение

девочки в школе. Конечно, он услышал лишь часть разговора, но из того, что он почерпнул, было похоже, что она не могла позволить своей сестре работать более нескольких часов в неделю, пока та не окончит университет, так как считала это своей обязанностью и не хотела, чтобы девочка сильно утруждалась.

Семья была для нее важна, Раф понимал и уважал это. На самом деле, он находил эту черту ее характера невероятно привлекательной.

У Рафика была возможность тщательно изучить девушку. Дешевая одежда, дрянная обувь, которую она, должно быть, приобрела в комиссионном магазине, и сотовый телефон, явно выдавший лучшие времена. Хрупкая красотка, очевидно, отправляла своей сестре каждый сбереженный цент. Кроме всего прочего, узнав, что она была той самой Пайпер, на которой было сосредоточено внимание Талиба, он был заинтригован ею еще больше. В отчетах, предоставленных старшим братом, не было ни слова о ее греховно-сексуальной невинности. Вместо этого, в них содержалась лишь та информация, которую шейх счел заслуживающей внимания — совокупность чисел и дат, представляющих собой формальное экспозе жизни Пайпер Глен на настоящий момент.

Тал не упомянул, насколько прелестной она была, как будто это его не особенно интересовало. Вместо этого, он отметил довольно высокий уровень ее интеллекта. Но в отчете ничего не было сказано о том, как она жертвует собой ради сестры. В бумагах имелось еще несколько строк о ее родных, но ничего, что касалось бы личной жизни девушки.

Какую игру вел Талиб?

Раф боялся, что задумка старшего работала, ведь в мыслях Кад уже надевал ей на палец кольцо и предвкушал увидеть ее в постели между ними тремя. Рафик хотел узнать больше о Пайпер, прежде чем позволит себе к ней привязаться. Но времени становилось все меньше. У него не было тех желанных месяцев, чтобы ее узнать.

Сейчас у них была одна цель — доставить ее в Безакистан, где выяснится, станет ли она для них подходящей невестой, и затем соблазнить ее по всем правилам. Если Пайпер действительно окажется такой, как представляется, Раф будет счастлив обладать такой женщиной. Он мог бы дать ей все необходимое. Заботиться о ней, предугадывая любую ее потребность, пока она не потянется к нему, словно цветок к солнцу. Он мог бы открыть ей свой мир, и занять свое место в ее собственном.

Дэкс вздохнул.

— Слушайте, парни, мне знакома эта схема. Черт, я бы даже сказал, что мы со Слэйдом ее изобрели. Вы находите некую сексуальную штучку с аппетитным задом, делите этот лакомый кусочек между собой, заставляя ее стонать до потери пульса, а затем проводите с ней ужин и дарите какую-нибудь изящную безделушку на прощание. Я могу это понять. Но Пайпер для вас под запретом, потому что, во-первых, мне нравится эта девушка, и она заслуживает большего, нежели оказаться очередной мишенью в списке ваших побед. И, во-вторых, если в итоге она придет плакаться на плечо моей супруге о том, что вы двое ее использовали, и Ханна узнает, что я мог уберечь ее от этого, моя жена подвесит меня за яйца. Она снова беременна. Вы знаете, что может сделать женщина с избытком гормонов в крови с парой мужских яиц? Конечно, для нас они являются эталоном нашей мужественности, но эти ублюдки довольно хрупкие. Если вам так хочется развлечься, обратитесь к Аманде. Вы ведь видели ее, верно? Блондинка. С большими сиськами и острым язычком. Она прекрасно подойдет для ваших увеселений, в отличие от Пайпер, которая не

только не знает, какого рода игры вы предпочитаете, но и понятия не имеет, по каким правилам в них играют.

Аманда? Раф послал брату долгий взгляд. Очевидно, Кад также не был заинтересован в подобном дерьме.

Дэкс так своевременно «забыл» свою собственную историю, в которой он и его братья соблазнили прелестную, юную Ханну прежде, чем жениться на ней. Они не препятствовали Дэксу и дальше распинаться обо всех ужасах секса без обязательств, а также о том, как сильно они могли ранить нежную психику Пайпер, ее сердце, и все в этом роде, лишь потому, что, как он полагал, Раф и Кад никогда не остепенятся.

Рафик поднял руку.

— Тут ты не прав, дружище. Мы не просто ищем женщину на одну ночь.

Дэкс запнулся и уставился на него.

— Что это значит?

Кад откинулся в кресле, небрежно закинув одну ногу на колено. Он походил на легкомысленного плейбоя, каким, собственно, и являлся, но Раф знал, что сейчас брат абсолютно серьезен.

— Это значит, что мы должны выбрать. Талу почти тридцать пять, и наше время практически на исходе. Гэвин объяснил тебе это?

Гэвин был генеральным директором "Блэк Оук Ойл" и одним из братьев Джеймс, имевшим самые тесные связи с Безакистаном. Кроме того он являлся старшим братом Дэкса. Вместе с их средним братом, Слейдом, они делили Ханну.

— Отчасти, — ответил Дэкс.

— У Талиба осталось шесть месяцев, чтобы выбрать жену, верно?

Все было гораздо сложнее, но сводилось именно к этому, поэтому Раф согласно кивнул.

— Да. Мы подумывали внести некоторые изменения в конституцию, чтобы она более соответствовала тенденциям современного общества, но столкнулись с некоторыми проблемами.

Кад резко поднялся.

— Если мы начнем пересматривать конституцию, которую сами же и написали, она станет потенциально открытой для поправок любого другого рода, в том числе таких, которые исходят от некоторых наиболее религиозных фракций в нашей стране, предпочитающих вести менее приобщенную к европейской культуре политику, и более схожую с нашими соседями.

— Мы прекрасно знаем, что несколько членов законодательного собрания предпочли бы искоренить брачные обычаи королевской семьи, чтобы ослабить нас, — добавил Раф.

Дэкс прищурился.

— И вы поделите жену, чтобы не пришлось делить страну, верно?

— Именно, — подтвердил Раф.

— Эта традиция из далекого прошлого укоренилась во многих наших регионах, как способ сохранить целостным состояние семьи, не обделяя при этом младших братьев и сестер, и до сих пор практикуется среди нашего населения. Право первородства — древнейшая традиция Запада, но она заставляет младших сыновей обращаться в бедность, религию, или же войну. Мы не хотим этого для наших детей. Такое происходит и сегодня, хотя многие этого не видят. Они считают нашу традицию делить невесту варварской, хотя это сплочает наши семьи.

Дэкс усмехнулся.

— Не жди от меня возражений на сей счет, приятель. Я слишком дорожу своими яйцами, чтобы рисковать ими в данном случае.

— Рад, что ты согласен. Проблема в том, что наш брат оказался весьма избирателен.

И Раф еще мягко выразился. Талиб был просто ужасен. Они с Кадом даже пытались ему возразить, поэтому за последние два года они вместе просмотрели около двадцати женщин. И все двадцать были отклонены.

Талиб не брал в расчет особ королевских кровей, опасаясь головной боли от союза двух династий, или принцесс, с отрепетированными улыбками на танцевальных приемах, но надменным поведением в спальне. Он также не желал связываться с девицей, способной стать источником ненужных толков, или же типичной охотницей за чужими сокровищами. В конце концов, таинственный Безакистан, с его уникальными обычаями и культурой, всегда был источником интереса.

Талиб хотел интеллигентную девушку. Она должна уметь достойно обращаться со СМИ, быть достаточно фотогеничной, обладать красивой улыбкой и добрым сердцем. Она должна любить детей, щенков, радугу, и бла, бла, бла... Еще никому не посчастливилось пройти отбор Талиба. Что было просто замечательно, учитывая, что Раф ненавидел каждую из этих двадцати холодных женщин. Женщин, не имеющих сердца, и с очерствелой душой.

Кад, не колеблясь, взял бы одну или две из них к себе в постель, но дал ясно понять, что ни на одной не собирается жениться. И теперь для них троих настал крайний срок, чтобы найти невесту и жениться на ней. Если они не выберут ее в ближайшее время, трон перейдет их двоюродному брату, Халилу, который хоть и любил местную роскошь, но никогда не относился к их завораживающей стране с такой любовью, как то было необходимо.

— На самом деле, мы здесь по той причине, что Талиб, вероятно, нашел подходящую кандидатку.

По лукавой улыбке Када, Раф понял, что они с братом были на одной волне. Дэкс хотел провести для них лекцию? Что ж, его ждет сюрприз.

Бывший Таунсенд, ныне Джеймс, закатил глаза.

— То есть, вы ищете жену, но намереваетесь сделать небольшое отклонение от курса, чтобы попускать слюни на моего научного сотрудника, вы серьезно? Парни, так не пойдет.

Раф положил папку с информацией о Пайпер на стол, задержав на ней свою ладонь. В ней содержались исходный отчет и замечания самого Талиба о девушке, а также фрагменты короткой переписки, которая у них состоялась. Раф уже имел возможность досконально изучить все и был заинтригован, но после встречи с девушкой, его восхищение ее истинной натурой, которую он смог понять, увеличилось во сто крат.

— Конечно, ты прав. Это было бы весьма непристойно с нашей стороны.

— И, очевидно, подруга твоей жены слишком мила для таких скверных парней, как мы, — усмехнулся Кад.

— Старик, я рад, что вы меня поняли. — Дэкс примирительно поднял руки. — Я не пытаюсь уличить вас в чем-либо. Я отлично знаю, каково это, быть на вашем месте, имея определенный... зуд, который частенько хочется унять. Слэйду и мне пришлось довольно потрудиться в борьбе за старшего брата, пока Ханне не удалось его победить. Но Пайпер не просто девушка для развлечений. Таких, как она, берут в жены. Неужели вы не можете найти кого-нибудь другого?

Улыбка коснулась губ Рафа, когда Дэкс угодил прямоком в их ловушку.

— Конечно, я бы не хотел, чтобы Пайпер страдала. Теперь, что касается имени женщины, которую Талиб поручил нам изучить в качестве потенциальной невесты. Он полагает, что она довольно умна и обладает множеством тех достоинств, что мы ищем. Если бы ты мог рассказать нам все, что знаешь о ней, перед тем, как мы попытаемся с ней сблизиться, так сказать, заполнить некоторые пробелы, мы были бы тебе весьма благодарны.

Дэкс притянул к себе папку.

— Ну конечно. Любой женщине, которую вы выберете, невероятно повезет. Ваша страна восхитительна, а этот дворец — просто нечто.

Он открыл папку и, увидев имя Пайпер, сделал глубокий вдох.

— Сукин ты сын.

Раф не смог сдержать улыбки.

— Так ты устроишь для нас обед?

Дэкс едва заметно прорычал.

— Вам двоим лучше хорошо о ней заботиться. Нет, даже чертовски хорошо. И никакого секса до тех пор, пока все не устаканится.

Он поднял трубку телефона и начал с кем-то говорить.

Кад послал Рафу ленивую улыбку. О да, они будут хорошо о ней заботиться. И в скором времени, он полагал, они позаботятся о ней так чертовски хорошо, как Дэксу и не снилось.

Пайпер осмотрела ресторан, надеясь, что никто не обратил внимания на ее одежду из комиссионного магазина. Здесь она чувствовала себя, словно не в своей тарелке, и до сих пор не могла перестать таращиться по сторонам. Это место было изумительным и совершенно отличалось от тех, где она бывала прежде, учитывая, что в ее родном городке лишь одно заведение можно было назвать рестораном. И "Нора пирогов Петти" мало чем походило на это место. Черт возьми, она надеялась, что ей удастся ничего здесь не разбить и правильно подобрать нужную вилку.

— Чего бы тебе хотелось, хабибти?

Его голос был словно сорт дорогого шоколада. Рафик. Так он представился ей, но сразу же попросил называть его Раф. Он открыл для нее дверцу и помог выйти из машины, словно знал, что она вполне способна нырнуть головой в тротуар.

— Что это значит?

Он назвал ее так уже дважды. Она задумалась, может причина была в том, что он до сих пор не мог запомнить ее имя? В "Блэк Оук Ойл" сотрудникам не раздавали именные карточки.

— Хабибти?

Пайпер кивнула, стараясь сохранить взгляд спокойным при виде цен в меню ресторана. Она могла бы купить корову за те деньги, что здесь стоил один лишь стейк. Мистер Джеймс объяснил ей, что она была приглашена в качестве гостя, но девушка не привыкла к ухаживанию такого уровня.

— Да, сэр. Я не знаю, что это значит.

Кадир, или Кад, как он предпочитал, элегантно движением опустил салфетку на свои колени.

— На арабском языке это равнозначно слову "любимая".

Пайпер спрятала улыбку. Что ж, по всему миру мужчины всегда оставались неизменными. Всю свою жизнь она была окружена представителями сильного пола,

называвшими каждую женщину, в возрасте от восьми до восьмидесяти, любимой или дорогой. Они либо пытались казаться обаятельными, либо были не сильны в том, что касалось памяти на имена. Тем не менее, в этом было свое очарование.

— О, это довольно мило. Так чем я могу вам помочь, мистер Аль Муссад? Я была уверена, что вы получили все данные по исследованиям и проектированию от Тала.

— Тала? — переспросил Кад.

Реакция Рафа была моментальной.

— Да, Тала. Знаешь, брат, того парня, что проводил полевые исследования в Безакистане для нашего энергопроекта.

Кад немного наклонился вперед.

— Серьезно? Тал? Уж не пудрит ли он нам мозги?

Раф послал брату предостерегающий взгляд перед тем, как снова повернуться к ней, и Пайпер нахмурилась. Было похоже, будто у этих двоих состоялся негласный разговор, с помощью поднятых бровей и отрывистых жестов.

— Я получил информацию от Тала, — заверил ее Раф. — Но я хотел бы услышать твое мнение. Гэвин Джеймс тебя высоко ценит. Ты ведь написала курсовую статью в области экономики, верно?

Она улыбнулась. Если и было что-то, чем она гордилась, это ее ученая степень. У нее ушло на это пять лет, так как ей приходилось работать на протяжении всей учебы, и тем не менее, удалось закончить университет с отличием.

— Да, у меня степень бакалавра в области экономической науки. Моя дипломная работа была на тему специализации экономической жизнеспособности возобновляемых источников энергии.

— Впечатляет. Так ты считаешь данный проект “Блэк Оук” жизнеспособным?

Она была глубоко взволнована по поводу открывавшихся здесь перспектив. Безакистан мог стать огромным научно-экономическим экспериментом.

— Полагаю, принимая в расчет уникальное положение вашей страны на мировом рынке топлива, а также уровень развитости вашей экономики, у вас есть возможность сделать огромный рывок. Транспортные компании Бразилии практически полностью перешли на биотопливные двигатели. Представьте, какие возможности откроются перед вами, если скомбинировать биотопливо, энергию ветряных установок и солнечных электростанций. Вы можете изменить мир. Вы сможете осуществлять поставки энергии в те страны, которые не могут себе этого позволить.

Безакистан был своего рода идеальным испытательным полигоном. Страна была богата нефтью и имела миллионы акров пустынь, идеально подходящих для добычи солнечной и ветряной энергии. Их инфраструктура была одной из самых надежных в мире, и практически все находилось под контролем одного человека — Шейха Аль Муссада. И, как объяснил Дэкс Джеймс, когда звонил ей, чтобы устроить этот обед, сейчас у нее была встреча с двумя его братьями. Боже, она надеялась, что не выставила себя перед ними идиоткой.

— Но насколько это жизнеспособно с финансовой точки зрения? — допытывался Кад.

Конечно, это было непросто реализовать. Они с Талом работали над этим проектом в течение многих месяцев. Ее заботили гуманитарные и экологические аспекты. Но Пайпер понимала, что миром правят деньги. Хорошо, что она лишь собирала информацию, а Тал уже предоставлял ее шейху.

— Не сразу же, конечно, но я думаю, что со временем одни лишь патенты на некоторые

из этих технологий сполна восполнят все ваши вложения.

По крайней мере, они не смотрели на нее, как на сумасшедшую. Раф откинулся назад, положив руку на стенку кабинки позади ее плеч. Проклятье, как же он был привлекателен. Его черные, как смоль, волосы были идеально подстрижены, а темные пронизательные глаза смотрели с лица, достойного оказаться на обложке журнала.

Кад ничуть не уступал ему в красоте.

Пайпер приказала себе собраться с мыслями.

— Я более, чем готов выслушать все, что ты можешь рассказать нам по этому поводу, — произнес Раф, жестом подзывая официанта.

— Может, выпьем, пока беседуем? Вина?

Чтобы наклюкаться в слюни к тому времени, как подадут десерт? Нет уж, спасибо.

Она давно уяснила для себя, что не может справиться даже с ликером. Девушка и так адски нервничала, не хватало еще заснуть на глазах у этих восхитительных богов всего мужского пола, в чьих руках была сейчас ее карьера.

— Нет, спасибо. Только чай со льдом.

— Конечно, — произнес Раф. Было похоже, что он разочарован. — Три чая со льдом и блюдо с устрицами, пожалуйста. Мы будем готовы сделать основной заказ чуть позже.

Официант поспешил удалиться.

Кад отложил свое меню.

— Что ты думаешь о путешествиях, Пайпер?

— Я никогда не бывала за пределами Техаса. Но я много читала о разных местах. У меня даже есть список тех из них, в которых я мечтаю побывать, просто сейчас у меня пока нет такой возможности.

— Могу я спросить, почему? — в одну секунду Раф оказался ближе к ней, полностью переключив на нее свое пристальное внимание.

— Ты молода. Даже в моей стране некоторые молодые люди выезжают за границу, чтобы посмотреть на мир. Я слышал, что многие американцы любят пересекать Европу пешком ходом.

Кад фыркнул.

— Не могу представить, что их в этом привлекает. Однажды я останавливался в гостинице. Мои отцы были сильно недовольны тем, как я распоряжался деньгами, и я решил попробовать сэкономить. Теперь я понимаю, почему на эту тему снято много фильмов ужасов. Пеший туризм, очевидно, весьма вонючее удовольствие.

Девушка рассмеялась. Она вдруг представила изысканного Кадира Аль Муссада на ранчо ее отца.

— Мне все равно бы это понравилось. Я родом из Западного Техаса. Поверьте, если до вас хоть раз доносился ветер со стороны пасущегося стада, ни один человеческий запах вас уже не пугает. Я планировала совершить большое путешествие, чтобы отпраздновать окончание средней школы. Не по Европе, но я собиралась объехать все Западное побережье от Сан-Диего до Ванкувера. Я даже купила маленький автомобиль с откидным верхом, и откладывала все свои деньги с летней подработки. Я собиралась поехать с парой друзей.

— И что же случилось?

Ох, так много всего. Ее сердце сжалось, что происходило всякий раз, когда она думала о тех месяцах.

— Жизнь случилась. Мой отец внезапно умер. Мамы не стало за несколько лет до этого,

после борьбы с раком. Я осталась с сестрой. Поначалу я думала, что это лишь на лето. У меня была стипендия в университете Техаса, в Остине. Я предполагала, что смогу найти рабочего на ранчо и опекуна для сестры, и осенью планировала уехать.

Ее глаза затуманились из-за наворачнувшихся слез. Почему она делилась настолько личным? Пайпер всегда говорила слишком много. Эти мужчины пригласили ее на деловой обед, чтобы поговорить о бизнесе, а не слушать историю ее жизни.

— Мне очень жаль. Мы говорили о патентах.

Пайпер заметила, что Раф был не единственным, кто придвинулся ближе.

Кабинка была выполнена со вкусом и имела форму полукруга. Девушка сидела между ними, и, казалось, никто из мужчин не испытывал потребности в личном пространстве. Они словно начали ее теснить. Длинная мускулистая нога Када касалось ее собственной, посылая через нее непривычную волну жара. Этот жар запылал еще горячее, когда ей улыбнулся Раф.

— Нет, хабибти. Продолжай, — приказал он. — Почему ты не поехала в университет, который выбрала?

Рафик был так близко, что она могла чувствовать тепло, исходящее от его тела, и мускусный запах его одеколona. Она посмотрела на мощную колонну его шеи, на твердую линию подбородка, на чувственную форму его губ. Пайпер с трудом оторвала от него свой взгляд.

— Хмм, я не могла оставить сестру. Как только я обнаружила, что ранчо полностью в долгах, мне пришлось продать его вместе с нашим домом. Никто не хотел брать Мелинду. Ей было четырнадцать, и она была немного диковатой. Вы должны понимать, что городок, в котором я выросла, был очень маленьким и довольно консервативным. Через неделю после похорон отца одна женщина из местных жителей подошла ко мне и сказала, что мне следует отдать Минди в службу опеки.

— У вас не осталось никого из родных? — спросил Раф с глубоким сочувствием в голосе.

Она заставила себя улыбнуться, хотя понимала, что улыбка вышла довольно горькой.

— Почему же, у нас были родственники, просто никому из них не было до нас никакого дела. Родители моей матери были миллионерами. Когда она отказалась выйти замуж за мужчину, выбранного ими, они просто отреклись от нее. Бабушка с дедушкой даже не помогли оплатить похороны моего отца, так что мне самой пришлось искать возможность сделать все так, как полагается. Они никогда не видели меня или Минди. Они сказали, что от дворняг нет никакого толка.

И опять она выложила слишком много. Почему она всегда так много болтала, когда нервничала? Это было, словно болезнь. Стоит ей лишь начать, и Пайпер Глен любому выложит все, что угодно.

Сильная рука накрыла ее ладонку, обдавая теплом и жаром такой температуры, что она буквально начала плавиться от этих ощущений. Девушка моргнула и сделала беззвучный вдох, обнаружив, что за ней наблюдает Раф.

— Для вас к лучшему, что их нет в вашей жизни.

— Да.

Хотя чек пришелся бы весьма кстати.

— Все к лучшему. Мы с Минди отлично справились. Днем я работала в магазине одежды, а затем посещала вечерние занятия... и вот, сейчас мы здесь. Минди учится на

втором курсе университета. Теперь она в порядке. У нас все хорошо.

Официант поставил перед ней чай со льдом, но неожиданно ее вторая рука тоже оказалась занята, захваченная в плен ладонью Када. Видимо, парни из Беакистана были падки на прикосновения. Пайпер заставила себя расслабиться. Она слышала, что у людей других культур понятия о приемлемых границах совершенно иные, нежели чем у американцев. Кад слегка сжал ее руку

— В восемнадцать лет ты осталась совершенно одна, с сестрой на руках, которую было необходимо оберегать. Должно быть, это было невероятно тяжело.

— Ну, мне не приходилось менять ей памперсы или что-то в этом роде. Хотя, возить ее на занятия и забирать обратно было сущим кошмаром. Seriously, эти мамочки напоминали мне некий культ. Если бы мне пришлось продать еще одну коробку печенья или сделать бутоньерку для выпускников, моя голова просто бы лопнула.

— Что было бы просто ужасно, учитывая, насколько она у тебя прелестна.

Медленно, Раф отпустил ее руку и потянулся за одной из до нелепости красиво уложенных устриц.

— Это тебе, Пайпер.

Угощение выглядело просто изумительно. Но как только она притронется к одной из них, все обязательно пойдет наперекосяк, устрица выскользнет из своей маленькой прелестной раковины на пол, и какой-нибудь важный человек поскользнется и сломает ногу.

— Нет, спасибо.

— Они тебе не нравятся?

Восхитительное лицо Рафа снова переменилось, и она почувствовала себя так, словно оскорбила его. Нет, скорее расстроила.

— Дэкс сказал, тебе нравятся морепродукты. Именно поэтому мы выбрали это место. Я позову официанта, чтобы он забрал блюдо. Мы можем найти другой ресторан, который придется нашей спутнице больше по вкусу.

Они оба начали подниматься, как будто всерьез намеревались уйти.

— Нет! Я люблю морепродукты. И просто обожаю устрицы. Просто я очень неуклюжа, а официант не предложил мне слюнявчик, ну или салфетки, хотя бы.

Да уж, это выглядело бы просто здорово в заведении такого уровня. Кад засмеялся, и этот мужественный звук послал легкую дрожь по ее спине.

— Волнуешься, о возможном беспорядке?

— О возможном? Нет. Скорее, абсолютно я уверена в этом. Есть причина, по которой меня называют Пандорой. Как правило, я умудряюсь учинить беспорядок везде, где появляюсь.

И подобная репутация явно не помогла ей завести друзей в "Блэк Оук". Казалось, женщины вроде Аманды ее искренне ненавидели.

Раф скользнул обратно в кабинку и сел ближе к ней. Он выдавил лимон над устрицей и снова поднял ее.

— Знаешь, Пандора была самой красивой женщиной в мире. Она была подарком Зевса для брата Прометея.

Пайпер знала эту историю.

— Она была ловушкой. Подарки Зевса всегда обходились дорого.

Губы Рафа изогнулись в довольной улыбке.

— О, хабибти, мы можем это обсудить. Ты права, но я думаю, это был обман во благо

целого мира. Без Пандоры, созданной когда-то и наделенной дарами, не было бы женщин на земле.

Кад вздрогнул.

— Это было бы поистине ужасно.

— Она открыла ящик, который не должна была, и обрушила страдания на все человечество.

— Взгляни на это с другой стороны. Вместе со страданием она принесла и радость. До Пандоры мужчины не знали любви, счастья и настоящего уюта, они жили без противоположного пола, не зная истинную ценность женщинам. Пандора сотворила само человечество.

Раф коснулся пальцами непослушного локона у ее лица.

— Ты испытываешь слишком много страхов, хабибти. Не бойся пробовать. Не бойся потерпеть неудачу. Бояться нужно обиденного существования, без взлетов, побед и поражений.

Он приподнял устрицу, предлагая ей угощение. Его слова, эти волшебные слова, произнесенные его невероятным голосом, напоминающим сорт дорогого шоколада, и шедшие из самых глубин его души, окутали ее слух, подобно чувственному заклинанию.

Ей не следовало идти на это. Он был практически ее боссом. И что еще более важно, он мог повлиять на презентацию, над которой она работала. Но ей было уже двадцать пять лет, и Пайпер неожиданно осознала, насколько ее жизнью руководили страхи.

Страх потерять сестру.

Страх потерпеть неудачу.

Страх ощутить боль.

Она посмотрела ему в глаза, и огонь запылал внутри нее, когда он поднес раковину к ее губам и наклонил устрицу. Та была мягкой, с цитрусовым ароматом лимона. Устрица скользнула в ее горло, и в этом было нечто первобытное.

Раф посмотрел на нее, всем своим видом источая удовольствие.

— Понравилось?

Она кивнула, чувствуя, как румянец разливается по ее щекам. Рука Када скользнула по задней стенке за ними.

— Что еще ты боишься попробовать?

Ответ на это, вероятно, шокировал бы их обоих. Секс. У нее еще не было секса, но сейчас мысли об этом наполнили ее рассудок, пленя и соблазняя.

Раф бы хорошо с ней обращался. Да и Кад наверняка знает, как позаботиться о женщине в постели.

Она подозревала, что любой из них сделал бы ее первый опыт незабываемым. Девушка вздрогнула, представив, как теряет рассудок на мягкой кровати, в плену этих сильных, загорелых рук. Когда ее щеки запылали ярче, Пайпер потянулась за своим холодным чаем и начала пить его большими глотками. Она боялась, что только что открыла свой собственный ящик Пандоры, и для нее уже нет пути назад.

Не в силах заснуть, Талиб Аль Муссад посмотрел из окна своего кабинета во дворце на сад, все еще окутанный ночью. Он задался вопросом, что сейчас делали его братья.

Долбаный ад, кого он обманывает?

Его интересовало, что делала сейчас Пайпер. Он был тридцатичетырехлетним, невероятно могущественным мультимиллиардером, и практически грезил о чем-то, столь малозначительном.

Вот только Пайпер не была чем-то малозначительным.

Девушка доказала, что обладает острым умом, и к тому же она разделяла множество его интересов — окружающая среда, история, экономические вопросы и малобюджетные коммерческие фильмы... но разве это могло служить залогом того, что она сможет стать могущественной королевой? Что, если она не выдержит внезапно обрушившегося на нее внимания, публичных выступлений и груза ответственности от ожиданий? То, что казалось таким разумным несколько дней назад, теперь звучало, как безумие.

Пайпер едва ли обладала изысканной утонченностью и не имела ни малейшего представления о том, что значит управлять страной. Быть королевой — значило больше, чем просто обладать острым умом, добрым сердцем и сострадательной натурой.

Хотя эти качества, безусловно, необходимы, способность к выживанию особ королевской знати теперь больше зависели от связей с общественностью и умением оставаться неизменно грациозными под возможным давлением.

Судя по всему, в настоящее время Пайпер едва могла пройти коридору, не спотыкаясь — что и говорить о том, чтобы выйти в дизайнерских туфлях, при вспышках фотокамер, под устремленные на нее взоры, а ведь это станет определенно неизбежным для их жены.

В случае, если он и его братья женятся на ней, Пайпер придется нелегко, в попытке примерить на себя такой образ жизни. Его беспокоил вероятный ход событий, и Тал задался вопросом, возненавидит ли она его за выпавшую ей участь стать их плененной невестой. Но ее знания и страсть к энергопроекту, над которым они работали, могли бы стать неоценимым благом для будущего Безакистана.

Их союз с женщиной из Западного мира послужил бы ускорению сепарации их страны с соседями, и стал бы важным активом в развитии их международных связей. Поэтому, если Кад и Раф подтвердят его выбор, никакие опасения не собьют его с назначенного пути.

Ее чувства должны волновать его еще меньше. Пайпер могут обучить всему, что ей будет необходимо знать.

Безакистан отчаянно нуждался в королеве, и он не мог выкинуть Пайпер из головы. Но даже если она справится с бременем, которое должна нести королева, что она почувствует, когда однажды поймет, что может стать мишенью жестокого насилия?

В голове Талиба начали шептать зловещие голоса.

Однажды ему уже довелось заплатить жизнью одной женщины за свои желания. Как он мог допустить мысль о том, чтобы рисковать другой?

— Тал?

Он обернулся и увидел свою кузину Алию. Она была одета неофициально, но беспокойство, застывшее на ее молодом лице, стало привычным для нее «нарядом». Никакие

попытки убедить ее окончить университет не действовали. В первый год обучения она была похищена, и вызволена из кошмара сексуального рабства двумя его старыми друзьями, Коулом и Берком Леннокс. И с тех пор, что бы Тал ни предпринимал, никакие виды терапии — психологической или имеющей развлекательный характер, ничто не могло излечить ту темноту, что поселилась внутри нее.

Конечно, он не мог винить лишь себя.

Шесть лет назад его самого пытали из-за чьей-то грязной попытки провести политическую уловку. И он на своей шкуре выучил, что кровь шейха и его мольбы стоили ровно столько же, что и любого другого человека.

Да, благодаря Коулу Ленноксу, он был спасен, но и его внутреннюю темноту теперь невозможно было уничтожить.

— Ты не спишь, — упрекнул он девушку.

— Как и ты.

— Туше. В чем дело, милая? — мягко спросил он.

По крайней мере, она больше не вздрагивала, когда он к ней приближался. Прошло шесть месяцев, прежде чем она перестала кричать всякий раз, когда какой-нибудь мужчина подходил к ней слишком близко.

— Это Халил. Я ему не доверяю.

Теперь Алия ни к кому не испытывала доверия, но в этом случае, Тал был с ней согласен.

— Что он натворил на сей раз?

— Я слышала, как он давал интервью касательно того, что у тебя до сих пор нет невесты.

Можно подумать, маленькая мышка, являвшаяся женой Халила, могла стать достойным образцом сильной королевы, в которой нуждался Безакистан.

— У меня есть шесть месяцев для того, чтобы жениться. Уверю тебя, я выполню свой долг перед моей страной, и моя роль в этом многовековом ритуале будет исполнена. Безакистан будет в безопасности.

— Он также твердит о том, что вы приведете страну к долговой яме из-за этого нового энергопроекта.

Мелкий ублюдок. Тал вздохнул.

— Таким жалким способом он пытается упрочить свои позиции перед нашим народом. Сейчас у Халила слишком мало шансов. Конечно, я смогу убедить всех в стране, что данный экологический энергопроект является для нас наилучшим курсом развития событий. В конце концов, факты и цифры на моей стороне.

И его потенциальная невеста сыграет в этом важную роль. У Пайпер было множество интересных идей о финансировании проекта. Она обладала нестандартным мышлением. Ее креативность и энтузиазм в работе были одними из лучших ее качеств. Если бы только она была немного более привлекательной. Но, пожалуй, даже к лучшему, что это не так. В его намерения не входило влюбляться в свою невесту. Она была лишь средством для достижения цели, и он хорошо ей за это отплатит.

Любовь стала бы риском, и Пайпер была слишком умна, чтобы ожидать романтических жестов. Это будет союз умов. Если она захочет чего-то большего, ей придется обратить свой взор на его братьев.

— Кто эта женщина, Пайпер? — спросила Алия, рассматривая досье, лежащее на его

столе между ними.

Дьявол. Так некстати для его намерений сохранить ее имя в тайне, пока он и его братья не примут окончательное решение.

— Это женщина, которую я рассматриваю в качестве потенциальной невесты.

Алия распахнула папку и начала изучать содержимое, приоткрыв рот.

— Американка?

— Да. Она из Техаса.

Алия издала довольный смешок.

— Отлично, кузен. Возможно, она прихватит свой шестизарядный револьвер и научит тебя кое-чему.

Сестра посерьезнела:

— Она тебе нравится?

— Более чем, честно говоря.

Он зачастую ловил себя на том, что улыбается в разговоре с ней. Один лишь ее нежный голос с южным акцентом был восхитительным. Но было ли это достаточным доводом для мотивов, на которых основывался брак?

Тала немного беспокоил тот факт, что она не видела его лица, а он — ее. Все, что у него было после поспешно проведенного расследования, это расплывчатое фото ее водительского удостоверения пятилетней давности и фотография из школьного фотоальбома.

Пайпер молода, он знал это. Однако после нескольких месяцев разговоров с ней, Тал убедился в том, что она была не по годам зрелой. Для нее были важны интеллектуальные аспекты. Она обладала твердыми моральными убеждениями и щедрым сердцем. Однажды она станет превосходной матерью. Однако, все эти замечательные качества не могли поистине обольстить его душу, и тем самым сделать ее его слабостью в глазах их врагов. И это делало ее идеальной кандидаткой.

— Я рада, Тал. Надеюсь, Раф и Кад тебе не воспрепятствуют. Хотя, они были правы насчет дочери посла. Она была совершенно эгоистичной. И из нее вышла бы ужасная мать. А у шведской девушки был просто отвратительный смех. В прессе ее бы распяли. Участница «Мисс Америки» была утонченной и смогла бы очаровать журналистов, но она абсолютно лишена сердца.

Алия пожалала плечами:

— Вы провели жесткий отбор невест.

Действительно, с каждой кандидаткой всякий раз было что-то не так, и Раф, и Кад не стеснялись об этом говорить. Все их доводы были обоснованными, но если в ближайшее время они вместе не смогут остановить свой выбор на одной кандидатке, их страна окажется в руинах.

Он молился о том, чтобы его братья смогли взглянуть сквозь скромный облик Пайпер и осознать всю целесообразность его необычного выбора.

Компьютер подал сигнал, оповещая о входящем звонке. Он взял себя в руки. Ему предстояло выяснить, способна ли его затея, состоявшая в том, чтобы привести в его семью умную, знающую толк в экономике девушку, воплотиться в жизнь.

Он нажал на кнопку ответа вызова, не беспокоясь о том, чтобы прогнать Алию. Она не станет распространять сплетни. По сути, Алия исполнит важную роль в подготовке будущей невесты, которую он привезет в Безакистан, к предстоящим церемониям.

Тал пропустил приветствия, когда лица братьев возникли на экране:

— Вы говорили с Дэксом? Он предоставил вам необходимую информацию?

Он послал их к бывшему Таунсенду в надежде на то, что, заручившись поддержкой братьев Джеймс, им будет легче добиться согласия Пайпер. В случае, если ее работодатели пойдут им навстречу, задача вывезти ее из страны уже не будет представлять особой трудности. К тому же, Дэкс мог рассказать о Пайпер более личные вещи, что могло бы заронить в Рафе и Каде некую симпатию. Если они удосужились расспросить о ней доверенного друга, возможно, они будут достаточно заинтригованы, чтобы встретиться с девушкой без предубеждений.

Что касается Тала, он не нуждался в информации Дэкса. Он знал о Пайпер абсолютно все, вплоть до того, с какой регулярностью она закупала продукты. Что, кстати, случалось довольно редко. Пайпер нуждалась в деньгах, и Тал утешал себя мыслью о том, что, если его братья одобряют ее и они переменят ее жизнь, в конце концов, он сможет оградить ее от всяческих финансовых забот.

Раф кивнул:

— Да, предоставил. На самом деле, мы уже лично с ней встретились, и Дэкс подтвердил все наши наблюдения. Мы пригласили ее на ланч и обнаружили, что она очень добрая и умная девушка. Когда можно двигаться дальше?

Тал откинулся назад в своем кресле.

— И вы не намерены мне в этом противостоять?

Кад наклонился к экрану с усмешкой, подняв большие пальцы вверх:

— Ничуть. Нужно действовать. И чем раньше, тем лучше. Мне не терпится добраться до части с наложницей в этой свадьбе.

Тал почувствовал, что его лицо омрачилось тенью.

"Часть с наложницей" в свадебной церемонии являлось довольно вульгарным обозначением того периода помолвки, что основывался на давних традициях. Он и его братья изъявляют свою волю жениться на званом банкете. Затем, чтобы увериться в их совместимости, они будут делить с ней свою жизнь — и постель — в течение тридцати дней. В этот период ни один из женихов не может расторгнуть это соглашение, в отличие от невесты, если она окажется довольна ими в каком-либо плане, в том числе, и сексуальном, если она не заплачет в течение этих тридцати дней, по законам Безакистана, они будут женаты.

Но Пайпер Глен не разорвет эту помолвку, потому что она была благоразумна. Она осознает всю целесообразность этой сделки, когда та будет заключена. Он не мог позволить ей уйти, в то время как, затаившись в тени, Халил ведет сражение за завоевание умов и сердец Безакистана.

— Так вы ее одобряете? — Тал все еще предполагал, что ему придется бороться с ними.

В отношении Рафа он планировал пустить в ход логику. Пайпер была квалифицированным экономистом, и, как случилось, именно в энергетической сфере. А вся экономика Безакистана базировалась именно на энергетике. Мисс Глен была полезна, и его средний брат был слишком умен, чтобы этого не понять.

Но был еще Кад. У него был план для младшего брата, который, похоже, считал, что они должны жениться на супермодели с сексуальным запалом порнозвезды. Он намеревался пустить в ход кулаки, пока, в конце концов, Кад не отступил бы его решению. Но если его младший брат одобрил ее без его вмешательства, Пайпер, по меньшей мере, должна быть привлекательной.

— Конечно. Разумеется, мы не говорили с ней о женитьбе. Похоже, она принимает тебя за обычного исследователя.

Глаза Рафа сузились:

— Я несколько беспокоюсь о том, что, если мы поведаем ей, что ищем на самом деле, она нам откажет. Ее не интересует слава. И деньги, я полагаю, также ее не прельстят.

Тал был того же мнения.

— Но она глубоко увлечена этим проектом. Полагаю, лучшим аргументом для нее станет возможность возглавить его уже в качестве нашей жены.

— Возможно. По крайней мере, она нас выслушает.

Губы Рафа поджались:

— Я думаю, она более романтична, чем вы полагаете. Тал, я абсолютно уверен, что она девственница.

Талиб услышал, как заерзала Алия. Черт. Он не хотел, чтобы она слышала, как братья обсуждают невинность Пайпер. Без сомнений, это ее расстроило. Но Безакистан был также и страной Алии, и она пострадает так же, как и любой другой, если правление перейдет в неумелые руки Халила.

— Значит, она оказалась достаточно умна для того, чтобы сохранить свою репутацию и сберечь себя для длительных отношений. Не вижу здесь проблем.

Раф заколебался, и затем покачал головой:

— За всем этим внешним благоразумием она все равно остается чувствительной женщиной. Наверняка, она верит в сказку.

Лицо Када вновь появилось в поле видимости:

— Она согласится на это, потому что мы доставим ей наслаждение. Чертовски много наслаждения. Она невинна, и мы можем открыть ей совершенно новый мир, как в постели, так и вне ее. Пайпер даже никогда не была за границей. Среди всех этих новых для нее впечатлений и экзотических мест, наряду с тем экстазом, что мы подарим ей, она станет нашей. Так когда мы сможем заполучить этот леденец на палочке?

Раф закатил глаза:

— У него стояк.

— Вы действительно хотите Пайпер? — спросил Талиб.

Она казалась милой, и он искренне наслаждался их разговором. Так как он редко встречал кого-то, равного ему по интеллекту, и также заинтересованного в тех вещах, к которым он был привязан, он с нетерпением ожидал ее приезда во дворец, чтобы они могли часами говорить о политике и экономике. Но мужчина немного беспокоился о той части женитьбы, что касалась спальни.

Неужели Тал что-то упустил?

На тех ее фотографиях, что были у него, была изображена неприметная женщина с довольно привлекательным лицом, но не настолько, чтобы это могло взбудоражить мужскую кровь. За последние два месяца он стал испытывать привязанность к ней на интеллектуальном уровне, что со временем переросло в некое подобие теплой дружбы. Шейх не был уверен, что ему пришла по душе мысль о Каде в роли плейбоя, относящемуся к ней, как к одной из своих безмозглых штучек для траха.

— Конечно, я ее хочу. Этот ее заумный вид невероятно сексуален. Лишь от одной ее груди можно изойтись слюной. А этот рот...

Тал неодобрительно повел бровью на младшего брата, и Кад прочистил горло, прежде

чем продолжить:

— Но я согласен с Рафом. Мы должны воплотить для Пайпер ее сказку. Если ты преподнесешь ей это в свете, основанном лишь на сухих фактах, как деловую сделку, она просто сбежит.

Пайпер не была похожа на других женщин, за которыми он ухаживал. Их интересовали власть и привилегии. Они были искушенными светскими львицами. В отличие от Пайпер. Ее вполне могли отпугнуть грандиозные масштабы того, что ей пришлось бы занять свое место рядом с ним в управлении целой страной.

А что касается того, что она могла стать женой троих абсолютных незнакомцев... Он не мог позволить этому его остановить. На карту была поставлена его страна. Время утекало. Если он не обручится в ближайшее время, Халил сможет претендовать на его титул в суде, аргументируя это тем, что для их невесты будет недостаточно времени, чтобы осмыслить свой выбор. Обычно претенденты на престол Безакистана знали свою потенциальную невесту, по меньшей мере, один год, прежде чем решиться заключить союз. Он едва мог предложить ей обязательный месяц заключения помолвки. И уж тем более, у него не было времени на то, чтобы ее добиваться.

Она должна была оказаться в постели с ними тремя, связанной с ними, как можно скорее.

А уже после, он сможет ее завоевать. Ну, или это сделают его братья. И если ему удастся зачать ей ребенка, тем лучше для него и страны.

Его желудок сделал кувырок. Когда он успел стать таким холодным ублюдком?

Тал знал ответ. Он знал время с точностью до минуты, когда те мятежники убили его стражу, взяли его в заточение, и на протяжении долгих дней пытали, пока от его души не осталось и следа. Ничего, кроме долга по отношению к его стране и семье.

Пайпер Глен была лишь очередным обязательством, которое он должен был исполнить.

— Мы будем подлыми скотами, если это сработает, — добавил Кад.

— Но это в порядке вещей. Мужчины Безакистана на протяжении нескольких поколений брали в плен невест. Это заложено в наших генах.

Действительно. Талиб вздохнул:

— Если все одного мнения, я запускаю план в исполнение. Вам двоим, предстоит убедиться в том, что она готова к отправлению, когда я скажу вам действовать. Так или иначе, к следующей неделе мы с ней соединимся.

Он завершил разговор и выключил веб-камеру, но не закрыл компьютер. Тал намеревался насладиться последним разговором с Пайпер, прежде чем она обнаружит, каким черствым ублюдком он был.

* * *

Пайпер счастливо доедала обед, просматривая свои последние финансовые прогнозы для экологического энергопроекта. Она чувствовала себя немного глупо, когда просила контейнер для еды в таком шикарном ресторане, но, вероятно, она видела Рафа и Када в последний раз, и лучше уж выглядеть глупо, чем оставаться голодной. Ей ли этого не знать. Ей доводилось побывать в обеих ситуациях, и теперь она твердо придерживалась варианта, когда ее желудок был сыт.

Она тихонько напевала себе под нос, просматривая бесконечный список цифр, сводившихся к одному счастливому факту: она может заставить свою теорию экологической энергии работать, если найдется достаточно крупная компания и страна, которая решится

это опробовать. Вдруг ожил компьютер, извещая ее о входящем звонке.

Она откинулась назад, немного удивившись. Тал. Чаще всего, он посылал мгновенные сообщения. Они разговаривали по телефону лишь несколько раз. Должно быть, это нечто важное.

Она нажала кнопку, чтобы ответить:

— Алло?

— Здравствуй, Пайпер. Как прошел твой вечер? В Далласе ведь уже ночь, верно?

Она любила его голос. Глубокий и музыкальный.

— Всего лишь девятый час. Разве в Безакистане не середина ночи?

— Да. Я мало сплю. Мне нравится тишина перед рассветом. Еще темно. Такое чувство, будто я единственный человек на земле. Кроме тебя, конечно же.

Она рассмеялась:

— Что ж, могу тебя заверить, я здесь не единственный человек. Я могу слышать, как миссис Линдмен по соседству кричит на своего мужа по поводу белья из прачечной. Ах, да, и еще кто-то устроил вечеринку этажом выше. Скоро здесь будут копы. Всего лишь очередная ночь пятницы в апартаментах Холлоуэй.

— Приедет полиция?

В его голосе звучал ужас:

— Да, они вроде как постоянно здесь. Иногда даже дико становится. Зато, тут недалеко остановка экспресса.

— Тебе приходится добираться домой на поезде? Тебя не сопровождает эскорт?

Она рассмеялась. Должно быть, у него все совершенно иначе.

— Я езжу домой на экспрессе каждый день, Тал.

— Мне довелось узнать, что ты обедала с братьями Аль Муссад, чтобы поведать им о твоём предложении.

Она вздохнула, и ее сердце немного затрепетало. Они лишь немного говорили о работе, по большей же части, она позволяла им кормить ее и таращилась на них, пока они рассказывали ей о своей удивительной стране. Пайпер поморщилась.

Тал, вероятно, звонил ей, чтобы сообщить, как мало ей удалось сделать для их проекта.

— Да. Но я не знаю, насколько они были заинтересованы в цифрах.

— Братья пригласили тебя на обед, но не сопроводили домой? И ты живешь в опасном районе?

Его рычание прозвучало более, чем просто разочаровано:

— Прошу прощения за своих соотечественников, Пайпер. Я предполагал, что они джентльмены.

— О, они были замечательными. Правда.

Она прекрасно провела с ними время, просто не была так сфокусирована на деле, как следовало.

— Я должна была вернуться к работе. Много дел накопилось.

Тал притих на какое-то время, и она практически почувствовала его недовольство на расстоянии. Девушка задалась вопросом, каковы же тогда были культурные нормы для деловых обедов в Безакистане. Может, они были более строгими, чем здесь?

В любом случае, Раф и Кад были аристократами. Она была удивлена, что они вообще уделили ей время, чтобы слушать о ее проекте. И уж тем более, она не ожидала, что они стали бы ее провожать.

— Правда. Они были очень вежливы, — завершила она.

— Надеюсь на это.

Он глубоко вздохнул:

— Я уже слышал, что они остались очень тобой впечатлены, Пайпер. Кадир и Рафик заинтересованы в том, чтобы выдвинуть этот проект на Государственном совете.

— Вау, ничего себе. Правда? Вот так отличная новость!

Государственный совет был избранной группой аристократов и политиков Безакистана, возглавляемой самим шейхом Аль Муссадом, который славился своим умом и отсутствием шумихи по поводу личной жизни. Ей доводилось читать его многочисленные статьи в области энергетики. Это был человек исключительного интеллекта. И она обедала с его братьями.

Что ж, на данный момент ее жизнь и родной, маленький провинциальный городок остались далеко позади. Было просто здорово, что она лишь собирала воедино все цифры в связную презентацию, а Тал уже сам предоставит их шейху. Это включало определенные риски, но если Аль Муссад и остальные члены Государственного совета будут готовы слушать, их ожидает верный успех.

— Тогда, что еще я могу сделать? Я только что закончила последний цикл прогнозов, и они действительно хороши. Я отправлю их тебе по электронной почте через минуту. Что-нибудь еще?

Возникла небольшая пауза, перед тем, как голос Тала раздался на линии, низкий, и более сокровенный, чем прежде:

— Себя. Приезжай сюда и привези мне эти прогнозы.

Он что, спятил?

— Хм, думаю, тебе следует перезагрузить свой навигатор, Тал. Даллас. Безакистан. Это расстояние в тысячи миль, а не прогулка по коридору.

Он усмехнулся:

— Пайпер, приезжай в мою страну. Меня попросили сделать официальное приглашение. Семья Аль Муссад будет рада, если ты остановишься во дворце и удостоишь нас своим разумным советом.

Ей потребовалась минута, чтобы впитать смысл его слов. Они хотели, чтобы она села на самолет и пролетела полмира, чтобы встретиться с шейхом-миллиардером в сказочном дворце? В туфлях из секунд-хэнда?

И она никогда не летала прежде на самолете. Девушка не могла просто взять и поехать в другую страну. Сперва ей нужно было маленькое путешествие. На Манхэттен. Нет. Слишком далеко. Чикаго. Да, такое расстояние ей больше подходило.

Когда она поймет, что может справиться с Городом ветров, Пайпер подумает о Большом Яблоке. Но она не могла поехать в Безакистан. Или все-таки могла?

— У меня здесь так много дел. Как насчет видео-конференции? Я буду доступна в любое время.

— Они предпочитают вести бизнес лицом к лицу. Я уже обсудил это с Гэвином Джеймсом. Он согласен с твоим переводом сюда на некоторое время.

— Переводом? В другую страну?

Идея была настолько чуждой, что она не знала, как это воспринимать.

— Надолго?

Он поколебался:

— По крайней мере, месяц, но, подозреваю, это может затянуться.

— Но... У меня здесь квартира.

— У тебя будет жилье в Безакистане. Братья Аль Муссад не против, и я обещаю, твоя резиденция будет обустроена по твоему вкусу. Она неподалеку от моей, так что у нас будет достаточно времени, чтобы обсудить проект. Я все подготовил. Тебе только нужно дать свое согласие.

Ее мысли неслись со скоростью тысячу миль в час. На словах Тала, все выходило так просто, но...

— У меня есть договор аренды. Здесь моя мебель и другие вещи. Я не могу просто взять и оставить все это.

— Во избежание неурядиц, семья Аль Муссад предоставит тебе прекрасное жилье по твоему возвращению. А пока твои вещи будут отданы на сохранение.

Пайпер задохнулась:

— Я не могу такое принять. Это слишком.

— Ну конечно, можешь. Если проект будет таким успешным, как они предполагают, новые апартаменты будут лишь малой частью их признательности. И теперь, когда улажены все нюансы, я должен сообщить тебе, что завтра группа людей приедет помочь тебе собрать вещи и осуществить другие приготовления любого рода, чтобы облегчить твой переезд.

— Н-но... У меня даже нет загранпаспорта.

Она вдруг осознала всю грандиозность стоящего перед ней события, хотя, было похоже, что ее мнения не спрашивали как такового. Аль Муссад принял решение, а Гэвин Джеймс его одобрил. Значит, так тому и быть.

— Не волнуйся. Здесь обо всем позаботятся. Все будет обустроено по высшему разряду.

Его голос немного смягчился:

— Это твой проект, Пайпер. И твой голос обеспечит ему лучшие шансы на успех. Я знаю, все происходит слишком быстро, но твое присутствие здесь будет замечательным для “Блэк Оук” и Безакистана. Страна нуждается в тебе.

— Тал, ты знаешь все о проекте так же хорошо, как и я.

— Конечно, нет.

Его голос смягчился:

— Я знаю, как могут страшить перемены, Пайпер, но если ты не решишься, тебе останется лишь гадать, что могло бы случиться. Пожалуйста. Помоги нам осуществить эти нововведения.

Слезы защипали ей глаза. Перемены. Они ужасали ее, и, в то же время, были ей необходимы. Она приехала в Даллас, чтобы работать, надеясь изменить свою жизнь. Очень долго Глен делала только то, что было приемлемым, отвечало чужим ожиданиям. Она была вынуждена отказаться от большей части своей юности для того, чтобы обеспечить сестре безопасность и семейную жизнь. Она работала на двух работах и посещала школу, и все, что у нее сейчас было, это квартира, в которой, как Пайпер предполагала, было совершено несколько убийств.

Девушка многого добилась... но мало жила.

Безакистан. Он мог стать для нее чем-то большим, чем просто числа на бумаге. Что они подумают о маленькой провинциалке из небольшого городка в Техасе? Пайпер выпрямилась. Они подумают, что она умна и компетентна, потому что она сделает все, чтобы произвести такое впечатление. Глен обладала большим, чем просто парой

потрепанной обуви. Она создала этот проект — и он мог изменить весь мир, если кто-то решится его осуществить.

Если Пайпер ждала, что Безакистан на это пойдет, она сама должна проявить неменьшую смелость.

— Хорошо. — Ее голос дрожал от радости: — Я приеду.

— Отлично. Я с нетерпением жду встречи с тобой, Пайпер. Это к лучшему. Вот увидишь. Теперь немного поспи, малышка. Тебя ожидает множество приготовлений, и долгое путешествие. И скажи тем парням Аль Муссад, что если они не позаботятся о тебе, как следует, они будут отвечать передо мной.

Звонок прекратился, и Пайпер закатила глаза. Да, она больше не увидит Рафа и Када. А даже если и увидит, двоих принцев вряд ли будет волновать, что думает кто-то, вроде скромного исследователя.

Она подошла к окну, до сих пор испытывая глубокое изумление. Ничего себе. Очень скоро, в ее жизни начнется новое приключение, в совершенно незнакомом для нее месте. Пайпер усмехнулась, полная решимости стать достойным «завоевателем» восточной страны.

Пайпер посмотрела на реактивный самолет, тая надежду, что ей не придется оправдать свое прозвище. Она могла лишь представить, что могло произойти на высоте в сорока тысяч футов, из-за непостижимого хаоса, что она влекла за собой.

— Нервничаешь, хабибти?

Раф взял ее под локоть, помогая подняться по трапу.

— Я печально известна тем, что способна выводить электронику из строя.

Она искренне надеялась, что этот огромный самолет был застрахован от ее суперспособностей, несущих разрушение.

— Я думала, мы полетим на частном самолете и ожидала, что он будет меньше.

— Он частный. Это Боинг 747–430, но ты увидишь, что мы основательно его переделали.

— И эта гигантская штука собирается переправить трех людей через весь мир? Я даже думать не хочу об углеродном следе, что она оставляет за собой.

Девушка вознамерилась провести небольшую беседу с шейхом при встрече. Вежливую, конечно. Но если он собирается стать ведущим в мире поставщиком экологически чистой энергии, ему впору привыкать летать коммерческими рейсами.

— Не думай об этом. И не суди заранее. Это будет очень долгий перелет, целых четырнадцать часов. Именно поэтому мы отправляемся так поздно. Я хочу, чтобы ты отдохнула и была готовой встретиться с нашим братом.

Раф послал ей ободряющую улыбку, сверкнув белоснежными зубами. В принце все было безупречным, от улыбки до его манер. Он был чувственным, словно шелк, и она не могла не задаться вопросом, какой была его жена или девушка. Вероятно, модель.

— Что? Какая модель? — спросил Раф, достигнув вершины трапа.

Неужели она сказала это вслух?

Пайпер поморщилась. За последние два года она провела слишком много времени наедине с собой, просиживая в библиотеке, или работая над документами в пустых комнатах. Девушка привыкла к беседам с самой собой. Она попыталась придумать что-нибудь умное, чтобы не попасть в неловкое положение.

— Мне было интересно, является ли ваша девушка моделью.

На его лице появилась великолепная улыбка, и он рассмеялся. Было так приятно видеть его, обычно мрачного, в таком веселом расположении духа, что она простила ему то, что он смеялся именно над ней.

— У меня нет девушки, Пайпер. В действительности, я редко завязываю отношения. Традиции моей страны носят немного необычный характер. Я думаю, многие женщины пустились бы в бегство, если бы я сказал им, чего жду от серьезных отношений.

— Что вы имеете в виду?

Она многое почерпнула об обычаях Безакистана за последние два дня, но ничего, что касалось бы ухаживания или женитьбы. Пайпер обнаружила, что ее очень интересовал данный аспект их жизни.

Мужчина покачал головой:

— Нет, хабибти. Ты не завлечешь меня в очередную долгую дискуссию. Я обещал брату, что ты поспишь.

Она нахмурилась, но призналась самой себе, что устала. Последние несколько дней были удивительными, наполненными ожиданиями и обилием работы.

Спустя два часа с того момента, когда она сказала Талу, что у нее нет загранпаспорта, Раф и Кад прислали его ей. Как это было возможно, ведь она чертовски хорошо знала, что все государственные офисы в это время были закрыты? У нее не было ни малейшего представления об этом, поэтому ей лишь оставалось надеяться на то, что документы были настоящими, а не поддельными.

Заверив ее в том, что паспорт действителен, и бросив один лишь взгляд на жалкую обстановку ее квартиры и прилегающую улицу с высоким уровнем преступности, братья Аль Муссад тотчас настояли на том, чтобы она отправилась с ними в их владения. Они были достаточно самоуверенны, и им определенно не понравился ее отрицательный ответ.

О, они не спорили с ней и не сердились.

Мужчины просто завладели ситуацией, пока Пайпер не обнаружила, что находится в гостевой спальне их поистине шикарного кондоминиума с бескрайним видом на город в два часа ночи, удивляясь тому, когда она умудрилась потерять контроль над положением.

Однако их властность на этом не ограничилась.

Она пошатнулась, переступая в новых туфлях на каблуках, когда, согнувшись, миновала двери самолета. Хотя эти туфли от “Прада” высотой в три с половиной дюйма, с квадратными каблуками и пряжками из серебра, были самыми устойчивыми из ее новой обуви. Но их купила не она. Раф утверждал, что для ее новой должности в Безакистане была необходима новая обувь. По его словам он лишь удостоверился в том, что она готова следовать обычаям Безакистана. На что она попыталась ему возразить. Ни в одной стране не предписывалось носить шпильки от “Маноло Бланик” и “Лубутена”. Она узнала цену этих туфель в Интернете.

Что ж, если это было традицией Безакистана, то очень скоро вся страна полностью обанкротится. И все же она их надела. Девушка не хотела обидеть гостеприимных хозяев... кроме того ей понравился оценивающий блеск в их глазах, когда она надела эти сексуальные туфли.

— Пайпер.

Чувственный голос Када омыл ее теплой волной, когда он остановился.

— Добро пожаловать. Мы рады, что ты позволила нам сопровождать тебя в нашу страну.

Она хотела было нахмуриться, но он был искренним и поистине великолепным. Девушка не могла заставить себя на него дуться.

— Позволила? Что-то мне подсказывает, что вы бы не удовлетворились отказом.

На его совершенном лице появилась легкая улыбка:

— Что ж, мы решительны и способны к убеждению. Знаешь, мужчины в нашей стране славятся тем, что похищают своих невест. В Безакистане говорят, что если мужчина не способен украсть свою суженую, он не достоин иметь жену.

Она оглянулась на Рафа:

— Это одна из упомянутых тобой ранее традиций?

Он кивнул:

— Да. Но даже при том, что мы похищаем наших невест, мы гордимся той честью приносить им удовольствие, оберегать и нежно любить ту, за которую сражаемся.

Он говорил так, будто имел в виду более одного жениха для невесты. Ничего страшного,

ведь английский не был его родным языком. Но когда он говорил подобным образом, внутри нее все сжималось, и она теряла способность дышать.

Каково было бы стать плененной невестой Рафа, и быть связанной с ним его волей и тем удовольствием, что он мог ей подарить?

Пайпер вздрогнула и заставила себя отвести взгляд. Если они раскусят ее, она опять попадет в неловкое положение. Но девушка никак не могла привыкнуть к их экзотической, мужественной красоте. По приезду в Безакистан, для нее было бы разумнее помнить, что у нее была работа, которую ей необходимо выполнить. Которая касалась лишь ее, Тала, и уймы цифр, над которыми следовало попотеть.

Ее жизнь останется такой же, как и прежде. Та же рутина, просто в другом месте. Она была немного потрясена, когда осознала, что ей будет не хватать Рафа и Када. Но это не имело значения. Пайпер должна выкинуть их из головы. Когда они доберутся до Безакистана, Рафик и Кадир пойдут своей дорогой, а она — своей.

На нетвердых ногах девушка прошла глубже в салон самолета, она сфокусировалась на окружающей ее обстановке, до сих пор стараясь привыкнуть к своим новым линзам. От увиденного у нее изумленно приоткрылся рот. Самолет выглядел так, словно принадлежал какой-то кинозвезде. Она ожидала увидеть ряды узких, вертикально расположенных посадочных мест. Однако это скорее походило на шикарную гостиную. Стены были отделаны знойным янтарем, который, поглощая льющийся сверху резкий свет, делал его мягче. Тут же находился изогнутый бархатный диван мягкого шоколадного оттенка. Когда она присела на него, то почувствовала, будто погрузилась в мягкое облако. В передней части самолета располагался длинный стол, накрытый белой скатертью и уставленный тонким фарфором, который, как она была уверена, был расставлен специальным безопасным для его сохранности способом, в ожидании взлета. Над головой даже висела дорогушая люстра.

— Ничего себе. Не ожидала такого.

— Когда мы наберем достаточную высоту, будет подан ужин.

Кад присел, похлопывая по сиденью рядом с собой.

— Я приготовил для тебя настоящий пир.

Раф фыркнул. Ей понравилось, когда он издал этот неинтеллигентный звук. Это напомнило ей о том, что и он не идеален.

Она повернулась к Каду:

— Вы приготовили пир?

Он пожал плечами изящным движением сильного тела:

— Я сказал повару, что приготовить.

Для нее этого было достаточно. Кад не мог знать, что для нее значила последняя пара блюд. Разница между домашним сэндвичем с ветчиной и идеально обжаренным филе была несметна.

— Я ценю это.

Его лицо просияло, и он взял ее за руку, потянув на место подле себя.

— Для меня это наивысшее удовольствие. Теперь, расскажи мне, как прошел твой день. Грузчики уже закончили?

Раф сел с другой стороны, и они оба оказались невероятно близко от нее, но она чувствовала себя поразительно комфортно, сидя на мягком бархате, и будучи окруженной их жаром и экзотическим запахом мускусных специй. Похоже, им нравилось, когда она находилась между ними. Куда бы они не направлялись, им всегда удавалось маневрировать

так, что она оказывалась посередине.

Пайпер криво улыбнулась на вопрос Када. Грузчики были безжалостно точны — и немного критичны.

— Не думаю, что они оценили дизайн моего интерьера. Один из них поинтересовался, не хочу ли я все выбросить и просто купить заново.

На самом деле, они были просто в ужасе от ее подержанного дивана в цветочек. Она приобрела его на гаражной распродаже, убеждая себя, что дополнительные пятна были всего лишь бугонами.

Кад замер, а затем достал свой телефон из кармана.

— Им платили не за то, чтобы тебя смущать.

Он встал и прошел в заднюю часть самолета, вступая в быстрый, сочащийся недовольством разговор на арабском языке.

Пайпер моргнула:

— Что он делает?

Лицо Рафа потемнело, а губы сжались:

— Решает проблему, хабибти.

Он откинулся назад, когда из задней части самолета вышла скромно одетая женщина и поставила поднос с бутылкой вина и тремя бокалами на стол.

— Ваше Высочество, мы взлетаем через двадцать минут. Пожалуйста, дайте знать мне или остальному персоналу, если вам или вашей гостье что-нибудь понадобится.

— Спасибо, — ответил Раф, пока его брат продолжал говорить по телефону на языке, что она приняла за агрессивный арабский, речевыми оборотами которого можно было извести человека за сто слов в минуту.

— Угощайся вином.

Раф передал ей бокал с золотистым напитком.

За последние несколько дней Пайпер совершенно убедилась в том, что братья Аль Муссад не исповедовали ислам. Задав об этом вопрос, она была удивлена, выяснив, что, в отличие от близлежащих стран, Безакистан не был столь религиозен. Страна была открыта для всех вероисповеданий, и придерживалась строго составленной конституции, поощрявшей светское правительство. Но не все хотели, чтобы так оставалось и впредь.

Она приняла вино, чтобы успокоить нервы. Первый в жизни полет вселял опасения.

В нескольких футах от них, Кад продолжал свою тираду.

— Почему он так зол?

Раф немного приподнял голову:

— Ты должна знать, что он никому не позволит тебя огорчать, хабибти.

По мере того, как он все чаще произносил это слово, с каждым разом оно становилось более интимным. Пайпер решила, что это было лишь ничего не значащее ласковое обращение, но он произносил его так, будто между ними была некая близость.

— Но они не виноваты.

Это было ложью, но братьям незачем было знать, насколько ее может ранить чужое пренебрежение.

— Нет, они тебя огорчили, а это недопустимо.

Должно быть, привилегия отдавать приказы и ожидать их немедленного выполнения была довольно приятной.

— Подумаешь, большое дело. Мне не нужно было жаловаться. Это глупо, я знаю. Ничье

мнение, кроме моего собственного, не должно иметь значения, но меня ранит, когда кто-то с презрением смотрит на то, что я заработала с таким трудом. Я знаю, что этот диван ничего не стоит, но мы вынуждены были продать наше ранчо после смерти папы и по-прежнему оставались в таких долгах, что пришлось отдать и все остальное. Мне удалось сохранить нашу одежду и некоторые из вещей Минди, но оставшееся я отдала на аукцион. Вместо дома с тремя спальнями и сотни акров земли, мы оказались в однокомнатной квартирке, лишь с чемоданами наперевес.

— Ваши детские вещи были распроданы?

Он был шокирован, и более, чем просто сердит. Она успокоила себя, сделав большой глоток.

— Я не скучаю по большей их части. На самом деле, мне не хватает лишь одной вещицы. У меня был подписной экземпляр «Паутины Шарлотты», но это было первое издание, поэтому банк его выгодно продал.

Пайпер перечитывала эту книгу сотню раз. Но, даже оставив детство далеко позади, она не преминула бы вновь вернуться к этой истории о маленьком, низкорослом поросенке, не имеющим своего места, так похожей на ее собственную. Она никогда не была своей в родном маленьком городке и так и не обрела пристанища в большом мегаполисе. Девушка часто гадала, найдет ли она когда-нибудь свой истинный дом.

Теплая рука Рафа коснулась ее щеки:

— Мне жаль, что меня не было там, чтобы помочь тебе, хабибти.

Как ни странно, Пайпер тоже сожалела об этом. Она была так одинока, да и до сих пор чувствовала свое одиночество, хотя у нее и было несколько друзей. Но теперь в ее жизни появилось это приключение. Минди была в безопасности, а для нее это было дороже целого мира.

— Это было тяжелое время, но я пережила его.

— Ты была слишком молода, чтобы взвалить на себя ответственность за девочку-подростка.

Пайпер вздохнула, до сих пор ощущая на своих плечах тяжесть пережитого. Тогда она чувствовала себя в большей степени Прометеем, нежели Пандорой.

— Еще хуже было от того, что мой городок маленький и довольно консервативный. Как кружащие стервятники, все наблюдали за каждым моим шагом и так и ждали, когда я оступлюсь, чтобы забрать от меня мою сестру. Тогда я начала встречаться с Джонни Тайлером, сыном нашего мэра. Мистер Тайлер попросил меня помочь Джонни с экономикой. Затем он решил, что я стала бы достойным политическим активом, и Джонни сделал мне предложение.

Стиснув зубы, Раф откинулся назад:

— Иметь умную жену довольно неплохо. Многие мужчины увидели бы в тебе потенциальную выгоду для своей карьеры.

— Я не хотела быть потенциально выгодной. Я хотела быть любимой. И Джонни тоже. Только не мной, а стриптизершей по имени «Свет звезды». Склонна полагать, что это не ее настоящее имя.

Раф не нашел ее шутку забавной. Он лишь смотрел на нее своими темными глазами, настолько бездонными, что она подумала, что может в них утонуть.

Вау, он был дьявольски красив. Они с его братом были намного привлекательнее голливудских сердцеядов. Аль Муссад выглядели просто невероятно... она тоскливо

вздохнула. Если бы только...

Он нежно обхватил ее за подбородок и приподнял ее лицо так, что ей некуда было деться:

— Он просто глупец, если позволил тебе уйти. Найдутся правильные мужчины, которые не будут настолько безголовы. Эти мужчины никуда тебя не отпустят. Они будут умны. Они завладеют тобой и привяжут к себе так тесно, что тебе уже никогда не захочется их покидать.

Она могла прождать такого мужчину вечно.

Стоп.

Он сказал мужчины — во множественном числе?

Пайпер не удалось спросить об этом, он шокировал ее, наклонившись вперед и коснувшись ее рта своими теплыми, нежными, уговаривающими губами один раз, затем другой.

У нее перехватило дыхание, по коже побежали мурашки.

Мир вокруг перевернулся, и ей понравилось, где она приземлилась.

— Мы взлетаем. Она должна пристегнуться.

Голос Када нарушил момент. Он стоял над ними, и его лицо было полно упрека, направленного, казалось, исключительно на Рафа.

Боже, он только что поймал ее, целующуюся с его братом. А она хотела больше — гораздо больше. В ту минуту, когда Рафик ее поцеловал, Пайпер почувствовала, словно внутри нее что-то вырвалось на свободу.

Вот так приключение. Рядом с ней действительно существовал целый мир, и она только что на цыпочках пробралась туда, словно маленькая испуганная мышка. Но она не была обязана оставаться такой девушкой навечно. Она больше не находилась в крошечном городке Техаса, и не оглядывалась на мнение других, чтобы сохранить целостность семьи. Ее сестра выросла и была счастлива.

Сейчас ее никто не мог осудить. Она была свободна.

Неужели Пайпер готова разменять свою свободу на трусость, вместо того, чтобы вкусить настоящую жизнь?

Кад присел рядом с ней, и его рука накрыла ее бедро. Девушка вздрогнула от его прикосновения, когда он пристегнул ремень безопасности и бережно его затянул.

Что с ней происходило: она целовала одного брата и уже в следующую минуту так реагировала на другого?

Кад нахмурился:

— Мой брат ужасно целуется. Я прошу прощения за его эгоистичное поведение по отношению к тебе.

— И как вы об этом узнали?

Она не могла не подразнить его и не попытаться разрядить обстановку.

Кадир усмехнулся:

— Многие женщины говорили, что я намного лучше.

И затем братья переключились друг на друга, вступив в спор на выстреливающем, словно артиллерийский огонь, арабском наречии. Ей действительно было необходимо выучить этот язык, потому что, даже при том, что они спорили, слова обладали некой ритмичностью и неповторимой музыкальностью.

Самолет плавно начал движение.

Она взяла бокал с вином. Возможно, для нее было самое время, чтобы немного вкусить жизнь. Время, чтобы отбросить все свои страхи, перестать делать то, что считается правильным, вместо того, что приносит истинное удовольствие.

Самолет резко тряхнуло.

Стюардесса подняла бутылку вина, оставляя бокал в руках Пайпер. Красивая женщина улыбнулась ей, не обращая внимания на спорящих братьев.

— Приятного полета. Это большая честь, служить вам в вашей первой поездке в нашу страну.

Согретая словами женщины, Пайпер улыбнулась в ответ. Если там все были настолько доброжелательны, она определенно полюбит эту страну.

Девушка протянула свой бокал.

— Боюсь, я могу пролить.

— Не волнуйтесь. Если расплещется хоть капля, они просто купят новый лайнер.

Красавица подмигнула и отошла, но не раньше, чем Кад взял свой бокал. Самолет вырулил на взлетную полосу, и Пайпер приготовилась к взлету.

* * * *

Два часа и два бокала вина спустя, Пайпер была уверена, что ее следующий шаг будет направлен в сторону большого приключения, в которое она вознамерилась превратить свою жизнь.

Девушка просто не была уверена, с кем его совершить. Она посмотрела через проход.

Оба брата были великолепны, каждый по-своему. И оба безумно сексуальные. Но после этого перелета, она, скорее всего, увидит их лишь несколько раз.

Пайпер присоединится к Талу, ставшему ее другом, и растворится в мире чисел, компьютерных презентаций и дискуссий о прочих разработках. Девушке не терпелось приступить к работе.

Это было важно для "Блэк Оук", Безакистана, и всего мира. Но она надеялась, что ей удастся увидеть страну своими глазами, может даже, сходить на свидание, или два. Однако, даже будучи не женатым, Тал, являясь ее напарником, был под запретом. По правде говоря, у нее не получалось заводить отношения. Она редко встречалась с парнями в старших классах, а после помолвки, Джонни словно потерял к ней всякий интерес. Они изредка целовались, не говоря уже о более интимных ласках. И печальный факт заключался в том, что этот легкий, пробующий на вкус поцелуй Рафа стал самым эротическим опытом всей ее жизни. Но она не была обязана оставаться девственницей. Было очевидно, что Кад и Раф были довольно опытны, и привыкли к случайному сексу.

Они проведут с ней незабываемое время, не причинив боли. И, если инстинкты ее не подводили, они не были к ней равнодушны, учитывая все те, кажущиеся случайными, прикосновения, когда один из них, или другой — а иногда и сразу оба — оказывались ближе, чем подразумевали деловые отношения.

Но как она могла попросить о том, чего желала?

Пайпер искренне сомневалась в том, что могла возбудить мужчину. Те целомудренные поцелуи были довольно сдержанны. После минувшей восхитительной трапезы, у нее осталось двенадцать часов наедине с ними.

Но как она сможет выбрать какого-то из братьев и смотреть в глаза одному, после секса с другим?

Стюардесса по имени Жасмин забрала опустевший поднос, на котором еще недавно

подали кусок медового торта. Пайпер съела все до крошки, смакуя чувство сытости и наслаждаясь средиземноморской кухней.

Рафик и Кадир вновь перешли на арабский язык. Им позвонили из дворца и после этого они какое-то время вышагивали туда-сюда рядом с телефоном.

Теперь, как казалось, они о чем-то совещались.

— Где здесь уборная? — спросила она стюардессу.

— Следуйте за мной. Я покажу вам. И на случай, если вы захотите прилечь, спальня располагается чуть дальше ванной комнаты.

— Здесь есть спальня?

Жасмин нахмурилась.

— Ну конечно. Для вас была отведена комната шейха. Его братья разделят комнату поменьше.

Пайпер ахнула. Ей придется это исправить, ведь у нее не было необходимости в таком количестве пространства, и, тем более, она не нуждалась в подобной роскоши. Приняв решение, девушка открыла дверь в ванную комнату.

Естественно, это не имело ничего общего с теми тесными вертикальными кабинками уборных в самолетах, что она видела по телевизору.

Ну конечно, нет.

Братья Аль Муссад не стали бы осуществлять свои естественные физиологические потребности в месте, меньшем, чем дворец. Ванная была просторной и элегантной, оборудованной прекрасным душем, полностью изготовленным из каррарского мрамора, Пайпер была уверена, он мог вместить целую футбольную команду. У другой стены протянулся длинный туалетный столик с двумя раковинами.

Покачав головой на все это великолепие, она умылась, выглянув в маленькое окошко. Ночь была темной, но луна светила, как огромная жемчужина, ярко освещающая землю.

Она прислонилась лбом к окну с двойным стеклом. Девушка не могла вернуться туда, где была раньше. Точнее, она уже и не хотела. Пайпер просто не была уверена, какой именно мотив толкал ее вперед. Она менялась, становясь кем-то, кто ей нравился — женщиной, которая решилась на приключение, сев на этот самолет и изменив свою жизнь под влиянием момента.

Теперь, она хотела стать женщиной, которая знает, что значит быть любимой. Пайпер застонала. Любви не будет, независимо от того, которого из братьев Аль Муссад она выберет в качестве своего первого сексуального партнера, и это было ей известно.

Но они могли бы разделить возникшую симпатию и обоюдное удовольствие. В ее жизни не было ни того, ни другого. Так, почему бы нет?

Девушка вздохнула, представляя, что она могла им сказать.

«Эй, ребята, я девственница. И совсем не из-за религиозных побуждений, или потому что моя девственная плева мне особенно дорога. Просто, слишком плотный график. А я не занесла этот пункт в свой ежедневник, вот такое вот упущение. Кто хочет помочь мне избавиться от статуса хорошей девочки?»

Мда, звучит не очень-то сексуально.

В ее памяти воскресли слова Джонни, словно старая голосовая почта, которую она забывала стереть.

«Ты не сексуальная. Для кого-нибудь ты станешь хорошей женой, но я просто не хочу тебя трахать. А я ведь должен хотеть отыметь жену, верно? Тебе нужно найти кого-то, с

более низкими стандартами».

Если даже этот придурок не захотел с ней спать, то не обманывает ли она себя, полагая, что любой из двух безбожно восхитительных мужчин захочет это сделать? Вдруг они просто заигрывали с ней и проявляли банальную вежливость. Она не понимала их обычаев. Возможно, такое их поведение было нормой в Безакистане.

Вздыхнув, Пайпер вышла из ванной. Любопытство взяло над ней верх, и она заглянула в спальню. Девушка остановилась, как вкопанная. Это и есть спальня? Огромная кровать занимала большую часть комнаты. Роскошное и великолепно задрапированное в шелк и атлас темно-серого, кремового и нежного голубого оттенков, это место выглядело, как один из интерьеров романтического фильма. И эта кровать явно не была предназначена для спокойного ночного сна. Она предназначалась для подвигов на физическую выносливость. И возможно, с участием более чем двоих людей. Девушка покачала головой. Ее разумом определенно овладел секс.

Пайпер скинула туфли, наслаждаясь мягкостью ковра под ногами. На покрывале цвета шампанского лежал милый белоснежный пеньюар. Ее размера. Рядом с небольшой сумкой туалетных принадлежностей на тумбочке покоилась шелковая маска для глаз. Зубная щетка, зубная паста и увлажняющий крем явно были куплены не на распродаже в аптеке.

Она коснулась красивой формы флакона. Дизайнерский. Без сомнения, лучший в своем роде.

Братья Аль Муссад знали, как довести дело до совершенства. И они наверняка были сведущи в том, как довести женщину до исступления. Ей лишь нужно выбрать одного из них и наслаждаться.

— Тебе нравится? Его выбрал Кад. Для тебя. Его может не заботить твой офисный костюм, но он определенно знает толк в женском белье.

Раф стоял в дверном проходе, облокотившись своим сильным телом о косяк. Он ослабил галстук, обнажив участок загорелой кожи. Его черные, словно сама ночь, волосы, были немного взъерошены, что делало его больше похожим на обычного мужчину, нежели на принца. Почти доступным.

Ей нестерпимо захотелось коснуться его волос, чтобы выяснить, были ли они на ощупь такими же нежными и мягкими, как казались. Обычно коротко стриженные волосы Рафа были аккуратно уложены, и поэтому этот момент показался ей особенно ценным.

Прическа Када была длиннее, волосы слегка касались мочек ушей, но всегда выглядели ухоженными.

Она оказалась наедине с Рафом. К тому же он первый ее поцеловал. Возможно...

Ее сердцебиение утроилось, когда она встретила его взгляд:

— Он прекрасен. Как и все, что вы для меня купили. Не знаю, как смогу вам отплатить.

Он шагнул вперед, вторгаясь в ее пространство:

— Не беспокойся об оплате. Ты же не хочешь меня оскорбить? Мне нравится дарить тебе красивые вещи.

— Спасибо, — сказала она тихо.

— Хочу, чтобы вы знали, что я это ценю.

— Я рад.

Раф слегка улыбнулся:

— Пайпер, мы с Кадиром хотели с тобой поговорить.

Ей не хотелось сейчас разговаривать. Он стоял так близко. Последнее, чего она сейчас

хотела, это услышать очередную любезную лекцию о том, что ее ожидает в Безакистане. И хотя девушка ценила тот факт, что Рафик мог говорить с ней о книгах и культуре, сейчас она не была готова к интеллектуальной дискуссии.

Пайпер приподнялась на носочки, медленно приближаясь к его губам.

Черт возьми, его губы были пленительны, словно сам грех.

— Пайпер?

Он немного отстранился, на его лице отобразилось нечто среднее между беспокойством и смущением. Она придвинулась ближе к нему своим мягким телом. Без каблуков девушка чувствовала себя просто крошечной в сравнении с ним, таким высоким и мускулистым.

Ей пришлось встать на цыпочки, чтобы дотянуться своими губами до его рта:

— Раф, я хочу тебя.

— Ох, Пайпер...

Его тело прошила дрожь:

— Это такие сладкие слова, хабибти.

Нет, он сам был сладким. Девушка уткнулась носом в его шею, наслаждаясь его пряным, экзотическим мужским ароматом. Его кожа была теплой, и она спросила себя, каково бы это было, спать подле него, прижимаясь к его телу. Ее омыло чувством глубочайшего желания.

Одна ночь. Это все, что будет между ними, но она познает, каково это, находиться в мужских объятиях, и быть желанной. Ласкающим движением она провела ладонями вниз по его груди, подбираясь к поясу его дизайнерских брюк в попытке приподнять его белоснежную рубашку, чтобы коснуться кожи живота.

— Пайпер, — его голос звучал нежно, но уверенно.

— Подожди, хабибти. Ты должна остановиться.

Она поцеловала его челюсть, пытаясь дотянуться до его губ.

Он отступил прочь, придерживая ее на месте своими руками, вместо того, чтобы притянуть к себе.

Ее резко пронзила стрела шока. Она выставляла себя на посмешище.

Пайпер сделала неуклюжий шаг назад, запутавшись в ногах и приземлившись на задницу. По ней прокатилась волна унижения, опаляя вены. Девушка почувствовала, как горячий румянец залил ее лицо.

— Хабибти, позволь мне помочь.

Раф наклонился, потянувшись к ней, словно изящный бог, сжалившийся над простой смертной. Пайпер покачала головой, отползая прочь и не желая на него смотреть:

— Я в порядке. Мне очень жаль. Я ошиблась.

Это было глупо. Так по-идиотски. На глаза навернулись слезы. Конечно же, он ее не хотел. Джонни говорил ей, что она не была сексуальной. Она просто не слушала. Вместо этого, Пайпер поддалась желанию. Томительной жажде. Мечтала о том, чтобы украденный раннее сладкий поцелуй перерос в нечто большее. Ей следовало оставаться реалисткой. Состоятельный, умный, потомок королевской семьи... такой человек, как Раф, мог смотреть на нее лишь с жалостью.

Ей было жизненно необходимо, чтобы он ушел, или еще лучше — уйти самой. Она была здесь не к месту.

— Что случилось? — из ниоткуда появился Кад, он склонился к ней, на его лице был написан практически животный ужас.

— Пайпер, что случилось? Тебе больно?

Она подняла руки, отстраняясь от мужчин, и до сих пор не желая встречаться с ними взглядом.

— Я в порядке. Просто хочу собрать свои вещи и найти комнату поменьше, чтобы устроиться на ночь.

Она так и делает. Возьмет свои вещи, вместо всей той роскоши, что ей накупили братья. Восхитительная постель и кружевная сорочка вскружили ей голову, создавая иллюзию того, что она стала красива, и теперь представляла собой лакомый кусочек для Рафа. Но она ведь не была красавицей. Высокие каблуки делали ее ходячей катастрофой, а не сексуальной сиреной.

По прибытии, она найдет какой-нибудь торговый центр в Безакистане и купит себе практичную обувь. На плоской подошве. Обувь, которая не заставит ее чувствовать себя роковой женщиной.

— Это твоя комната. Я приготовил ее для тебя. Не просто сделал распоряжение для слуг, а выбрал все сам. Тебе не нравится?

До сих пор стоявший на одном колене, Кад протянул ей свою руку.

— Она прекрасна.

Девушка подтянулась, залезая на кровать, но шелковое одеяло выскользнуло из-под нее, и она скатилась обратно, прямиком в ждущие руки Када. Да что за черт.

— Я в порядке, — отрезала она. — Меня можно отпустить.

Кад не послушался. Без малейшего труда удерживая равновесие, он легко поднялся на ноги, держа ее на руках и ни разу не опрокинув. Он так и стоял, прижимая ее к себе.

— Я так не думаю, Пандора. Я мог бы бесконечно носить тебя на руках, даже если бы ты обрушила на планету несметные бедствия.

Мужчина поддразнивал ее с легкой сексуальной усмешкой, но теперь это неважно. Возможно, они находили ее необычайно забавной и очаровательной. Но, каким-то образом, от этого ее унижение лишь возросло, глаза наполнились слезами:

— Пожалуйста, отпусти меня.

— Мать твою, Кад, тебе не следовало это говорить.

Раф укоризненно посмотрел на брата. Руки Кадира сжались вокруг нее, когда он опустился на кровать.

— Я не имел в виду ничего плохого. Какого хрена здесь произошло? Почему ты плачешь, Пайпер? Если Раф сказал тебе что-то неприятное, я могу его проучить.

— Хотел бы я на это посмотреть, — проворчал Рафик.

Может, когда они снова начнут спорить, ей удастся ускользнуть и найти место, где спрятаться.

— Все в порядке. Я просто устала.

— Пандора меня поцеловала.

Слова Рафика прозвучали мягко, и его плечи расслабились, когда он опустил на нее свой взгляд.

— Я пытался ей все объяснить, когда она упала.

Лицо Када потемнело, и он посадил ее рядом с собой на кровать.

— Ты поцеловала Рафа уже второй раз.

На нее обрушилась волна стыда.

— Мне так жаль. Я знаю, что не имела права этого делать. Я прошу прощения и надеюсь, что вы не станете думать обо мне хуже. Обычно я не столь напориста.

Они могли просто отправить ее обратно в Штаты сразу же, как только они приземлятся. Что, если теперь ее карьере в "Блэк Оук Ойл" пришел конец?

После того, как Гэвин узнает, каким образом она вела себя с его друзьями, ей не поможет даже дружба с Ханной.

— Разве ты не хочешь поцеловать меня? Только Рафика? — красивое лицо Кадира исказилось от волнения, когда он задавал вопрос.

— Что?

Она выпрямилась, ее глаза расширились от замешательства. Раф сел рядом с ней, отчего постель прогнулась под его весом. Ей было необходимо отстраниться, иначе она упадет прямо на него.

— Пайпер, я искал слова, чтобы объяснить тебе, что не смогу снова поцеловать тебя без Када. У нас был ужасный спор по этому поводу. Он угрожал возмездием, если я возьму тебя сам. А месть у него крайне изобретательна.

Его пальцы чертили невидимые линии на ее руке. Эти прикосновения вызывали чувственную дрожь.

— Я не отвергал тебя, хабибти. Никогда. Я лишь хотел пригласить брата присоединиться к нам.

У нее перехватило дыхание. Они оба? Безумие какое-то.

Девушка едва ли целовалась раньше, а теперь собиралась лишиться девственности сразу с двумя великолепными мужчинами?

Этого просто не могло быть. Если только они не решили сыграть с ней злую шутку. Да, именно так все и было. И это сильно ее ранило.

— Очень смешно, парни.

Она поднялась на ноги:

— Я просто перейду в другую спальню. Спокойной ночи.

Когда она доберется до Безакистана, то сможет с головой погрузиться в общение с Талом и спокойно корпеть над своими цифрами. Она оставит попытки выбраться из своей скорлупы и стать другой женщиной. Пайпер выучила урок — и довольно болезненно.

— Ты никуда не пойдешь.

Кад схватил ее за руку и потянул обратно на кровать, его лицо потемнело:

— Пайпер, я должен знать. Если ты не испытываешь ко мне интереса, скажи мне сейчас. Ничего не сработает, если ты не позволишь мне попытаться тебя завоевать.

— Что не сработает?

Девушка пришла в полное замешательство, особенно когда между братьями промелькнули не поддающиеся описанию эмоции.

Раф вздохнул, и его тело заметно напряглось, когда он встал и прошелся по комнате.

— Ты должна понять, какого рода отношения действуют в нашем семействе. Это традиция состоятельных семей Безакистана, которую разделяют братья.

Разделяют?

— В смысле дом? Я понимаю, это финансово выгодно.

Губы Када изогнулись в невероятно сексуальной улыбке:

— Да. Мы делим дом. Но не только.

Хотя его улыбка свидетельствовала об обратном, он просто не мог иметь в виду то, о чем она подумала...

— Вы делитесь автомобилями?

Раф поморщился:

— Я бы никогда не подпустил его близко ни к одной из своих машин. Он слишком небрежен.

Кад пожал плечами:

— Мне не нужны твои машины. У тебя стариковский вкус.

— Мой “Бентли” — верх совершенства, — возразил Раф.

— Скучняк.

Кад притворно зевнул. Если она не остановит их, они будут спорить до бесконечности о том, чей автомобиль лучше.

— Хотите сказать, что делите девушек?

Они тут же устремили на нее свои взгляды, пронзительные и сосредоточенные, подобно двум великолепным хищникам, которым только что предложили их излюбленное лакомство.

— Да, хабибти. И мы ищем женщину. Еще ни одной не удалось нас удовлетворить.

Пайпер фыркнула, когда все стало на свои места. Господи, как она могла быть такой наивной.

— Значит, когда Бритни из бух. отдела сказала, что вы пригласили ее на двойную порцию, она не имела в виду мороженое на десерт.

Братья покраснели.

— Она, конечно, милая, но это была лишь мимолетная связь, — поспешно произнес Раф с пренебрежением.

— Я понятия не имею, о ком ты говоришь, — сказал Кад брату.

Пандора в этом сомневалась.

— Рыжие волосы, грудь четвертого размера?

Он покачал головой:

— Я могу думать только о тебе.

Да уж, он определенно умел очаровывать.

— Ага, конечно. Так... о чем именно вы говорите? Не могу даже представить, как это возможно.

Кад вздохнул и приблизился к ней:

— Пайпер, у меня было много женщин. Я пытался доставить им удовольствие, но у меня никогда не возникало соблазна превратить этот приятный досуг в нечто большее. Но с тобой все по-другому.

Девушка покачала головой, отказываясь играть в эту игру:

— Я, возможно, наивна, но не глупа. Ты миллиардер. Королевской крови. А я родом из маленького городка в Западном Техасе, в котором частенько пахнет навозом. Вам не обязательно давать мне обещания. Я просто заинтересована в физической близости.

Она выразилась настолько деликатно, как только могла.

— Хочешь потрахаться? — спросил Кадир.

А вот в нем, похоже, деликатности не было ни на грамм. Она вспыхнула. Ей редко доводилось слышать это слово в употреблении, до того, как она приехала в Даллас.

— Я считаю привлекательными вас обоих.

— Не знаю насчет секса, хабибти.

Раф поднял руку и начал стягивать свой галстук, расстегнул манжеты и снял с себя рубашку.

— Но мы можем немного поиграть. Доставить тебе удовольствие и заснуть рядом с

тобой.

Кад опустил голову ей на плечо.

— Пожалуйста, Пайпер. Если ты откажешься, мне придется спать на кушетке. Прошлой ночью я проигрался Рафу в карты, и поэтому он забирает вторую комнату. Подумай о моей бедной спине. Ведь совсем скоро я выйду на пенсию.

Ему едва исполнилось тридцать. И она изо всех сил старалась оторвать взгляд от обнаженной груди Рафа. В Безакестане росли до безобразия мускулистые мужчины. Торс Рафика был более, чем достоин статуса голливудского идола. Каждый дюйм его тела был словно высечен и завершен. Широкие плечи переходили в мощную грудь и узкую талию, его бронзовая кожа была совершенна.

— Поцелуй ее, Кад. Ей нравятся поцелуи.

Прежде, чем она успела сделать следующий вдох, Кадир опустил палец ей под подбородок, повернул ее голову к себе и завладел ее губами.

Поцелуй Рафа был нежным, интимным, заставляющим пальцы ее ног поджиматься от наслаждения, но Кад мгновенно взорвал ее мир необузданной чувственностью. Он ворвался в ее рот, соблазняя, одновременно и дразня, и доминируя.

Для Пайпер поцелуи всегда были чем-то неловким. Она никогда не знала, что следует делать. Девушка пыталась действовать по-разному, но всегда чувствовала себя глупо. Однако этого не произошло ни с одним из этих мужчин. Даже сейчас Кадир не дал ей возможности усомниться в своей привлекательности. Он полностью завладел вниманием. Его руки погрузились в ее волосы и подчинили ее. Она не сопротивлялась своим ощущениям, со вдохом ныряя в восхитительную бездну.

Его язык очертил линию ее сомкнутых губ, требуя впустить его. И она уступила, желая доставить ему удовольствие. Пайпер никогда прежде не наслаждалась этим, но Кад уже более, чем полностью, превзошел все ее ожидания. Его язык скользнул по ее собственному в примитивной ласке. Она расслабилась в его руках, одурманенная пьянящими ощущениями.

— Коснись его, хабибти.

Рафик опустился позади нее на постель, прижимаясь своей грудью к ее спине. Его руки заскользили по ней, зажигая каждый участок ее кожи.

— Он ждал твоего прикосновения. Я знаю это, потому что испытываю то же самое.

Кад поцеловал ее щеку, прижавшись к ней.

— Прикоснись ко мне. Я хочу почувствовать твои руки везде, где только возможно.

Это было, словно получить ключи от игровой площадки после жизни в заточении. Кадир стянул рубашку, доказывая, что был столь же великолепен, как и его брат. Он схватил ее руку и положил на свою грудь, прежде чем снова поцеловать ее. Их губы соединились, и она позволила своим пальцам исследовать точеный рельеф его торса.

Две руки обхватили ее бедра. Раф.

Он не ждал своей очереди, и она неожиданно осознала, что в происходящем не будет ничего цивилизованного. На ее единственный чувственный опыт с парнем из старших классов, с которым она тогда встречалась, она решила практически из дедуктивных соображений, потому что среди подростков так было принято. Результатом оказался клубок долговязых рук и ног, поэтому они обоюдно решили не продолжать этот эксперимент.

Однако сейчас она напрочь лишилась способности думать. Дело было не в ее интеллекте, это касалось ее тела, и, да, ее сердца. Она была без ума от этих мужчин.

Рафик был начитанным и добрым, она любила с ним говорить. Кадир был невероятно

сексуальным, и, в то же время, стойко оберегающим, всегда готовым к любой потенциальной угрозе.

Теперь Пандора это понимала. Это объясняло, почему он был так расстроен происшествием с грузчиками. Ему не нравилось видеть грусть на женском лице.

Нет, она не сможет их удержать. Они должны принадлежать изысканной девушке, которая отлично впишется в их мир. Но не этой ночью.

Кад отпустил ее, и Раф мгновенно вступил в игру, повернув ее голову к себе и захватывая ее рот в плотоядном поцелуе. Его язык вторгся внутрь. Когда между ее бедер начала расти ноющая потребность, по ней прошел восхитительный трепет.

Девушка вздохнула. Это была жажда, глубокое желание, которое заставляло ее женскую сущность набухать и пульсировать.

— Тебе не понадобится вся эта одежда.

Руки Када, вслед за словами Рафа, сосредоточенного на ее гибком теле, занялись пуговицами на ее блузе. Через считанные секунды ткань соскользнула с ее тела, и вместо хлопка она ощутила сильные, теплые руки на своей плоти. Прежде, чем она поняла, что происходит, ее бюстгальтер оказался расстегнут. На короткое мгновение холодный воздух опалил ее кожу, и она вдруг осознала всю грандиозность этой ночи. Пайпер была наполовину обнаженной, в постели с двумя мужчинами.

С двумя великолепными мужчинами не своего круга. Ей, вероятно, необходимо остановить это и прислушаться к голосу разума. Но в тот момент, когда она открыла рот, намереваясь заговорить, Кадир наклонился и лизнул ее сосок. Вместо убедительных доводов из ее горла вырвался лишь хриплый вздох. Огонь разлился по ее венам, прожигая до кости, когда она опустила взгляд на его черные волосы и рот на ее груди. Мужчина укусил сосок, игриво ущипнул его, и тут же приласкал языком эту тянущую, эротическую боль.

Пайпер и представить себе не могла, что ее грудь была так тесно связана с другими частями ее женского тела, но каждое движение его языка посылало волну жара в ее лоно.

— Он очень любит женскую грудь.

Голос Рафа был горячим соблазном для ее слуха. Его руки скользнули к поясу ее юбки, развязывая его. От звука расстегивающейся молнии по ней прошла дрожь.

— Я тоже люблю ее, но сейчас хочу увидеть кое-что другое.

Раф стянул юбку с ее бедер и поддразнил участок оголившейся кожи над кромкой ее нижнего белья. Затем Кад всосал ее сосок в свой рот, и все мысли о разумных поступках и желании остановиться просто испарились. Она должна была вкусить их прикосновение, и умирала от жажды почувствовать на себе их руки и губы. Поэтому Пайпер позволила своим пальцам погрузиться в волосы Кадира, притягивая его ближе к себе. Как только она сделала это, длинные пальцы Рафика пробрались под резинку ее трусиков, приближаясь к пылающей сердцевине ее женственности.

— Я хочу увидеть ее. Мне нужно тебя видеть. Всю. Прямо сейчас.

— Ты хочешь увидеть меня там? — Пандора почувствовала, что краснеет. — Раф... а мы можем выключить свет?

Так было бы намного проще. Кад поднял голову, его глаза горели, на лице расплылась порочная улыбка:

— Никто не будет выключать свет, хабибти. И скажи мне, какой части твоего тела касается Раф? Я хочу услышать это от тебя.

Она практически забыла, как дышать. Пальцы Рафа скользили в местах, которых не

касался ни один другой мужчина, и неожиданно девушка задалась вопросом, почему она так долго ждала. Ведь это было истинное блаженство. Она налилась и увлажнилась. О, Боже она буквально текла. Пайпер немного пошевелилась, пытаясь избежать его пальцев, пробирающихся все дальше.

Кад сузил глаза и положил руки на ее бедра, удерживая на месте:

— Перестань сопротивляться. Что не так? Он делает тебе больно?

— О, она чувствует совсем не боль, — сказал Раф, медленно скользя пальцами по напряженному комочку нервов.

Как он называется? Клитор. Точно. Он гладил ее клитор.

Не то, чтобы она никогда не касалась себя раньше, но когда это делал он, ее ощущения были намного острее тех, что она переживала наедине с собой. Пайпер знала, что никогда не была такой влажной. Наверно, это не нормально.

Все еще удерживая ее от побега, Кадир усилил свой захват, и приблизился губами к ее роту. Рафик так же прижал ее к своему горячему телу. Они окружили ее полностью.

— Скажи мне, что не так? — потребовал Кад.

Она закрыла глаза, испытывая такое смущение, что ей тут же захотелось исчезнуть.

— Я слишком влажная. Знаете, внизу... там. Мне нужно привести себя в порядок.

Она почувствовала их смех. Ладони Кадира снова сжали ее грудь. Раф провел губами по ее спине.

— Ты беспокоишься о том, что слишком влажная? — Раф ущипнул ее клитор. — Думаешь, мне может не понравиться твоя текущая и блестящая от влаги киска? Хабибти, я хочу тебя настолько мокрой, насколько это возможно.

Пандора почувствовала легкое оцепенение, но, несмотря на слова, ее бедра двигались в немой попытке уговорить его прикоснуться к ней с большей силой.

— Я не знаю, гигиенично ли это.

— Маленькая девственница. Ты ведь девственница, верно, Пайпер? — промурлыкал Кад, и втянул ее сосок в свой рот.

Она покраснела от ошеломляющей смеси смущения и возбуждения. Несмотря на свою уязвимость, она ощутила головокружительную волну желания, захлестнувшую ее с новой силой. Девушка простонала:

— Да.

— Мы так и думали. Это урок номер один, хабибти.

Рука Када пропутешествовала вниз, и присоединилась к ладони Рафа. Они вдвоем начали свою игру, скользя по ее лепесткам. Пайпер ахнула, когда один длинный, мужской палец протолкнулся в ее лоно. Затем Кадир вытянул руку из ее трусиков.

— В занятиях любовью нет ничего вежливого и гигиеничного.

Он облизал свой палец, блестящий от ее соков.

— Мм, на вкус ты, словно рай.

— Видишь, ему нравится твой вкус. И я знаю, что мне он тоже понравится. Ляг на спину и раздвинь ножки. Позволь мне тебя попробовать, — настаивал Раф. — Разреши показать, какое наслаждение мы можем тебе доставить. Ты ждала так долго, и заслужила кое-что сладкое. Мы угостим тебя.

Она, может, и девственница, но не дурочка. Пайпер опустилась на большую кровать. Раф оставил ее, лежащей в нижнем белье — хлопчатобумажном комплекте с нарисованными радугами. Черт, ей действительно следовало основательно пересмотреть свои взгляды на

подбор белья.

— Так не пойдет.

Покачав головой, Рафик стащил и отбросил оставшуюся на ней одежду в сторону.

— Хабибти, если бы я мог открыть иллюминатор на высоте сорока тысяч фунтов и выкинуть все это без разгерметизации самолета, я бы так и сделал.

Он посмотрел на Када:

— Разве ты не купил ей подходящее нижнее белье?

Кадир покачал головой:

— Только неглиже. Не вижу необходимости в том, чтобы она носила трусики.

Пайпер выплыла из своего чувственного тумана, когда осознала, что была совершенно обнажена, тогда как они оставались все еще полностью одетыми...ну, ниже талии.

Она застенчиво перекрестила руки.

— Ты не скроешь от нас свою грудь, Пайпер.

Голос Када походил на низкое рычание:

— Я хочу смотреть на тебя.

Раф был немного мягче:

— Ты такая красивая, хабибти. Позволь нам увидеть тебя во всем великолепии. Ты поймешь, что Кадир становится невыносимо капризным, когда не получает то, чего хочет. Ты действительно хочешь, чтобы он начал дуться, вместо того, чтобы получить удовольствие, которое я обещал?

У нее был выбор. Она могла сбежать из постели и найти эту дрянную пару нижнего белья, или же могла стать той Пайпер, которой хотела быть. Храброй. Бесстрашной. Готовой принять любой вызов. Девушка прикрывалась своей ответственностью в течение многих лет. На самом же деле, ею владел страх. Теперь она понимала это.

Пандора пряталась за своей застенчивостью, и что получила взамен?

Жениха, который бросил ее, едва поцеловав. Конечно, перспектива остаться с разбитым сердцем пугала ее. Раф и Кад уже обладали эмоциональной властью над ней. Но, по крайней мере, она могла испытать хоть что-то.

Пайпер прижала руки к бокам и была вознаграждена солнечной улыбкой Кадира. Он прижался к ней ближе, накрывая ее губы своими в нежном, легком поцелуе:

— Спасибо, хабибти. Не хочу, чтобы нас что-то разделяло. А теперь, попроси Рафа о том, чего ты хочешь. Нам нужно услышать, как ты это произносишь вслух.

Пайпер нахмурилась:

— Вы и так знаете, чего я хочу.

Она просто не могла это озвучить.

Кад пожал плечами:

— Я очень непонятливый человек. Можешь спросить моих братьев.

Скорее уж очень коварный. Его брат согласно кивал, отстранив того, и придвинувшись к местечку между ее ножек. Потребность вспыхнула с новой силой, когда Раф вновь коснулся ее плоти, заигрывая пальцами с волосками на ее киске.

— Он не слишком умен. Ты сама это поймешь. Он станет наихудшим... партнером из всех нас.

— С этим я не соглашусь.

Голос Када звучал почти оскорбленно. Рафик наклонился, опуская лицо прямо в ее женскую сущность, и неторопливо выдохнул.

Гребаные... все-те-плохие-вещи-которые-ей-не-следует-произносить!

— Дай ему то, чего он хочет, Пайпер. Я понял, что тоже голоден. А затем, дорогая девочка, мы должны обсудить следующий этап ухаживания. Когда мы достигнем Безакистана, придется превратить этот очаровательный лесок в пустыню. В переносном смысле, конечно.

У нее не было ни малейшего представления, о чем он говорил. Он играл с ее половыми губами, нежно лаская ртом сначала одну, а затем другую. Это сводило ее с ума. Она хотела, о Боже, она хотела, чтобы его язык оказался внутри нее. Но Пайпер не получит этого, пока не попросит, потому что они оба были требовательными, порочными самцами, с восхитительными руками и губами.

Пальцы Када играли с ее сосками, когда он послал ей еще одну греховную усмешку.

— Пожалуйста, поцелуй меня внизу...вон...там.

Ну вот, она сказала это.

Раф поднял голову:

— Внизу-вон-там? Звучит так, словно ты хочешь, чтобы я поцеловал тебя в Австралии. Наш полет не рассчитан на столь продолжительный срок.

Она зарычала в отчаянии, это оказался довольно женственный звук, который она никогда не издавала прежде. Болваны.

— Я хочу, чтобы ты поцеловал мою... розовую часть.

Раф кивнул:

— У тебя их много. Кад, поцелуй ее в губы. Кажется, она хочет этого.

Кад усмехнулся напротив ее рта:

— Ты должна стараться лучше, хабибти. Нужное слово — «киска». Скажи, чтобы он полизал твою киску. Рафик изнемогает от желания погладить тебя... изнутри языком и поглотить, словно спелый плод. Ты кончишь ему в рот, Пайпер, и для него это окажется равноценно путевке в рай. Произнеси правильные слова.

Она слегка поежилась. Хорошие девочки из Западного Техаса не говорили таких вещей. Хотя, возможно, хорошие девочки не получали оргазмов.

— Не мог бы ты полизать... О, Господи, просто полижи мою киску, пожалуйста.

Раф самодовольно улыбнулся:

— С превеликим удовольствием.

Она почти закричала, когда в нее вошел его язык. Чистое удовольствие переполнило ее с ног до головы. Пандора никогда не испытывала ничего, настолько интимного, настолько правильного, как рот Рафика Аль Муссада в своем лоне. Кадир оказался прав. Испытав это, она уже не будет краснеть от эвфемизмов женского тела и, ну да, ее органов. Это была ее киска, и Раф облизывал ее, распаяя ее жажду все больше и больше. Каждый мускул в ее теле напрягся, дыхание сбилось, соски затвердели, а клитор запульсировал. Она сжала в кулак прекрасное одеяло и с криком выгнула спину.

— Кончи для нас, Пайпер. Ты когда-нибудь кончала прежде? — спросил Кад, лаская ее грудь рукой.

Она немного играла с собой, испытывая мелкие всплески быстрого удовольствия, но ничего, что походило бы на ту сокрушительную волну, которую вызвал внутри нее Раф.

— Никогда, — выдохнула она.

— Я должен принять в этом участие.

Кадир скользнул вниз по ее телу. Рафик обхватил ее зад и подтянул выше, чтобы

получить полноценный доступ к ее киске. Он немного повернул голову, не переставая при этом скользить языком внутрь ее киски и обратно, позволяя брату гладить рукой ее клитор.

— Мы будем первыми, кто подарит тебе экстаз, Пайпер. Ты никогда не должна об этом забывать. Независимо от того, насколько могущественен тот, в чьей постели ты будешь спать, помни, что мы были первыми, кто заставил тебя кончить.

Он ущипнул ее клитор в верный момент, именно тогда, как язык брата проник внутрь, и Пайпер, казалось, разбилась на осколки. Удовольствие пронеслось сквозь нее, подобно землетрясению.

Ему было невозможно сопротивляться, да и зачем?

Она просто сдалась и позволила себе унести на волнах оргазма. Высшая точка наслаждения зародилась в ней, как полыхающее пламя, испепеляя все на своем пути, уничтожая ту серую мышку, которой она была, и оставляя на ее месте истинную женщину. Задыхаясь, Пайпер лежала на спине, ее сердце бешено колотилось в груди. Веки, трепеща, закрылись, когда ее окутала сладкая истома.

— Тебе понравилось? — спросил Кад, глядя на нее с улыбкой.

Девушка кивнула, уверенная в том, что следующая часть понравится ей еще больше. Она положила руки на сильные плечи Када, и затем умоляюще посмотрела на Рафа:

— Займитесь со мной любовью. Оба. Я хочу вас.

Лицо Рафика омрачилось:

— Пайпер, мы тоже хотим тебя.

Он подполз к ней с другой стороны. Теперь она могла чувствовать твердое свидетельство их возбуждения, прикрытое брюками. Им придется раздеться, если она всерьез намеревалась избавиться от уже тяготившей ее девственности.

— Пайпер, нам нужно поговорить, — мягко сказал Кад.

Они ласкали ее, но вовсе не выглядели похожими на похотливых мужчин, которым не терпится овладеть своей женщиной. Теперь они сохраняли заметную, приводящую ее в смущение дистанцию.

— Ты невинна.

Он провел носом по ее щеке, но она не почувствовала никакого сексуального подтекста в его прикосновении, лишь нежную привязанность. Потому что она не была сексуальной штучкой, которая сводила мужчин с ума. В последние несколько минут, она было подумала, что, возможно...

Но, Боже, они просто доставили ей удовольствие, коротая время в длительном перелете. Девушка почувствовала желание к Рафу, и они пожалели маленькую глупую девственницу. Они просто забавлялись с ней.

— Я думаю, нам следует узнать друг друга получше.

Логика Рафика обрушилась на нее, подобно айсбергу, затопившему Титаник и несущему неизбежное крушение.

Его язык был внутри нее. Что еще он должен знать? Его слова — лишь оправдание.

Раф не хотел ее. Или он не хотел нести ответственность за то, чтобы лишить ее девственности. Это было так старомодно, что, на какое-то мгновение, ей захотелось поспорить с ним, сказать, что она сможет с этим справиться.

— Позволь нам тебя обнять.

Кад обернул свою руку вокруг ее талии.

— Мы будем прижимать тебя к себе во сне. А когда окажемся дома, мы сядем и

поговорим.

Точно. Они будут говорить о том, какая она милая девушка, и, как однажды, какой-нибудь безликий, безымянный, но очень умный парень увидит, насколько она красива, и бла, бла, бла. Однако очевидно это так мало для них значило, что они даже не потрудились раздеться. Нет, они обнажили ее по самую душу, но даже не сняли свои штаны, потому что не хотели с ней большей близости. Вся глубокая чувственность и изумление, которые она испытывала несколько мгновений назад, теперь превратились в пепел.

— Убирайтесь.

Раф наклонил к ней голову:

— Пайпер, все будет хорошо, хабибти. Отдыхай. Мы позаботимся о тебе.

Она прекрасно знала, что сама дала согласие на их щедрое предложение, прежде, чем они показали ей, как прекрасно между ними все может быть. Она бы даже наслаждалась их объятиями, словно какая-то хрупкая кукла, которую они так боялись сломать. Или как некий подарок, который братья хотели передать кому-то другому, потому что сами не желали им владеть.

Но Пандора уже не та женщина, которой была несколько часов назад. Поэтому она не собиралась и дальше лежать здесь, униженная и уязвимая, позволяя им тешить свое самолюбие, успокаивая идиотку-девственницу.

— Я попросила вас уйти, господа Аль Муссад. Вы собираетесь с уважением отнестись к моим желаниям, или так и останетесь здесь, наперекор моей воле?

— Пожалуйста, не делай этого. Ты не понимаешь.

Раф побледнел, как будто только сейчас понял, что под ее словами была твердая почва.

— Хабибти, твоя невинность очень важна для нас. Она драгоценна.

Пайпер протиснулась между ними и схватила халат, лежащий поперек кровати. Если бы она осталась, они бы начали уговаривать и задабривать ее до тех пор, пока она не сдалась бы и не возненавидела себя еще больше.

Девушка стиснула шелковую ткань на своей груди:

— Хорошо. Это драгоценный цветок. Отлично. Я совершенно неприкосновенна. Вы поступили верно. А теперь уходите.

Кадир нахмурился, поднимаясь на ноги и обходя кровать. Мужчина был опасен. Он мог очаровывать и обольщать.

Но она должна стойко ему сопротивляться.

— Я никуда не уйду, Пайпер. Ты ведешь себя так, будто мы тебя отвергли. Но мы не делали ничего подобного.

Девушка не хотела разводить с ними семантику. Она не была глупой. Они могли облечь это в миллион красивых фраз, но все сводилось лишь к одному: она была достаточно хороша, чтобы поиграть с ней, но не настолько соблазнительна и привлекательна, чтобы заняться с ней любовью.

Пандора была абсолютно уверена, что их отказ, в конечном счете, окажется каким-нибудь культурным побуждением. Что ж, ей до смерти надоело слушать об их традициях, к которым она должна была научиться приспособливаться.

— Я попросила вас уйти, Кадир. Если вы этого не сделаете, уйду я. И могу вас заверить, что, как только получу возможность поговорить с шейхом, я непременно отмечу, как повели себя со мной его братья.

— Уверю тебя, что мой брат будет в восторге от того, что мне удалось оставить тебя в

неприкосновенности, — зарычал Кад, вторгаясь в ее личное пространство и смотря на нее испытывающим взглядом. — И лучше, чтобы он охренеть, как оценил это, потому что прямо сейчас я на грани, Пайпер. А я не привык себе в чем-то отказывать. Хотя бы не отталкивай меня.

Все женское восстало в ней, в ответ на его мужской зов. Она бы не удивилась, если бы он начал бить себя кулаком в грудь.

— Не думаю, что тебе приходится так уж бороться с собой, Кад, не тогда, когда это касается меня. Просто оставьте меня и найдите другую дурочку.

Глаза Кадира вспыхнули, но брат, сдерживая его, уперся рукой в его корпус.

— Остановись. Здесь есть лишь два пути, и ни один из них не приведет нас ни к чему хорошему. Ты должен успокоиться. Нельзя завоевать ее силой. Ей нужно время.

Успокаивающий голос Рафа довел ее до края. Пайпер отчасти хотела этого. По крайней мере, если они продолжат борьбу с ней, она на мгновение сможет притвориться, что вызывает в них те же эмоции, что и они будили в ней.

— Мне не нужно время. Я все поняла. Просто... уходите.

Она не собиралась уходить. О, поначалу Пандора так и собиралась поступить, но то, что они делали, было просто низко. Братья Аль Муссад манипулировали ею по каким-то непонятным причинам. Возможно, это была лишь забавная игра, чтобы увидеть, как далеко она могла зайти, и завтра Пайпер окажется на самолете, летящим обратно в Штаты, потому что доказала, что была аморальна и не достойна быть допущенной в их прекрасную страну. Но больше это не имело значения. Время расставит все по местам.

И она ничего не могла с этим поделать. После того, как они вскружили ей голову, лишив всякого самоконтроля, теперь она хотела настоять на своем и заставить их отступить.

Кадир повернулся и ринулся прочь, хлопнув дверью. Рафик поднял свою рубашку и покачал головой:

— Я не хотел, чтобы у этого вечера было такое завершение, хабибти. Прошу тебя, пересмотри свое решение. Я могу позвать Када назад. Позволь нам обнять тебя. Это все, что мы сейчас можем тебе предложить.

Она просто хотела, чтобы он ушел.

— Пожалуйста, уходи. Я устала. Мне нужно принять душ.

Его глаза слегка прищурились, и она ясно увидела в них, как он борется с собой, заставляя себя сделать шаг к двери.

— Я уйду на ночь, Пайпер. Но не думай и секунды, что наш разговор окончен. Все лишь только начинается, и в ту минуту, когда самолет приземлится, мы окажемся в моей стране и будем играть по моим правилам. Я могу казаться самым мягким из моих братьев, но никогда не забывай, что я принц. Будучи членом королевской семьи, я научился быть безжалостным, и я всегда получаю то, что хочу. Спокойной ночи.

Дверь за ним закрылась, и он оставил Пайпер одну. С трясущимися руками она пошла в душ. Сколько бы она ни мылась, девушка не могла избавиться от ощущения их рук на своей коже. Когда она, наконец, уснула, ей приснилось, что она была между ними, окруженная их любовью.

Колеса самолета коснулись земли, вырывая Када из глубокого, но беспокойного сна. Он сел, задаваясь вопросом, почему вообще пытался уснуть в этом адски неудобном кресле.

— Сэр, мы на месте. Лимузин ждет, чтобы отвезти вас во дворец. Багаж прибывает в ближайшее время. Его Королевское Высочество связался с пилотом, чтобы убедиться, что полет прошел гладко. Он ожидает увидеть всех вас в течение часа.

Довольно предусмотрительная стюардесса вручила ему горячий кофе. Кадиру он был жизненно необходим. Его голова раскалывалась, а спине требовался серьезный массаж.

— Спасибо. Мисс Глен уже проснулась?

Глупый вопрос. Она бы не стала валяться в постели во время посадки, но не мог же он спросить, была ли мисс Глен все еще чертовски сердита из-за того, что они с Рафом не трахнули ее прошлой ночью.

Стюардесса спокойно улыбнулась:

— Она уже позавтракала, и сейчас выглядит прекрасно и свежо, и готова к встрече с шейхом.

Стюардесса ушла, и Кад откинулся на спинку кресла, в то время, как самолет начал долгое скольжение по взлетно-посадочной полосе. Аэропорт был частным. Здесь не придется беспокоиться о папарацци. Но как только они его покинут, это быстро изменится.

Зашел Раф, и выглядел он почти так же, как Кад себя чувствовал. Его уставшие глаза и понурые плечи сказали Кадиру о том, что брат тоже плохо спал ночью.

— Этим утром Пайпер ничуть не счастливее, чем была вчера вечером. Хорошо, что мы «забыли» чемодан с одеждой, который она упаковала, иначе, боюсь, лишь назло нам, она бы вернулась к своему ужасному гардеробу.

Оставить ее багаж со старой одеждой было идеей Када. Он убедился, что в чемодане не было сувениров или каких-то особенных вещей. Лишь ее старая одежда, которая связывала ее с прошлой жизнью.

— Всего этого можно было бы избежать, если бы наш брат не был таким придурком.

Зазвонил телефон Рафа. Тот поморщился:

— Легок на помине.

Он взял мобильник и подключил его к звуковой системе конференц-зала. Рафик нажал кнопку ответа, закрыв прежде дверь, чтобы Пандора не услышала разговор. Иначе она могла бы потребовать своего немедленного возвращения домой.

— Мы приземлились, Талиб.

— Отлично, — раздался из динамиков глубокий голос брата.

В половине случаев, Талиб был его героем. А в остальных, он был таким, каким сам Кад никогда не сможет стать. Самоотверженным. Стойким. Искренним. Старший был точно, как последний шейх, человек, который принес их стране несметное богатство и борющийся с оккупантами почти всю свою жизнь.

— Как дела у нашей маленькой Пайпер? Она в порядке?

— Вне себя, — огрызнулся Кад.

Несмотря на то, что он любил брата, он все еще сходил с ума из-за того, что они не дали девушке то, в чем она нуждалась прошлой ночью. В каком, мать твою, веке они живут, что именно шейх должен взять ее девственность? Он почти мог видеть, как изогнулись брови

брата, когда тон его голоса стал ледяным.

— Пайпер не довольна апартаментами? Они пришлись ей не по душе?

Раф вздохнул, посмотрев на Када.

— Пайпер была ошеломлена самолетом. Она была милой и доброй со всеми, кого мы встретили. Когда мы приземлимся, она с благоговением увидит дворец. Хабибти расстроена, потому что не понимает наши обычаи, а ты не позволил мне объяснить ей все должным образом.

— Как так? — раздался саркастичный смешок. — Ах, вы с Кадом увлеклись игрой больше положенного? Это объясняет неприветливость Кадира. Я уже начал планировать банкет по случаю помолвки. Он состоится через несколько дней. И тогда придет ваш черед. Должен сказать, что я немного удивлен вашей страсти к Пайпер. Она едва ли в вашем вкусе. Я скорее полагал, что мне придется уговаривать вас на свадьбу.

Кад посмотрел на Рафика, на лице у которого играла легкая самодовольная улыбка. Он поднял руку, когда Кадир собрался было попросить Тала посетить окулиста.

— Мы все знаем, как мало у нас времени, брат. Я понимаю, почему вы захотели Пайпер. Она образованна и осведомлена в вопросах главного производства нашей страны. Хотя девушка очень умна, в то же время, слишком невинна для наших искушенных методов. Вероятно, мисс Глен будет рада жить в мире и спокойствии. Женщины, которых мы рассматривали до нее, были приучены к изысканной жизни.

Ах. Теперь Кад понял. Талиб выбирал невесту по очень жестким критериям, и, если и было что-то, чего Тал не желал, так это жену, мечтающую о таблоидных заголовках, вызывающих толки. Пайпер, очень милая и женственная, не обладала неоспоримой традиционной привлекательностью, присущей моделям, актрисам и персонам королевской семьи.

— Да, я верю, что она является удачным выбором во многих отношениях.

Его голос сочился самодовольством. У Тала бывал такой тон, когда он вел переговоры о крупных сделках или издавал новое законодательство, которым был необычайно горд.

— Так почему она рассердилась? Вы ее напугали?

Значит, он не был так сведущ во всем.

— Я уже говорил тебе о наших подозрениях в том, что она довольно невинна. Теперь я могу с уверенностью подтвердить, что она девственница.

— Это отличная новость.

— Она не довольна таким положением, и немного не в себе из-за того, что до сих пор не тронута.

Ну, член Кадира был так же определенно недоволен.

Раф послал Каду свой фирменный "умолкни-и-позволь-мне-разобраться-с-ним" взгляд.

— Но мы согласились, что будем следовать всем традициям наших предков, включая тот факт, что ты первым должен будешь взять невесту. К сожалению, мы не могли объяснить ей, что умыкнули ее для брака с тремя принцами, и что ее девственность принадлежит нашему старшему брату. Я предпочел бы, чтобы моя голова оставалась на моих плечах. Я также не был уверен, не выпрыгнет ли она в этом случае из самолета.

— Она разумная девушка, — произнес Тал. — Именно поэтому я ее и выбрал. Очень сомневаюсь, что она закатит истерику, когда осознает, что у нее будет три мужа, во всем ее обеспечивающих, а также работа, намного лучше той, о какой она могла когда-либо мечтать. Поверьте мне. Я знаю эту девушку. Она никогда и не надеялась так обустроить свою личную

жизнь. Мисс Глен будет благодарна.

Кад негромко хлопнул ладонью по лбу. Брат считал, что знает Пайпер, потому что разговаривал с ней по интернету? Он ошибался. Он мог знать Пандору с профессиональной стороны, но он и понятия не имел, насколько сладкой и горячей была эта женщина. И насколько упрямой она могла быть. Кадир думал о ней всю ночь. Пайпер не позволит им так просто себя завоевать. Она будет бороться.

Он хотел ее. Это было просто. Однако с каждым часом сопротивляться было все труднее, потому что он все больше восхищался ею. Даже несмотря на то, что она вышвырнула его из своей спальни прошлой ночью, его член был твердым, а сердце становилось все восприимчивее. Последние несколько дней он был полностью сосредоточен на Пайпер. Кадир понял, что она была довольно умной и решительной. Девушка бросила ему вызов. Каду нравилось быть плейбоем, в то время как его старшие братья больше заботились о королевстве. Они не нуждались в нем, но Пандора заставила его думать, что он должен взять на себя какую-то ответственность.

— Мне нравится эта женщина. Мне не нужна ее благодарность, — сказал Кад, понимая, что его голос звучит мрачнее, чем обычно. — Я сам испытываю к ней благодарность. Я пойду на все, что предписывают традиции, но я не хочу причинить ей боль.

Из динамиков послышался тихий стон Тала:

— Каким образом она может пострадать? Эта женщина замужем за своей работой. Мы обеспечим ее этим и даже большим. У нее будет семья и внушительная карьера. Ей понравится быть вознагражденной за удивительный ум. Эта женщина знает об экономике энергии больше, чем все, с кем я говорил. Она обладает идеями, способными изменить мировую структуру. Поверьте, когда она поймет, какой властью обладает, она не придаст значения тому, что мы немного исказили правду о нас.

Раф закатил глаза:

— Я начинаю в этом сомневаться. В ней есть скрытая сила. Боюсь, обман может ранить ее гордость.

— Если мы не последуем традициям, у Халила появится шанс вызвать нас в суд.

Слова Тала возымели оглушающий эффект:

— Я знаю, что это кажется архаичным и варварским, и что мы должны договориться с ней, но похищение невесты — наша традиция и наш закон. Когда-нибудь, мы сможем найти способ усовершенствовать его и приспособить к современному обществу, но я больше беспокоюсь о нашей экономике, чем о юридических процессах.

Кад не мог не согласиться, но...

— Если бы мы остановились на богатой невесте, она была бы подготовлена. Наши брачные традиции были предметом споров на протяжении десятилетий.

Раф откинулся на спинку своего кресла:

— К сожалению, Пайпер ничего не знает о нашем мире. И еще меньше ее может интересовать наша социальная культура. Мы должны окружить ее удовольствием и лаской, чтобы она не захотела нас покинуть.

На линии раздался долгий вздох:

— Она и не покинет. Я знаю, что делаю. Просто привезите ее сюда. Я устал ждать.

Связь оборвалась. Кадир наклонился вперед. Столь многое встало на свои места.

— Он никогда действительно ее не видел. Талиб думает, что она выглядит, как на том жалком крошечном фото из водительского удостоверения. Он действительно считает, что

может привезти ее, жениться на ней, а затем работать с ней, словно с коллегой, с которой не будет иметь никакой эмоциональной связи. И что она будет настолько благодарна, что не примет все близко к сердцу.

Рафик откинулся на спинку кресла, устало глядя на младшего.

— Неужели ты до сих пор это не выяснил? Я понял это в ту минуту, как только узнал, кто она. Она красива, но не той красотой, которую могут передать фотографии. Дело в ее натуре, улыбке, в том, как она движется. Тал и понятия не имеет, какая Пайпер на самом деле.

— Что, если она сбежит? — Кад не мог вынести и мысли об этом, но он и не собирался прятать голову в песок.

Все возможно. Шейх был прав. Они должны были оспорить закон намного раньше, но на тот момент возобладали другие насущные проблемы, и брак казался еще таким далеким. А потом Тала пленили, и это перевернуло их мир. Неделя, в течение которой его удерживали повстанцы, изменила их жизни. Талиб ушел счастливым, оптимистичным молодым наследником, а вернулся холодным, отрешенным человеком. С тех пор они всего лишь существовали. Теперь им приходилось мириться с мыслью о том, что они могли потерять корону — то, чем их семья обладала на протяжении веков. Пайпер была им необходима не только лишь затем, чтобы они могли удержать свои права первородства. Что ж, возможно, Талиб исходил именно из этих побуждений.

— Все будет в порядке, Кадир.

Рафик встал, поправляя свой костюм.

— Мы убедим ее. Но это должны сделать ты и я. Талиб больше не способен искренне любить женщину.

Это было так не похоже на то, что он хотел услышать.

— Его душа жива. Я знаю это.

— Надеюсь, ты прав. Но нам необходимо о ней позаботиться. Я не могу позволить холодному сердцу Талиба ее ранить. Она мне не безразлична. Думаю, что смог бы ее полюбить. То, что произошло вчера вечером, практически разорвало меня на части. Мы справимся с этой долбаной пародией на помолвку. И она будет принадлежать нам. У нее будут все основания, чтобы остаться. Ты со мной или нет?

Раздался энергичный стук в дверь. Прежде, чем он успел ответить, Раф открыл ее, и вошла Пайпер с отстраненным выражением на лице. Она была великолепна в раннем утреннем свете. Ее каштановые волосы сияли роскошным переливом. Ее кожа была подобна молочному жемчугу, оттенявшему платье бирюзового цвета, которое она надела. Линия ее груди заставила его член затвердеть.

— Вы знаете, как я могу добраться до своих апартаментов? Я бы хотела получить план местности.

Она сказала это ровным тоном, но он не мог не заметить, как дрожали ее руки.

— Нас отвезет лимузин, Пайпер, — ответил Раф.

— Я предпочла бы взять такси.

Кадир посмотрел на нее. Она была настроена решительно. Пандора не была нежным цветком, но ее сердце было куда более хрупким, чем все полагали. Прошлой ночью он повел себя с ней неправильно. словно ребенок, у которого отняли его игрушки. Он отнесся к ней, как к развлечению, а не любимой женщине. Возможно, для Кадира Аль Муссада пришло время повзрослеть. Он последовал своим природным инстинктам, тем, что никак не были

связаны с его гормонами, а шиш от самого недра души. Мужчина встал и приблизился к ней, его сердце воспарило, когда ее глаза вспыхнули. Да, он не всегда собирался действовать так, как она ожидала. Раф был прав. Они должны были ее удержать. Тал хотел ее для блага королевства. Но Кад нуждался в ней, чтобы спасти самого себя.

— Что ты делаешь?

Вопрос вырвался из нее с гневным вздохом. Он не дал возможности отстраниться. Кадир захватил ее, обхватывая руками и прижимая ближе к своему торсу, упиваясь ощущением ее тела рядом с собой. Впервые в своей жизни, он просто позволил себе насладиться мягкостью женщины, исходя из эмоциональных побуждений. Это было странно. Кад никогда бы не раскрылся перед ней, если бы она была просто девушкой, которую желали он и его брат, но Пандора была особенной. Он женится на ней, и это значило, что он мог полностью раствориться в ее сущности.

— Ты поедешь с нами, хабибти. Не трать время на споры. Я не позволю тебе взять такси. Пожалуйста, Пайпер, прости меня.

Это заняло лишь одно мгновение. Она была напряжена в его руках, но затем Раф прижался к ее спине, следуя за инициативой Када.

— Прости нас, Пайпер, — тихо повторил Раф.

— Мне нечего прощать.

Ее слова прозвучали мягко, но они несли в себе категоричный подтекст.

— Мы не хотели тебя ранить.

— Я знаю. Вы просто меня пожалели.

Он оттеснил ее к брату, зажимая между ними, и прижал свои ладони к ее животу.

— Прямо сейчас мне жаль самого себя. Я провел так целую ночь.

— И я.

Когда Раф придвинулся к ней, тело Пайпер так идеально подошло его собственному. Ее глаза заблестели от непролитых слез.

— Не понимаю. Я не хотела вас отвергать.

Кад пытался найти слова, чтобы заставить ее понять:

— Пайпер, ты нам не безразлична. Мы желаем тебя, но хотим заняться с тобой любовью, когда наступит правильный момент. Скажи мне искренне, ты думала о будущем прошлой ночью?

Девушка вздохнула, и ее тело, наконец, расслабилось. Она не делала попыток обнять их, но перестала сопротивляться.

— Я вообще ни о чем не думала. Я просто отдалась своим ощущениям. И в свете этого утра, я рада, что мы не довели все до конца. Это было бы ошибкой.

Он приподнял ее лицо. Она была так прекрасна.

— Да, но я думаю, что мы уже продвинулись дальше. Это случится, Пайпер. И мы вместе достигнем высшей точки наслаждения, когда все будет так, как должно быть. Ты помнишь, как прошлой ночью мы объяснили тебе, что в нашей семье братья делят женщину?

Пайпер вспыхнула:

— Да. Такие вещи девушка едва ли может удалить из памяти.

— Нас трое братьев, хабибти. Подумай об этом, — он быстро поцеловал ее, прежде чем она смогла бы его оттолкнуть, затем отступил. Он испытал глубокое удовлетворение от выражения изумления на ее лице. Самолет начал постепенно останавливаться, но сам он был уверен, что разум Пайпер все еще парил высоко в небе.

— Пойдем, любимая. Пришло время встретиться с твоим другом Талом.

Кад взял ее за руку и повел к выходу.

— Так я направляюсь к Талу? Мне нужно взять свой портфель? Он знает о моем визите?

Раф шел позади них.

— Он знает. Не сомневаюсь, что он ждет тебя.

Дверь самолета открылась, и их омыло волной горячего воздуха. Пайпер тихо ахнула. Он был уверен, что не в последний раз слышит этот сладкий звук. Ее ожидало еще немало сюрпризов.

* * *

Талиб стоял на жаре, в очередной раз поправляя свой галстук и удивляясь, какого хрена он вообще тут делал. Гостей предписывалось ожидать в приемной зале, но Пайпер Глен была не просто гостьей. Если все пойдет по плану, она станет хозяйкой этого дома.

Позади него стояли трое телохранителей, в прошлом каждый спецназовец Соединенных Штатов. За них лично поручились его друзья, Коул и Берк. Теперь он практически не ступал шагу без этой команды. По настоящему случаю каждый был одет в костюм и солнечные очки, которые, казалось, в Штатах вручали всем признанным отморожкам.

— У вас гость, сэр.

Купер Эванс кивнул в сторону западного холла. Что ж, его день был испорчен. Он посмотрел на своего кузена Халила, самого алчущего из всех чудовищ, которых он когда-либо знал. За последние несколько месяцев «брат» несколько похудел, и эта появившаяся угловатость его фигуры придавала ему некое сходство с шакалом, вышедшим на охоту. Эта помолвка с Пайпер должна сработать. Халил так и ждал возможности нападения.

Алия нахмурилась, пошевелившись позади Лэндона Никса. Этот крупный бывший сержант не отрывал от Алиии своих глаз, будто ожидая возможной угрозы.

— Я не говорила ему.

Алия кивнула в сторону их кузена:

— Но я думаю, у него есть подозрения. Могу поклясться, у него повсюду свои шпионы. Боюсь, они есть даже в этом дворце.

Возможно, повторно проверить каждого, кто работал на него, было бы хорошей идеей. Шейх в очередной раз пожалел о том, что Пайпер придется подвергнуть возможной опасности, но он приложит все свои усилия, чтобы ее защитить. Ему необходимо двигаться вперед.

Называть Халила кузенком было просто недоразумением судьбы. Они были связаны по крови в пятом колене. Алия была его первородной кузиной, рожденной сестрой его матери. Семья Халила ответвилась от них два поколения назад, когда его дед отказался разделить жену согласно традициям. Ему были предоставлены деньги и место для проживания, но Тал часто задавался вопросом, было ли этого достаточно для Аль Баширов, которые были вынуждены уступить полномочия Аль Муссадам, когда их дед отрекся от престола.

Халил, единственный сын, оставшийся в живых, отвесил Талу вежливый поклон, но не заметить молнии, которые метали его глаза, было нельзя.

Нет. Богатства и власти было недостаточно. Халил хотел трон. Вопрос заключался в том, как далеко он готов был зайти ради этого? Как далеко он уже зашел?

Его подозрения относительно Халила росли с каждым днем. Тал лишь желал, чтобы каким-то образом можно было не допустить встречи ублюдка с Пайпер.

— Разве ты не можешь казнить его или что-то в этом роде? — спросила Алия,

нахмурившись.

Она была одета в прекрасную юбку и блузку, но было что-то чопорное в ее наряде, что беспокоило Тала. Алия всегда была игриво женственна в доме, переполненном мужчинами. А затем ее похитили. Талиб часто спрашивал себя, увидит ли он когда-нибудь ту беззаботную девушку вновь. Нет, не увидит, и он лучше любого другого понимал, почему.

— Мы не варвары, Алия. Но если у меня появятся неопровержимые доказательства того, что Халил предал нашу страну, я однозначно потребую немедленного судебного разбирательства.

— Мой шейх.

Халил практически источал угрозу, несмотря на то, что его голос ничуть его не выдавал.

— Чудесный день, не правда ли?

Терпение. Ему требовалось терпение, чтобы сплести эту паутину. Он мог изгнать Халила, но без доказательства его измены неминуемо разразится скандал, и последнее, что ему было нужно, это чтобы Халил обратился к их врагам и навлек на них неприятности. Не в тот момент, когда они были так близки к тому, чтобы обрести новую королеву и к скорому успеху энергетического проекта.

— Действительно, — откликнулся он, а затем уже громче сказал Алии: — Ты не помнишь, что предписывают наши традиции в данном случае?

Она застонала:

— И ты говоришь, что мы не варвары. Не жди, что я стану тебе помогать.

— Алия, — предостерегающе произнес он.

— Я знаю, что поставлено на карту, но мне не должно это нравиться.

Она зашагала прочь. Халил наблюдал за ней, и для кузена его взгляд был слишком горяч.

— Она все еще капризничает из-за маленького инцидента в Америке?

Терпение. Он так долго искал его в себе. Талиб двинулся вперед и сжал руками горло Халила, прежде убедившись, что они были вне видимости камер наблюдения. Он толкнул его на один из прекрасных расписных каменных столбов, которых было так много во дворце. Ноги Халила повисли в воздухе.

— Она не капризничает. Она была похищена, и вынуждена работать в борделе. И если бы не тот человек, который также спас меня от радикалов, она бы до сих пор была там или еще хуже. Ее бы продали и использовали до тех пор, пока бы она не погибла. Поэтому, если я когда-нибудь вновь услышу, что ты используешь слово «капризничает» в отношении того, что пережила наша кухня, я докажу тебе, что все еще могу быть варваром.

Он опустил Халила.

— Ты жалкая псина, Талиб, но пока я оставлю все, как есть.

Он поправил свой костюм.

— Думаю, мне следует освежиться перед встречей с вашей будущей невестой. Посмотрим, смогу ли я ее вытерпеть. Склонен полагать, что вряд ли.

Тупфли Халила за тысячу долларов застучали по мраморному полу, когда он зашагал прочь.

— Ты знаешь, что убийство влечет за собой тяжкое наказание.

Дэйн Митчелл был самым крупным из его личной охраны, и более склонным к сарказму. Он был ростом около шести футов и семи дюймов, с фигурой размером с отлично собранный грузовик лейбла "Мак Трак" и глубоким южным акцентом.

— Я ценю твое беспокойство, друг мой. К сожалению, у него есть друзья в правительстве.

И, вполне вероятно, хорошо налаженные связи с повстанцами.

— Вы нашли что-нибудь?

Помимо того, что ребята из его команды чертовски хорошо обеспечивали его безопасность, они также отслеживали каждый шаг Халила и искали любую грязь на руках этого шакала, какую только можно было найти. Тал не мог доказать этого, и надеялся, что все было неправдой, но он подозревал, что Халил приложил руку к похищению Тала и его истязаниям шесть лет назад. Если шейх когда-либо удостоверится в этом, убийство станет благословением для Халила. Тал научился пыткам у лучших мастеров. Он с радостью покажет своему кузену, как быстро может сломаться сильный человек при искусно причиненной боли.

— Я выяснил, что он любит проституток. И не самых дорогих. У меня есть кое-какие фотографии, от которых твой желудок может взбунтоваться. Я испытываю некую жалость к его жене. Если ты решишь выкинуть его с должности, эти фото поспособствуют. Он тратит свое время либо с проститутками, либо занимаясь благотворительностью в госпиталях. Я имею в виду все эти вещи в духе "спасти детей". Кажется, он пытается создать хороший имидж. Должно быть, это тяжкая работа для ублюдка. Seriously, он полный извращенец.

На лице Тала появилась легкая улыбка. Он знал, что его команда испытывала страсть к деталям. Эти парни не случайно пришли так кстати здесь, в Безакистане.

— Многие могут сказать то же самое о нас, друг мой. Поверь мне. Церемония обручения не проводилась здесь с тех пор, как моя мать была похищена моими отцами. Даже тогда, в 1975 году, пресса словно обезумела, а ведь они не были такими чокнутыми, как сейчас. Слово «извращение» еще очень долго будет у всех на устах.

Он надеялся, что это не отпугнет и не расстроит Пайпер. Дэйн улыбнулся, хотя на лице парня любая улыбка скорее походила на оскал акулы:

— Мы оградим от них вас и хрупкую женщину. Скажи мне вот что, Тал. Ей навредит что-нибудь из твоих планов?

Ему пришлось очень аккуратно ступать на эту почву. Тал доверял этим парням больше, чем кому-либо, помимо его родных. Но у них были жесткие принципы. Женская безопасность была для них крайне важной. И он не упустил из внимания то, что они никого не подпускали близко к Алие.

— Она станет моей невестой. Я бы не позволил причинить ей боль.

— Ты уверен в том, что такая секретность необходима? Я не понимаю.

Талиб и не ждал этого от него. Помолвка с плененной невестой была глупым, смехотворным древним ритуалом.

— Наши брачные обычаи являются древними законами, до сих пор закрепленными на бумаге. Со временем, я надеюсь искоренить их или доработать. Но правительство моей страны работает медленно, и оно более озабочено обеспечением нашей безопасности и экономическим благосостоянием страны, нежели решением общественных проблем.

На лице Дэйна появился намек на улыбку:

— Я начинаю склоняться к мысли о том, что мне нравится ваше правительство.

— Как правило, мне тоже. Но сейчас я должен принять участие в этом устаревшем ритуале, иначе Халил унаследует трон. Он сделает все, что в его силах, чтобы захватить власть. Если это произойдет, он завладеет нефтяными скважинами и разорит нашу страну.

Поэтому, как вы понимаете, мой план должен сработать.

Лэндон хлопнул его по спине:

— Тогда тебе следует быть чертовски обаятельным, Шейх. Достань свой волшебный ковер и дай ей на нем прокатиться... если ты понимаешь, о чем я.

Он вздохнул. Эти парни подняли ему настроение. С ними Талиб чувствовал себя обычным человеком, а не шейхом. Довольно часто ему было легче находиться рядом с ними, чем с собственными братьями, потому что они не знали, каким он был раньше.

— Я попытаюсь это сделать, но вы должны понять. Я выбрал ее за интеллект. Она очень умна и сообразительна. Сомневаюсь, что в этом браке будет какая-либо страсть.

Купер устремил взгляд через открытую дверь, и его глаза расширились от изумления:

— Кто это, мать вашу? Святые небеса. Это самое нежное воплощение женственности, какое я видел за последнее время. Может, эта умница Пайпер привезла с собой свою горяченькую сестру?

Тал проследил за его взглядом. Должно быть, лимузин прибыл в то время, когда он выбивал дерьмо из Халила. Шейх не мог не заметить женщину, о которой говорил Купер. Она была одета в сарафан, мягкий материал которого скользил по ее коленям под дуновением летнего бриза. Она надела желтые туфли. На шпильках. Он сходил с ума по шпилькам. Особенно он любил, когда они располагались по обеим сторонам его шеи, когда он трахал податливую, горячую киску.

У него перехватило дыхание. Все его тело напряглось... особенно член. Она была прекрасна. Такая мягкая. Ее каштановые волосы переливались оттенками огненных и русых прядей, которые отражали солнечный свет и создавали иллюзию гребаного нимба. Вот только нигде, ни в одном древнем библейском манускрипте, у ангелов не было такого декольте, как у нее. Платье было предназначено для того, чтобы подчеркнуть ее полные, спелые груди в V-образном вырезе, а прозрачный материал бирюзового оттенка выгодно подчеркивал ее кожу. На ней была пара солнечных очков, но, даже не видя ее глаз, он понял, что она осматривалась по сторонам. Ее великолепные, полные губы были слегка приоткрыты в благоговении, когда она вбирала в себя открывшиеся ей достопримечательности. Ротик у нее выглядел маленьким. Ему, скорее всего, придется потрудиться, чтобы ввести в него свой член, но на ее лице будет то же выражение, как сейчас.

Талу пришлось одернуть себя. Что он делал? Здесь его невеста, а он реагировал на какую-то проститутку, которую привезли его братья. Сквозь него прошла волна ярости. Должно быть, это выходка Када. Рафику бы не пришлось в голову привезти с собой последнюю подружку, когда следовало оберегать их невесту. Ну конечно, его младший брат вышел из лимузина и тут же направился к брюнетке.

Его сердце ухнуло вниз. Бедная Пайпер. Неужели ей пришлось наблюдать за поведением Кадира на протяжении всего путешествия? Неужели таким образом его брат хотел показать ему, что он был недоволен выбором Тала?

— Я убью его.

Пайпер заслуживает лучшего, чем пренебрежение Када. Возможно, она не была самой красивой девушкой в мире, но она была милой и умной, и он с нетерпением ждал возможности заполучить ее в качестве своего компаньона. За последние несколько месяцев шейх сблизился с этой девушкой больше, чем с кем-либо за последние несколько лет. Он высоко ценил ее находчивость и мягкое сердце. Женщина Када была красива, но, вероятно, и

на половину не так умна, как Пайпер Глен. И даже если эта самка заставила его член затвердеть, Пайпер станет его женой. Их женой. Он никогда не позволит своему младшему брату снова ранить ее подобным образом.

— Вау, ничего себе. Хм, босс, ты сказал нам, она несколько невзрачна. Дружище, у нас с тобой разные понятия этого слова.

Дэйн покачал головой, когда Рафик присоединился к Кадиру. Раф, его бесконечно разумный брат, единственный, на кого он рассчитывал, подошел вплотную к сладкой малышке Када, и заключил ее в свои объятия. Он поцеловал ее, его губы слились с ней на мгновение и затем, улыбнувшись, он разорвал поцелуй. Раф махнул рукой, пока что-то ей говорил.

Тал точно знал, о чем рассказывал его брат. Он указывал на архитектуру королевской резиденции. Каждому посетителю он проводил подобную лекцию о мраморных скульптурах и арках, и об основании дворца, построенном в пятнадцатом столетии. Но сейчас он говорил с интимной улыбкой на лице, обнимая брюнетку руками. Раф не опозорил бы их суженую невесту. Рафик верил в традиции своей страны. Он всегда был осмотрительным. Значит... эта великолепная, сочная штучка была его Пайпер?

Позади него фыркнул Дэйн.

— Срань Господня, Тал. Если это и есть твоя заумная малышка, она вовсе не так скучна.

Талиб шагнул вперед, его сердце бешено колотилось. Не может быть. Он видел ее фотографии. Она была простушкой. Она должна занять его разум, не сердце. Осторожен. Он был так чертовски осторожен.

— Раф? — окликнул он своего, куда более разумного брата. — Поездка прошла хорошо?

"Представь же меня моей простой, но умной невесте. Скажи мне, что она смущена и до сих пор находится в лимузине".

Рука Када сжалась вокруг талии брюнетки:

— Талиб! Рад тебя видеть.

Он остановился на расстоянии нескольких шагов от нее.

— И я тебя, брат.

Младший был таким необузданным. Он любил Кадира. Любил, но беспокоился за него. Тем не менее, он не мог не заметить, как рука брата скользнула к руке брюнетки, и ее пальцы переплелись с его.

— Талиб, для меня наивысшее удовольствие представить тебе... — " Не говори, что это Пайпер. Только не говори... " — ... Пайпер Глен. Я так понимаю, что вы двое уже общались. Пайпер, хабибти, это наш брат, его Светлость и Королевское Высочество Шейх Безакистана, иначе известный, как Талиб аль Муссад.

Она высвободила руку и приподняла свои солнцезащитные очки. Ее голубые глаза расширились, и эта поистине великолепная грудь задрожала.

— Тал?

Твою. Мать. Блять. Нахер. Гребаный неудачник.

Он слышал ее голос лишь несколько раз, но тот отпечатался в его сознании. Этот мягкий, протяжный техасский голосок с намеком на ум и уязвимость.

Пайпер. Его Пайпер. Его чертова, блять, девственная невеста, которая должна была стать ему коллегой, и которая изредка волновала бы его член, и никогда — душу. Но теперь, все в нем перевернулось из-за ее красоты.

— Здравствуй, Пайпер. Да, я Шейх Талиб Аль Муссад. Или Тал, если тебе угодно.

Дело сделано. Ему пришлось представиться лично. Забавно. Он думал, это будет момент, преисполненный ликования, когда он раскроется ей и превзойдет все ее ожидания, а вместо этого он чувствовал себя почти смущенным. Но, конечно, он этого не показал. Его захватили ее голубые глаза.

— Талиб. Ну конечно. Какая же я дура, и, кажется, остаюсь такой на протяжении уже нескольких месяцев.

Она остановилась, ее плечи поникли:

— Или я ошибаюсь? Ты — мой Тал?

Момент, когда она подняла бы на него свои глаза, должен был стать особенным, но вместо этого она выглядела так, словно ее предали.

— Да. Я Тал, Пайпер. Как поживает твоя сестра?

Он знал о ней все. Знал о ее семье, и ее любви к Минди. Он уже позаботился об образовании девочки, хотя Пайпер не узнает об этом еще в течение нескольких дней. Он знал, в каких условиях выросла его невеста. Знал, что ей нравится, а что нет. Но до этого момента, он и понятия не имел, как ее пронзительный взгляд может проникнуть прямо в его душу. Он не знал, как запульсирует его член от одного лишь ее вида.

Ее лицо исказилось, словно от боли:

— Значит, ты — третий брат?

Почему внутри него всколыхнулось чувство вины?

— Да. Замечательно, встретиться с тобой лично. Я наслаждался нашими разговорами по интернету. И очень хочу продолжить наши дискуссии теперь, когда ты здесь.

Она отвела глаза, изучая окружающую ее местность. Девушка не отстранилась от его братьев, но он мог чувствовать ее смущение.

— Ты — шейх?

Ее голос звучал совершенно бесстрастно:

— И ты позволил мне думать, что являешься простым исследователем.

Он не мог позволить ей выиграть этот спор. Если он разрешит завладеть собой чувству вины, мисс Глен выйдет победительницей. Он не так намеревался начать их брак.

— Безакистан — моя страна. Я не лгал тебе, Пайпер. Я усердно работаю на благо своей родины. Этот проект очень много для меня значит.

— Конечно. Я бы хотела отправиться на свою квартиру. Когда ты хочешь провести презентацию? Мне нужно несколько часов, чтобы устроиться и привести все в порядок.

Она стала холодна и компетентна, и эта исходившая от нее возбуждающая женская энергия, мгновенно исчезла, оставив вместо себя мрачную женщину.

— Не беспокойся об этом сейчас, — сказал Кад.

— Тебе нужно отдохнуть, хабибти.

— Я покажу тебе комнаты. Не сердись на нас. Позволь пояснить эти вынужденные меры безопасности. Талиб не может запросто говорить каждому, кто он такой. И он действительно работает в должности, о которой тебе сказал. У него степень магистра в области экономики.

Раф сжал ее руки.

Она подняла глаза, вбирая в себя величие дворца:

— Я останусь здесь? Ну, конечно.

Ее голос сочился сарказмом, и она разозлилась. Полностью отгородилась от них.

— Теперь я бы хотела отдохнуть. Хочу подготовить свою презентацию. А что касается

того, что мы обсуждали в самолете... Это не сработает. Я не такая. Вам троем следует все переосмыслить, потому что, если существуют какие-либо другие причины моего присутствия здесь, не имеющие отношения к работе, мне следует прямо сейчас купить обратный билет на самолет и отправиться домой сразу же, после проведения презентации.

О, она была здесь для работы. Для самой важной работы, о какой он только мог думать. Пайпер была здесь, чтобы стать их женой, и чтобы спасти их трон. Не имело значения, как на нее реагировал его член. Он должен думать о короне. Девушка будет принадлежать им. Ее красота и врожденная чувственность дьявольски его возбуждали, но он разберется с этим позже.

Шейх поймал взгляд Халила, скрывавшегося за стенами дворца и пожиравшего Пайпер глазами. Именно поэтому ему не нужна женщина, на которую у него будет стояк. Одна лишь мысль о Халиле, смотрящего на нее, как на потенциальную возможность досадить ему, заставляла кипеть кровь. Будет достаточно трудно защитить ее с холодной головой, но что станет, если вмешаются эмоции? Он не должен допустить, чтобы она стала мишенью для повстанцев и соседствующих радикалов. Все ложилось на ее хрупкие плечи. Ему было необходимо жениться на ней, уложить в постель и сделать ей ребенка как можно быстрее. Шейх не намеревался причинять ей боль, но и не собирался ее отпускать.

— Пожалуйста, позволь мне показать тебе твои комнаты.

Возможно, пришло время пустить в ход все, что он знал о ней.

— Я приношу извинения за все недомолвки. Мне нужен был смысленный партнер в этом деле. Скажи честно, ты могла бы гарантировать, что говорила бы со мной так же открыто, если бы знала, кто я такой?

Ее глаза вспыхнули, но не стали встречаться с его:

— Вероятно, нет. Кажется, несколько раз я называла тебя идиотом.

Он коснулся пальцами ее подбородка, поворачивая ее лицо к себе:

— Мои расчеты были неверны, в отличие от твоих. И ты назвала меня тупоголовой обезьяной, потому что я был упрям, когда ты знала, что права.

Он тихо вздохнул, опустив голову, отмечая, как она все больше смягчается с каждым слоем вины, что он на нее накладывал.

— Я любил наши разговоры, Пайпер. Спроси любого во дворце. Я выкраивал время чтобы работать с тобой, и оно было священным для меня. Я покинул конференцию с премьер-министром Великобритании, потому что мы с тобой договорились о звонке.

Да, она была снова взволнована, чего он и добивался. И Раф был настоящим ублюдком, потому что, без сомнения, именно он одел ее подобным образом для такого случая. Яркий сарафан был прекрасен и скромнен, но Тал не мог не заметить, как вздымаются ее груди, и как на ее кожу ложится солнечный свет.

Раф упаковал ее, словно великолепную дичь, созревшую для того, чтобы ее подали к столу.

— Я могла бы подождать, — пробормотала она.

— Но я не мог.

Он опустил руку. Шейх был искренне удивлен, когда понял, что говорил чистую правду. Талиб помнил, как сидел, слушая премьер-министра, говорившего о крайне важных вопросах, и наблюдал за часами, отсчитывая секунды, когда сможет поговорить с ней и вновь услышать ее тягучий голос, так действующий на него. Он вздохнул.

— Это не имеет значения. Я признаю, что привез тебя сюда по эгоистичным причинам.

Я полагал, что могу подкупить тебя тем, что могу предложить. Я крайне ошибался.

Ее великолепная кожа вспыхнула, и он понял, что выиграл. Она просто смотрела на него, не в силах подобрать слова.

— Я оставлю вас, мисс Глен. Еще раз, прошу прощения за мой обман. Могу лишь оправдаться желанием начать наши отношения на равных правах. Пожалуйста, позвольте моим братьям показать комнаты, которые я для вас приготовил. Я оставлю эту тему на то время, пока мы ведем дела. Желаю хорошего отдыха и удовольствия от визита в мою страну.

На ее глаза навернулись слезы, но он не мог позволить себе на них отреагировать. Пора отступить и позволить чудесам дворца и ее собственному мягкому сердцу сделать свое дело. Шейх вежливо поклонился и, отвернувшись, зашагал прочь. Дэйн шел позади, а Лендон и Купер по обеим сторонам от него.

Бывший спезназовец хмурился:

— Это была самая грязная манипуляция, которую я когда-либо видел. Ты безжалостный сукин сын, Тал.

Он не остановился. Дэйн будет далеко не последним человеком, которого он разозлит. К тому времени, когда все это закончится, он может лишиться всего. Но он удержит свою корону. Во что бы то ни стало.

Три дня спустя, Пайпер вышла из конференц-зала, придерживая ноутбук... на сердце было тяжело. Двух дней совещаний оказалось достаточно, чтобы она поняла: ее мнение здесь воспринимали всерьез. Девушка встретилась с руководителями корпораций, государственными служащими, а также представителями исполнительного совета Механизма Чистого Развития, предусмотренного Киотским протоколом.

Тал был с ней на каждой встрече, уступив ей все полномочия и возможность говорить от имени своей страны. Кроме него присутствовал Гэвин Джеймс, знакомя ее со всеми в качестве официального представителя интересов и "Блэк Оук Ойл", и Безакистана. И Гэвин не скупился на похвалу в адрес Талиба Аль Муссада. Накануне вечером он пригласил Пайпер на ужин и поведал ей о семье шейха. Она не упустила из внимания, что он также говорил и о своей жизни, подчеркивая, как наслаждается счастьем обладать Ханной, разделяя ее со своими братьями. Скоро должен был появиться на свет их третий ребенок, и все три брата были охвачены глубоким волнением. Они любили свою жену. У них была удивительная жизнь, наполненная радостью и любовью.

Пайпер была рада за семью Джеймсов, но никак не могла взять в толк, с какой стати ее работодатель делился с ней столь личной информацией о своем браке. Должно быть он просто не понимал, что братья Аль Муссад всего лишь хотели разок с ней переспать.

Но Пандора ни с кем не делила свою постель, по крайней мере, пока. Этим вечером братья намеревались провести церемонию в знак заключения официального союза между "Блэк Оук Ойл" и Безакистаном, и тем самым, поприветствовать ее в своей стране. Раф, Кад и даже Тал, дали ей понять, что после всего, они с радостью согреют ее одинокую постель. До настоящего времени, она противостояла им. Но теперь... Пайпер вздохнула.

Что она делает? Неужели ей действительно так важно, что Талиб скрыл от нее свое полное имя?

Девушка вполне понимала истинные мотивы, которыми он руководствовался, и вовсе не пыталась таким образом выразить свое недовольство. Эта его уловка ранила ее больше, чем, как она полагала, было возможно, поэтому с момента приезда ей руководило довольно скептическое настроение. Ее начинали одолевать некие сомнения.

Если бы его настоящая личность оказалась другой, была бы она расстроена в той же степени? Может она использовала свой гнев, как оправдание тому, чтобы держать Тала на почтительном расстоянии, потому что чувствовала себя выбитой из колеи?

Пайпер поморщилась. Похоже на то. Вероятно, это несправедливо по отношению к нему. Да и к ней тоже.

Поездка в Безакистан, хоть отчасти, должна была стать для нее неким стимулом для того, чтобы открыть себя для новых впечатлений. Но первое, что она сделала, это полностью замкнулась в себе, когда ее охватил страх.

Пайпер со вздохом выглянула с балкона. Каждый новый поворот во дворце был настоящей неожиданностью. Она остановилась и окинула взглядом город. Пандора покинула свой привычный мир. Больше никаких маленьких городков или крошечных офисных «королевств». Ей были выделены собственные апартаменты...и довольно просторные. У нее была спальня, огромный кабинет для работы и помощник, который беспрерывно твердил о том, каким удивительным был Тал.

— Вы в порядке, мисс Глен?

Голос Талиба вырвал ее из раздумий. Она оглянулась на него.

Шейх выглядел совершенно упомрачительно в своем черном костюме. Единственное, что выбивалось из его образа безупречного джентльмена, это неровный шрам, начинавшийся под ухом и исчезающий за воротником рубашки, и этот темный голод, таившийся в его взгляде.

Она улыбнулась:

— Да, сэр. Я просто смотрела на проходящих мимо людей.

Он встал подле нее. Впервые за эти дни мужчина приблизился к ней сам, и все ее тело тут же напряглось.

Раф и Кад проводили с ней большую часть времени, но она не могла не чувствовать возникшую между ними дистанцию. Они были обходительны, но более сдержанны, чем прежде. Между ними повисло гнетущее напряжение, так как братья Аль Муссад действовали по принципу "овладей, или отступи". Принять одного — значило принять каждого из них, она отвергла шейха. С тех пор Пайпер была помещена в категорию "смотреть, но не трогать", и ее это ранило. Пандора не могла понять, почему Рафик и Кадир сделали исключение для Бритни из бухгалтерского отдела. Они взяли ее в свою постель без старшего брата. Хотя, может, Тал и не знал о ней. Или не желал эту женщину.

Но Пайпер по каким-то причинам понимала: он хотел именно ее. И все же, девушка не могла не чувствовать, что ею грубо манипулируют.

— Мои предки построили этот дворец, чтобы перебраться в центр города. Большая часть этого здания была реконструирована, но фундамент сохранился с пятнадцатого века.

На его мужественном лице мелькнуло довольное выражение.

— Безакистан не так велик, но мы противостояли захватчикам со времен гуннов и до Саддама Хуссейна. Мы делали это посредством эффективного использования природных ресурсов и мудрой тактики. Надеюсь, так будет и впредь. Я молюсь о том, чтобы мы обратили нашу страну в совершенно новый мир. Мы на краю бездны, Пайпер. Но мы в силах все изменить. Мы можем повести за собой весь мир. Только представь, страна, полностью зависящая от нефти, переходит на экологически чистые, возобновляемые источники энергии.

Она не могла сдержать улыбки, потому что он был действительно хорош в том, что касалось умения преподносить вещи в самом выгодном свете.

— Вы сделаете целое состояние на одних лишь патентах.

Он повернулся к ней с сияющей улыбкой:

— Вполне. Я намерен стать новатором, а не глупцом. Речь идет о больших деньгах, и я собираюсь обеспечить ими свой народ.

Он остановился, его лицо помрачнело:

— Пожалуйста, скажи мне, что ты придешь сегодня на банкет. Ты ведь знаешь, мы устраиваем его для тебя и твоей компании.

— Конечно, я приду.

Будучи здесь единственным представителем "Блэк Оук" в настоящее время, она не располагала особым выбором. В силу положения Ханна, Гэвин уже возвратился в Штаты.

— Раф и Кад уже потрудились над этим.

На самом деле, они не оставляли ее ни на минуту. Куда бы она ни пошла, один из них всегда оказывался рядом, чтобы сопроводить...и вновь вернуть ей чувство защищенности.

Девушка оглянулась, и, само собой, увидела Кадира, стоявшего у дверей, ведущих в западное крыло дворца. Он не делал попыток приблизиться, а просто послал ей до нелепости милую улыбку, которая заставила вскипеть кровь. До тех игр в самолете, где она была полностью обнаженной, Пайпер никогда до конца не понимала, что значила эта улыбка. Теперь она знала, какие игры были у него на уме, в самом грязном смысле этого слова. Однако в настоящий момент, он не собирался ничего предпринимать по этому поводу.

— Не сомневаюсь, что они пытались повлиять на тебя, Пайпер. Рафик и Кадир готовы убить за твою благосклонность. Лишь я один их сдерживаю. Мои братья ворчат каждый раз, когда я иду в свою комнату, потому что знают: если бы не я, они давно бы уже грели твою постель.

Она вспыхнула. Ей никак не удавалось привыкнуть к тому, как открыто они говорили об этом, тем более, что речь шла о сексе между более, чем двумя людьми. Буквально накануне Пандора встретила с их матерью, и прекрасная британка счастливо вздыхала, когда говорила о своих четырех супругах. Четырех.

Пайпер не могла понять, что делать с тремя мужчинами, не говоря уже о четверых. Может, они действовали по принципу командного чемпионата, как в реслинге?

— Не думаю, что они многое теряют из-за того, что не делят со мной постель. Я уверена, они уже сказали тебе, что я довольно неопытна.

— Они сказали, что ты прекрасна во время оргазма. Что ты была настолько горяча, что они подумали, что самолет может объять пламя. Они никогда не хотели так ни одну женщину, как тебя в ту ночь.

Его темные глаза не отрывались от ее. Из всех трех братьев он был самым ошеломляющим, самым притягательным. Кадир был тем, кто заставлял ее смеяться, воспринимать все менее серьезно... и вызывал у нее грязные мысли. Рафик, с его сексуальной изысканностью, был единственным, с кем она могла говорить о книгах, фильмах, обо всех достопримечательностях, которые хотела увидеть, а также об удовольствии, которое он стремился ей подарить.

А Тал? Талиб был загадкой. Он был ее страстью, но этот мужчина не столь романтичен. Тот Тал, которого она знала по сообщениям и разговорам в чате, часто поддразнивал ее, был игрив и очень умен, однако ей все равно удавалось выдерживать с ним споры.

Этот же Тал пугал ее, был умопомрачительно красив и слегка холоден с ней. Но она не могла перестать смотреть на него, гадая, какие мысли владеют им в данный момент. Он притягивал девушку, несмотря на все ее попытки держаться от него на расстоянии.

Шейх наклонился к ней и его лицо смягчилось, эта холодная резкость его красоты исчезла, и сейчас она видела в нем просто мужчину.

— Пайпер, у тебя ведь не осталось сердечных, романтических привязанностей к кому-нибудь в Америке, верно?

Она покачала головой. У нее было такое чувство, будто он уже это знал. Его пальцы прошли по ее лицу, скользя по коже и вызывая у нее дрожь.

— Тогда почему ты не хочешь попытаться выяснить, что может возникнуть между нами? Причина все еще во мне? Я знаю, тебе нравятся мои братья. Как я могу убедить тебя в том, что буду так же хорош?

Пайпер не знала, что сказать, поэтому, не говоря ни слова, она лишь прикусила свою губу. Он придвинулся ближе, вторгаясь в ее личное пространство, но она, казалось, была не в

состоянии пошевелиться. Шейх оказался так близко, что она могла чувствовать жар, исходивший от его кожи.

Пандора заставила себя сделать вдох. Это безумие. Она была девственницей. Не то чтобы это был исключительно ее выбор, но у нее никогда не было достаточно искренних чувств к мужчине, чтобы лечь с ним в постель. То же самое касалось ее жениха. Если и было что-то, что она осознала с того момента, как прибыла в Безакистан, так это то, что Пайпер никогда прежде не влюблялась. Девушка поняла это, когда в ее жизни появились братья Аль Муссад, потому что она была чертовски уверена в том, что начинала влюбляться в них.

— Я хочу поцеловать тебя, Пайпер. Не отказывай мне.

Он смотрел на ее губы подобно тому, как голодающий человек смотрит на созревший, искусительный плод.

— Но Кад...

Его младший брат стоял там, в ожидании. Это казалось таким неправильным.

— О, моя прекрасная Пайпер, ты так ничего и не поняла о нас.

Не отворачиваясь и не отрывая от нее своего темного взгляда, он обратился к брату, повысив голос.

— Кадир? Могу я поцеловать твою девушку?

До нее донесся сексуальный смех Када.

— Прощу тебя, брат. Поцелуй ее, как следует. Сделай ее нашей.

Талиб наклонился к ней, и его губы накрыли ее ротик. От первого же прикосновения ее кожа запылала, и она приоткрыла губы, чтобы вздохнуть, но он пресек этот маневр, ворвавшись языком внутрь. Все ее тело пронзило электрическим разрядом. Пайпер была больше не в силах беспокоиться о том, что подумают другие. Она подняла руки и схватилась за Тала, когда он притянул ее ближе, прижимая к своей груди. Ей придется поблагодарить Рафика за то, что он заставил ее надеть каблуки, иначе Талу пришлось бы согнуться практически вдвое. Даже несмотря на ее шпильки высотой в четыре с половиной дюйма, ему все равно приходилось наклоняться для того, чтобы завладеть ее губами. Он был самым высоким из братьев, а его тело — самым крупным, будто он был рожден для того, чтобы править.

Сквозь дорожную ткань его прекрасно сшитого костюма она могла чувствовать твердость его крепкого, мускулистого торса. Ее женская сущность таяла, желая слиться с ним еще ближе. Сдаться на его милость. Его пальцы запутались в ее волосах, высвобождая их из уложенного пучка, который она собрала этим утром. Он не кривил душой. Не играл с ней. Талиб потянул ее за волосы и подчинил себе ее рот. Она могла чувствовать жесткую длину его эрекции напротив своего живота. Ее грудь покалывала и налилась, словно стремясь к его прикосновениям. И девушка снова стала мокрой и готовой. С того момента, как она повстречала этих мужчин, это практически стало ее обычным состоянием. Окруженная ими каждый день Пайпер испытывала терзающую ее тоску по их телам, и совершенно не знала, как с этим бороться. Каждую ночь ее одинокая постель становилась обителью бессонницы и разочарования.

Тал подарил ей один последний поцелуй, и затем отпустил. Он глубоко вздохнул, прикасаясь к ее лбу своим. Его обычно твердый голос сейчас звучал с едва заметной дрожью.

— Пайпер, этот банкет многое значит для меня и моих братьев. Спасибо, что согласилась пойти.

— Не за что, — автоматически ответила она.

Ее голова все еще шла кругом от поцелуя Талиба.

— А потом... ты останешься с нами, Пайпер, чтобы выяснить, сможем ли мы сделать тебя счастливой? Я и мои братья нелегко вступаем в отношения, но мы непреодолимо хотим быть с тобой. Обещаю, мы будем относиться к тебе, как к королеве.

Девушка вплотную приблизилась к чему-то грандиозному в своей жизни. Кто знает, ее ожидает рай или полная катастрофа? Она не имела ни малейшего понятия. Но сможет ли Пандора жить дальше, так и не узнав, что именно сулила ей судьба?

Она всегда играла осторожностью. Всегда поступала правильно и ждала чего-то особенного. И если грядущее не было особенным, то она не имела ни малейшего понятия о том, что несло в себе это слово. Пайпер поняла, что для нее оно подразумевало полностью отдаться этим мужчинам, и никогда и подумать не могла, что настолько привяжется к ним, вспыхнет настоящим желанием. Но, как она и полагала, иногда жизнь преподносит сюрпризы.

— Да.

На его губах появилась медленная улыбка, и он потерся о ее носик своим:

— Я сделаю все, что в моих силах, чтобы ты никогда не пожалела об этом. Я буду с нетерпением ждать вечера.

Она сделала шаг назад и чуть не шлепнулась на задницу, покачнувшись на своих каблуках. Тал поймал ее в объятия, притягивая к себе и ставя на ноги.

— Спасибо, — задыхаясь, пролепетала она. — Похоже, Пандора снова в деле.

Он улыбнулся:

— Да, я слышан о ней. Думаю, это удачное прозвище. Ты определенно потрясла мой мир.

Казалось, он удовлетворился тем, что она прочно стояла на ногах, и теперь Кад подошел ближе, предлагая ей свою руку. Тал любезно передал девушку брату.

Кадир немедленно занял свое законное место.

— Слава богу, мы можем вернуться к поцелуям.

Он обнял ее рукой за талию и запечатлел на ее щеке скромный поцелуй.

— Я скучал по твоим поцелуям и объятиям. А теперь мне нужно отвести тебя к Рафу. Возможно, я пока не стану говорить ему, что наш вынужденный целибат только что закончился.

Тал остановился у двери, повернувшись к ней:

— И что бы ни случилось, Пайпер, знай, что я всегда буду заботиться о тебе.

* * *

Рафик смотрел, как Пайпер и Алиа удаляются с сотрудником спа-салона. Он бы предпочел пойти за ней следом и наблюдать за тем, как она предается неге и превращается в королеву, какой, как он знал, она может стать.

Пандора сказала "да". О, она не знала точно, что именно означало ее согласие, но именно таким образом и пленили невест в Безакистане. Да будь он проклят, но разве любые другие отношения не строились по тому же принципу? Когда кто-то начинал новые отношения, было невозможно сказать, чем все это закончится. Только на этот раз он был чертовски уверен в том, что это приведет к браку, и что он сможет сделать Пайпер счастливой. Раф сделает для этого все, что в его силах. Он повернулся и вышел из роскошного салона. Здесь обслуживали элиту Безакистана и богатых туристов, гостивших в стране.

Рафик кивнул парням из охраны, которые по очередности следовали за ним с тех пор, как он привел в спа-центр Пайпер и кухню. Трое остались внутри, а один последовал за Рафом, когда тот вышел на улицу. Обычно они оберегали все разом, но он не собирался оставлять Пайпер без защиты. Талиб настаивал на строгом соблюдении ее безопасности. Было невозможно не заметить, что шейха заботило благополучие Пайпер. Так или иначе, в его брате было нечто от параноика. Но его можно понять. После всего, через что прошел Тал, Раф удивлялся, как он вообще выходил в свет.

— Вижу, вы решительно настроены позаботиться об этой девушке по имени "Ваш Последний Шанс", — отчетливо раздался саркастический голос.

Раф вздохнул. Он намеревался сделать все необходимые приготовления для предстоящей ночи. И в его планы не входило иметь дело с Халилом.

— Кузен, — поприветствовал он его, и попытался идти своим путем дальше.

Халил вышел из магазина, в котором находился, и встал перед Рафом.

— Разве я не могу принести свои поздравления по случаю вашей помолвки?

Разговор с Халилом всегда напоминал некий танец, потому что в его словах неизменно присутствовал скрытый смысл. И Раф не удивился бы, если бы зачастую речь его кузена не таила в себе остроты смертельных кинжалов.

— Мы не помолвлены.

— Я не столь наивен, кузен. Девушка может и не догадывается, но мы оба знаем, что этот банкет представляет собой не просто повод отпраздновать деловые отношения или поприветствовать гостью. Подозреваю, на нем вы обменяетесь кое-какими тайными, священными словами, верно? Вы пытаетесь скрыть ее и вашу будущую помолвку от прессы?

Конечно, они намеревались держать прессу как можно дальше от всего этого. Было необходимо помочь Пайпер перейти к этой новой для нее роли. Дьявол, они должны найти способ объяснить ей ее новое положение, но братья все еще были напуганы вероятностью того, что она сбежит.

Рафа терзала совесть. Вопрос был не в том, будет ли она чувствовать себя преданной, а в том, насколько это ее заденет. Ведь они не хотели причинять ей боль. Конечно, они попросят ее стать их женой ... только позже, после нескольких недель более тесного знакомства друг с другом. Без вовлечения прессы Пайпер может и не узнать, что она в определенной степени была уже помолвлена с ними.

— Она просто гостья шейха, и ценна тем, что помогает ему с энергопроектом, который может стать великим благом для всей нашей нации.

Темные глаза Халила сузились:

— И ни один из вас с ней не спит?

Пока нет. Он мог ответить на этот вопрос, не кривя душой. Его ноющий член был прямым доказательством того, что он не трогал Пайпер.

— Хотя я признаю, что она довольно красива, мы не трахаемся. Ты, как и я, знаешь, что нам необходимо найти невесту, и мы ее отыщем. Мы прекрасно знаем, что наше время на исходе.

Лучше просто констатировать факты. Если Халил поймет, что он привирает, то станет еще хитрее. На лице кузена появилась хищная усмешка. Его фигуру можно было назвать худосочной, а под глазами виднелись темные круги, и от этого он выглядел старше своих сорока пяти лет.

— Да и парламент также осведомлен о том, что время истекает. Возможно, вы избавите

себя от этой проблемы, если вынесете на обсуждение вопрос о пересмотрении наших варварских законов.

И в ту же минуту слетятся все радикальные религиозные группы, пытаясь искоренить все, что делало Безакистан секулярной страной со свободной рыночной экономикой. Некоторые лоббисты захотят оспорить текущее распределение капитала, забирая у простых граждан, и набивая собственные, уже изобилующие сверх меры, карманы. А Халил попытается сделать то, что не смог его отец — захватить власть в свои руки тирана.

— Уже слишком поздно, поэтому будем действовать с тем, что имеем.

Теперь настало время для небольшого обмана.

— Кадир собирается поговорить с голландским послом о возможной встрече с их принцессой. Мы отнюдь не отвратительны. И мы, в конце концов, можем купить невесту, если наступит такая необходимость.

Халил лениво пожал плечами.

— Вероятно, так, и я даже могу представить, как Талиб идет на это. Он безжалостный ублюдок. Уверен, у него есть целый список, и он бы просто заказал по Интернету одну из кандидаток, если бы мог. Кадир же ищет очаровательную киску для регулярного секса. Но что до тебя, мой кузен, то тут все сложнее. Ты единственный, кто... как это говорят? Ах да, ты тот, кто думает сердцем, а не головой. Не такой умный, но верный. Думаешь, я не вижу, как ты смотришь на эту аппетитную американку?

Не успев подумать, он уже схватил кузена за рубашку и притянул к себе.

— Ты никогда не будешь говорить о ней в таком тоне. Ты будешь вежлив с ней, иначе у нас появится кое-какая проблема, между мной и тобой.

Голос Халила источал чистую угрозу:

— Да, теперь я вижу, что эта особая гостья так важна именно благодаря своим познаниям в области энергетики и экономики. Вы никогда не были столь глупы, чтобы жениться на ком-то исключительно из политических соображений, и американка стала бы самым неподходящим вариантом. Вы основательно все продумали.

Раф отпустил его. Блять, он совершил ужасную ошибку. Он потерял хладнокровие и выдал нечто действительно важное. Рафик сделал шаг назад, лихорадочно раздумывая и пытаясь найти выход из ловушки, которую Халил для него подготовил.

— Я не потерплю неуважения ни к одной женщине, особенно к той, что является нашей гостьей. Могу признаться, Пайпер действительно нравится мне. Мы обсуждали ее в качестве потенциальной невесты, если тебе так необходимо это знать. Но Талиб никогда не женится на простолюдинке. Так что я подумываю о том, чтобы сделать Пайпер своей любовницей. Если я окажусь вовлеченным в брак, которого не желаю, то буду искать любовь там, где смогу. Стану притворяться, что влюблен в свою невесту, но мое сердце будет принадлежать моей истинной возлюбленной.

— Как скажешь, Рафик.

Халил самодовольно улыбнулся:

— С нетерпением жду вечера. Я буду наблюдать.

Пайпер осмотрела банкетный зал. Огромное помещение полностью перевоплотилось из элегантного, сдержанного пространства в обитель роскоши и декадентства. Мерцающая, горели огни. Это место было необычайно изысканным. Аромат специй наполнил воздух, напоминая Пайпер о том, что она пропустила обед. Сюда же подали изумительные блюда, приготовленные исключительно для ее удовольствия.

Как только она подумала об этом, девушка осознала, что то же можно было сказать и о ней. Позже вечером, она будет так же преподнесена братьям Аль Муссад, только Пандора волновалась, что окажется не столь хороша для них. У нее дрожали руки. Она провела весь день в приготовлениях, и, если бы не знала истинных причин для всех этих спа-процедур, можно было бы подумать, что все это затеяно для банкета. Но Пайпер совсем не нужно было делать эпиляцию воском для того, чтобы беседовать с сановниками об экономике.

— Ты в порядке? — рядом с ней появилась Алия, одетая в длинное струящееся платье темно-синего цвета, драпировка которого прекрасно подчеркивала ее миниатюрную фигуру. Она была красавицей с золотистой кожей и глубокими карими глазами. Ее волосы роскошного шоколадного оттенка были пострижены в удлиненное каре и касались плеч. Она оказалась такой непохожей на женщин, которых Пайпер встречала прежде. Алия была доброй, но при этом довольно замкнутой. Теперь же, ее прекрасное личико смотрело на Пайпер с выражением недовольства.

— Я могу увести тебя отсюда. Ты вовсе не обязана здесь оставаться.

Сердце Пайпер пропустило удар. Алия вела себя так весь этот день, предлагая увести Пандору из страны всякий раз, когда та упоминала о своем доме или замечала что-то, столь непохожее на то, к чему она привыкла в Америке. Казалось, Алия искренне любила своих кузенов, но Пайпер не могла упустить из виду то, как решительно девушка пыталась отвадить ее от них.

— Я ведь сама решила сюда приехать. Это то, чего я хочу.

Глаза Алии расширились:

— Ты уверена?

Пайпер не хотела играть во все эти игры, которые, казалось, так увлекали других. Она предпочитала называть вещи своими именами.

— Я решила приехать в Безакистан, и останусь тут на некоторое время. Не знаю, почему я тебе не нравлюсь, но ты не права, если принимаешь меня за честолюбивую авантюристку. Тал и я разделяем страсть к нашему проекту, кроме того, мне бы хотелось узнать поближе Рафа и Када, — она почувствовала, что ее лицо запылало, и поспешила закончить, в надежде, что собеседница ничего не заметит. — Обещаю, они не пожалуют об этом.

Алия взглянула на банкетный зал, где собралась, по меньшей мере, сотня человек.

— Я знаю об их планах на тебя в эту ночь. Они тебя не достойны.

Пока шокированная Пайпер пыталась восстановить дыхание, Алия отвернулась, и, казалось, ее жесткая красота впервые смягчилась.

— Пайпер, я прошу прощения, если заставила тебя думать, что невзлюбила тебя. Последние несколько лет плохо сказались на моих манерах. Я стала замкнутой и циничной. Мне очень нравится проводить с тобой время, и я бы не хотела, чтобы ты пострадала.

Пайпер нахмурилась, в ее животе что-то сжалось:

— Думаешь, они могут причинить мне боль?

— Не физически. Они бы никогда не сделали этого, но, боюсь, наш мир чуть менее цивилизованный, чем твой, он полон интриг. И, возможно, ты слишком простодушна и честна для него.

— Слушай, я не намерена ввязываться в дворцовые интриги. Мне просто очень нравятся твои кузены.

"Возможно, я почти в них влюблена". Опасная мысль, но она не привыкла лгать самой себе. Пандора вспылала чувствами к троим, потому что каждый из них был неповторим в своем роде.

Потянув Пайпер за собой, Алия отступила в тень и понизила голос до шепота:

— Но если ты останешься, у тебя не будет ни единого шанса избежать политики. Мои кузены думают, что могут защитить тебя, но я живое доказательство обратного. И уж особенно Талу следует это понимать.

— Что ты имеешь в виду?

Нечто вроде отчаяния прозвучало в голосе Алии, что заставило Пайпер потянуться к ней и взять ее руку. Девушка замерла на мгновение, словно это прикосновение было нежеланным, но затем расслабилась и сплела их пальцы, даря им обоим этот сладкий момент сестринской близости.

— Может, они и не пожалеют об этом, но я волнуюсь за тебя. Ты хоть знаешь о том, что случилось с Талибом? Откуда у него этот шрам на шее?

Длинный зубчатый рубец белой призрачной линией начинался прямо под его ухом и исчезал за воротом его рубашки. Она жаждала проследить этот шрам до конца и услышать от него о том, как он появился. Сама Пандора предполагала, что он был следствием детской неуклюжести.

— Он был похищен радикалами, которые удерживали и пытали его на протяжении нескольких дней.

Пайпер забыла, как дышать:

— Пытали?

— Они удерживали его в каком-то амбаре за пределами страны. Рафу пришлось привезти несколько миллионов долларов. Он заплатил выкуп, но они пожелали большего. Хотели, чтобы мы заявили о недействительности нашей конституции. Рафик был вынужден отказаться. Они объявили дату казни моего кузена, и собирались заявить об этом публично по телевидению. К счастью, правительство США не было заинтересовано в том, чтобы наша страна перешла в руки радикалов. Команда морских пехотинцев отыскала и спасла Тала. Они потеряли несколько человек, и один из членов команды должен был тайком вернуть Тала в страну.

— Я и понятия не имела.

Она не была сильна в мировой политике. Пандора предпочитала оставаться в своем собственном укромном уголке. Через что пришлось пройти Талу? С какими ужасами он столкнулся?

Голос Алии упал до шепота:

— Я тоже была похищена.

— Теми же радикалами?

Она покачала головой:

— Работоторговцами, но у меня есть свои подозрения. Мои кузены полагают, что это

было совпадением, но я так не думаю. Меня заманили на место похищения запиской от посольства Безакистана. Мои кузены считают, что на моем месте мог оказаться кто угодно, и, хоть у меня и нет доказательств, но очень мало людей имеют доступ именно к этой канцелярии. Я не хочу углубляться в то, что произошло. Просто знай, что мои кузены не ограждены от политических махинаций и возможной угрозы. И люди, которые пожелают свергнуть эту страну, будут использовать любого, кто им дорог.

— Принцесса?

Глубокий голос прогрохотал в тишине, заставляя Алию подпрыгнуть:

— Дэйн. Ты напугал меня.

Она сделала глубокий вдох и выпрямилась во весь рост, упрямо вздернув подбородок:

— С каких это пор телохранители прерывают личные встречи членов королевской семьи?

Суровые синие глаза огромного телохранителя сузились. Несколько дней назад Талиб представил Дэйна Пайпер. Он был добродушен и вежлив, но сейчас выглядел угрожающе.

— С тех пор, как принцессы становятся неугомонны и угрожают планам своих кузенов.

— Не смей сомневаться в моей преданности этой семье или стране, солдат. Ты ничего не знаешь.

Алия повернулась и зашагала прочь. Казалось, Дэйн обессилел, его плечи опустились.

— Мисс Глен, я прошу прощения за эту сцену. Принцесса меня не любит. В действительности, она ладит лишь с Лэндоном. Мы с Купом в ее глазах дикари. Позвольте мне сопроводить вас, шейх требует вашего присутствия в главном зале. Он хочет, чтобы вы встретились с несколькими людьми.

Пайпер была потрясена беседой с Алией, но, как ни странно, ее решимость пойти этим вечером до конца лишь окрепла. Очевидно, у Талиба были свои причины держаться отчужденно. Он прошел через ад. И, при всем этом, оставался с ней нежным. Братьям приходилось нести на плечах большую тяжесть, чем она представляла, но они относились к ней с глубокой заботой. Эта мысль ее согревала. Но Алия ошибалась. Она недостаточно важна, чтобы быть втянутой в политические интриги. Эти отношения, которые лишь зарождаются между ними, не получают огласки. Она станет их "маленьким, грязным секретом". Но Пандора была готова пойти на это и рискнуть своим сердцем — за одну или несколько ночей с ними. Она шагнула вперед и взяла Дэйна под руку, позволяя ему вести ее по лестнице.

— Знаете, они хорошие люди, — произнес Дэйн.

Пайпер посмотрела на бывшего спецназовца:

— Я уже поняла это.

— Они сделают все возможное ради вашей безопасности. Как и я. После сегодняшнего вечера вы обретете высочайшую значимость.

Она вспыхнула. Неужели каждому было необходимо знать об их связи?

— Не знала об этом. Я не нуждаюсь в каком-либо дополнительном внимании к себе.

— Нравится вам это или нет, если вы пойдете на то, чего хочет шейх, вы станете необычайно важны.

— Возможно, на какое-то время.

— Навсегда, Пайпер. Надеюсь, я могу называть вас Пайпер. Просто знайте, что мы всегда будем рядом, чтобы позаботиться о вас, так же, как мы заботимся о чертовке-принцессе.

Пайпер вздохнула:

— Она не чертовка. Она через многое прошла.

— Мы все через многое прошли, Пайпер. То, как мы справляемся с пережитой болью, и определяет нас. Мы можем принять ее и позволить этому сделать нас лучше, или можем позволить ей разрушить наши души. Принцесса еще не решила, каким путем последует. Я не единственный человек, который может помочь ей, но она закрывается ото всех.

— Пайпер!

Голос Када разнесся над танцевальной площадкой. Его лицо просияло, когда он пересек комнату. Раф присоединился к нему, отделившись от толпы. Они прекрасно смотрелись в своих смокингах. Кадир был крепким и таким мускулистым, что она тихонько вздохнула. Рафик выглядел так, словно только что сошел с обложки журнала.

Губы Дэйна изогнулись в улыбке:

— Вижу, вы окажетесь в хороших руках. Просто помните, Пайпер, моя команда всегда рядом, чтобы помочь. Мы заботимся об этой семье.

Он отступил, когда Раф и Кад спустились и оба потянулись к ее рукам. Она еще не была частью этой семьи, но, даже на эту ночь, она чувствовала себя так, словно принадлежала ей. И это было чудесное чувство.

* * *

Талиб слегка повернулся, когда американский посол сказал что-то относительно торговых соглашений. Это было именно то, чему ему следовало уделить внимание, но как раз в этот момент Пайпер спустилась вниз, под руку с его телохранителем. Внутри него вспыхнула жестокая вспышка ревности. У него возникло внезапное, почти непреодолимое желание заехать кулаком Дэйну по морде. Его рука покоилась на ее руке, пока он вел ее вниз по ступенькам. Она была одета в белое платье, струящееся по ее изгибам и облегающее ее грудь, переливающаяся ткань которого выглядела почти прозрачной при определенном освещении.

Он собирался убить Рафа. Несомненно, это платье выбрал его средний брат, и теперь каждый самец в этом зале будет пялиться на грудь их невесты. Возможно, Рафику и нравилось обращаться с ней, как с куклой Барби, но после сегодняшнего вечера ей придется стать более благопристойной куколкой.

Братья встретили ее у подножия лестницы. Улыбка Пайпер, казалось, осветила всю комнату, а ее голубые глаза счастливо засверкали, когда она оказалась в центре их внимания. Талиб почувствовал, что его сердце почти замерло. Ее волосы ниспадали на плечи, а кожа сияла.

— Прощу меня извинить, господин посол.

Даже не оглянувшись, он пошел прочь от мужчины, но не к Пайпер. Ему нужно было побыть наедине с самим собой. Последние несколько дней прошли не так, как он планировал. Когда приехала Пайпер, он был уверен, что, увидев ее, удовлетворит свое любопытство и насладится несколькими интеллектуальными дискуссиями, а затем забудет о ней до того момента, как она станет их наложницей. И после этого он намеревался продолжить свою размеренную жизнь, не уделяя много времени на мысли о ней. Шейх прошел мимо толпы людей, нуждаясь в свежем воздухе. Все шло не так, как он планировал. Ему нельзя становиться одержимым Пайпер, или гореть от желания подмять под себя ее тело и трахать половину ночи напролет.

Но он больше не мог верить в самообман. Талиб провел последние шесть лет с

эмоциями, похороненными глубоко внутри, и сейчас, казалось, они возрождались к жизни. Из-за нее. Он распахнул французские двери, ведущие на балкон, и окинул взглядом сад, где они с братьями играли еще детьми, в то время, как их мать наблюдала за ними с нежной улыбкой. Теперь он был так далек от того ребенка, каким был раньше.

Краем глаза он заметил широкую фигуру Лэндона возле дверей, несущего безмолвный дозор. Такова была его настоящая жизнь. Постоянно под охраной. Как он мог думать о том, чтобы вовлечь Пайпер во все это? Если до его врагов когда-либо дойдут слухи о неожиданной глубине его желания к ней, они без колебаний используют это против него. Но у него не было выбора, и он знал это. Тал должен держаться от нее подальше, чтобы каждый, и даже Пайпер, считали его равнодушным. Он не собирался сводить на нет годы прогресса, из-за боязни разбить ей сердце. Ему необходимо ожесточить свое собственное. То, что он чувствовал, не было любовью, просто лишь обыкновенным влечением по отношению к женщине, на которой он собирался жениться, вкуче с обильной дозой похоти. Поимев ее один раз, он увидит, что она такая же, как любая другая, и сможет довольствоваться приятной дружбой с ней и оставить ее сердце своим братьям.

Шейх огляделся вокруг, понимая, каким же идиотом он был. В настоящее время Алиа отвлекла Халила, как и планировалось. Время настало. Он вытащил телефон и написал Рафу привести к нему Пайпер. Рафик знал, что делать.

Всего минутой спустя, дверь распахнулась и вошла Пайпер. Ее глаза расширились, когда она оглядела сад, который не был частью ее первой экскурсии. Это была частная территория дворца, соединенная с его комнатами. Пайпер были показаны маленькие гостевые комнаты, но после сегодняшнего мероприятия, она переедет в комнаты королевской семьи, роскошные апартаменты, достойные самой королевы. И он будет навещать ее так часто, пока не удостоверится, что его род не прервется. Во всем остальном, их жизни никак не будут пересекаться.

— Здесь так красиво, — сказала Пайпер, глядя на сад.

Серебристый лунный свет придавал пространству почти призрачный вид. Это она была невероятно красива. Как он мог считать ее обыкновенной? Талиб бросил лишь один единственный взгляд на фото в ее документах и решил, что она довольно приятна. В ее чертах не было ничего примечательного, но от нее буквально исходило сияние, и ее очарование заключалось в ее внутреннем мире и доброй натуре.

— Мы играли здесь, когда были детьми.

Раф, казалось, не обладал сдержанностью Тала. Он приобнял девушку и прижался грудью к ее спине, положив подбородок ей на плечо.

— Кад пытался взобраться по пальме из сада на балкон. Однажды он застрял там, и нашим отцам пришлось его спасать.

Пайпер отвернулась от него, но Талиб мог слышать в ее голосе улыбку:

— Мне странно слышать, когда вы говорите о своих четырех отцах.

— Они были великими мужчинами, и очень счастливыми. Мне их не хватает. Теперь их всех не стало. Нам не все сходило с рук, но они всегда о нас заботились. — он выдержал небольшую паузу. — И наша мать всегда знала, что она любима.

Его мать была дочерью английского аристократа. Лишь однажды увидев ее, его отцы поняли, что она будет принадлежать им. Они действительно ее похитили, тайно вывезя из страны, и это почти привело к международному скандалу, но к тому времени их этап с наложницей подошел к концу, и она осталась счастлива и довольна, и готова исполнять роль

милостивой королевы. Ему приходилось надеяться, что Раф и Кад сделают то же самое и с Пайпер.

Двери распахнулись вновь, и вошел Кадир с их секретными почетными гостями. Двое мужчин. Глава Конгресса и верховный судья страны. Присутствие обоих было необходимо для того, чтобы дать церемонии законную силу, но им обоим следовало быть довольно осмотрительными.

Пайпер подняла голову и отстранилась от Рафика, когда поняла, что они были не одни. Они делали то, что было необходимо. Если они посадят ее подле себя и попытаются объяснить все свои логические доводы, это займет слишком много времени. Ее природная осторожность одержала бы верх. И если девушка хоть на мгновение представит, что мир узнает об ее отношениях с тремя мужчинами, она, вероятно, сбежит. Пандора поначалу не сможет справиться с таким давлением, но, после того, как привыкнет и узнает, насколько хорошо ей может быть, она будет так же счастлива, как была их мать. Хотя Талиб не собирался становиться таким же, какими были его отцы.

— Шейх, это глубочайшая честь для меня исполнять свои обязанности в такой грандиозный день.

Судья пожал ему руку. Именно его отец женил родителей Талиба. Он говорил по-арабски, на языке, который свяжет Пайпер с ними через считанные минуты. Это был язык, который она не понимала ни в малейшей степени, что делало все намного проще, тем более что ее согласие не требовалось в течение тридцати дней. К тому времени они окружают ее удовольствием и роскошью, и наложница уже никогда их не покинет.

— Спасибо вам обоим за то, что пришли, и за вашу осторожность. Мои братья и я хотели бы держать все в секрете до настоящего дня свадьбы. Если пресса прознает о произошедшем, наша невеста может пострадать, а мы хотели бы этого избежать.

Он также ответил по-арабски. Премьер-министр кивнул.

— Мы все согласны. И, несмотря на то, что говорит Халил, она станет идеальной королевой. Я обнаружил, что она невероятно умна, и у нее приятные манеры. Ее можно обучить тому, как верно вести себя с прессой.

Чертов Халил. Он проклял тот день, когда его двоюродный брат был избран на пост в парламенте. С тех пор он стал занозой в заднице Тала.

— Его главный аргумент заключается в том, что она простолюдинка?

Талиб знал, что его истинным возражением было то, что она сохранит власть в руках Аль Муссадов. Но Халилу был необходим логичный аргумент, и поэтому он попытался его выдумать.

— Я полагаю, он расстроен из-за того, что она американка. Некоторые предполагают, что у этой нации слишком большое влияние на местных. Особенно в связи с вашим бизнесом с "Блэк Оук Ойл" — вы окружили себя американцами, Ваше Высочество.

Тал покачал головой:

— Американцы не раз прикрывали нам спину. Я не собираюсь позволить фанатизму моего кузена влиять на мою службу безопасности или выбор невесты. Что касается бизнеса с "Блэк Оук Ойл", никто не проявляет недовольства, когда приходят чеки.

В Безакистане были такие, кто жил за счет одних биржевых доходов. Так что это был спорный вопрос.

— Мы можем побыстрее закончить ритуал? Моя невеста заждалась брачной ночи.

Остальные мужчины рассмеялись, а премьер-министр кивнул.

Его член затвердел при мысли о Пайпер, обнаженной в его постели, открытой для его удовольствия. Не то, чтобы теперь он часто пребывал в другом настроении. С тех пор, как Пандора прибыла во дворец, Тал находился в состоянии постоянного возбуждения. Он оглянулся и обнаружил, что его братья смотрят на Пайпер с голодным блеском в глазах. Ей предстоит интересная ночь.

Он протянул руку, повелевая Пайпер выйти вперед. Оба его брата напряглись, хорошо понимая всю серьезность этого момента. Шейх перешел на английский.

— Пайпер, моя дорогая, подойди сюда. Я бы хотел, чтобы ты познакомилась с его честью, судьей Неджемом, и с премьер-министром Аль Фейдом, с которым ты уже встречалась.

Она широко улыбнулась ему, без малейшего намека на светское высокомерие.

— Приятно видеть вас снова, премьер-министр. Как и вас, Ваша честь.

Судья Неджем взял ее руку в обе свои, и его взгляд немного затуманился.

— Она напоминает мне о моей милой девочке, — сказал он по-арабски.

Кадир тут же вступил в разговор:

— К сожалению, хабибти, судья говорит только на арабском языке, но он тоже рад с тобой встретиться. Он говорит, что ты напоминаешь ему о дочери. Она пошла по стопам своего отца и стала юристом.

Пайпер покраснела:

— Пожалуйста, скажи ему, что это честь для меня.

Судья владел английским, достойным королевы Англии, с совершенным акцентом, но сейчас он лишь кивнул и сыграл свою роль. Тал держал руку Пайпер, пока судья Неджем говорил с его братьями, нараспев произнося древние слова, которые свяжут их вместе.

— Принцы пустыни, принимаете ли вы эту женщину в качестве вашей наложницы, с обещанием сделать ее вашей женой через тридцать дней, после которых она должна подарить вам свое согласие? Обещаете ли вы сотворить ее центром вашей вселенной, солнцем, согревающим вашу семью? Обещаете ли вы защищать ее и дарить ей счастье?

Кад шагнул вперед, положив руку на плечо Пайпер. Он торжественно ответил на родном языке:

— Клянусь.

Пандора огляделась, будто осознавая всю важность происходящего. Она нахмурилась, но промолчала.

— Клянусь, — повторил Раф, целуя ее в висок.

Все взгляды обратились на него. Его горло безотчетно сжалось.

Он еле выдавил:

— Клянусь.

Судья сжал ее ладонь:

— Так тому и быть. Вот ваша наложница. Так свяжите же ее с собой. Пусть она возжелает стать вашей женой. И через тридцать дней она даст мне ответ. Пусть удача сопутствует вам.

Он отпустил руку Пайпер и кивнул, после чего повернулся и вышел прочь.

— Хм, я его чем-то обидела? — спросила Пайпер.

Премьер-министр громко рассмеялся:

— Конечно, нет, дорогая. Он поприветствовал вас в Безакистане. Он был рад чести встретиться с вами. Желаю вам всего наилучшего. Ваше Высочество, пожалуйста, дайте мне

знать, если понадобится моя помощь.

Он ушел и оставил их наедине с их нареченной наложницей. Почти женой. По всем законам их страны, они сделали ее своей. Чтобы заботиться о ней. Чтобы защищать. И чтобы трахать ее.

За его спиной продолжался банкет, но Тал думал только об одном. Его член пульсировал в брюках.

— Они были так милы, — произнесла Пайпер, повернувшись к Каду. — Я голодна. Мы можем попробовать табули?

Братья вошли в зал, обсуждая предстоящий ужин. Пройдет еще несколько долгих часов, прежде чем они останутся наедине с их наложницей на всю ночь.

Пайпер всерьез задумалась о побеге. Она могла просто скинуть туфли от Живанши, на которых стоял Раф, и, не мешкая ни секунды, броситься в бегство.

Но куда она побежит? В свою паршивую квартиру? В свою одинокую жизнь?

Она стояла в дверях спальни Талиба, и все ее чувства были наэлектризованы. Сердце колотилось. Дыхание было неровным. Ее женская сущность пульсировала. Конец играм.

— Пайпер, пожалуйста, входи.

Тал стоял в коридоре, согревая девушку своей улыбкой и протянув ей руку в приглашающем жесте.

Она заставила свои ноги двигаться. Выпитое вино приятно согревало. Ей было двадцать пять лет, и она не могла представить, что будет дальше. Двадцать пять одиноких лет, без мужской плоти, прижатой к ее коже. Ночь, которую она провела с Рафом и Кадом, была одной из лучших в ее жизни. Пандора до сих пор могла чувствовать, как все ее тело было натянуто, словно струна, как кровь стучала в висках, напоминая ей о том, что она жива. Но ей хотелось большего.

К ее спине прижалась рука.

— Хабибти, ты не одна.

Спокойные нотки в голосе Када успокаивали ее, напоминая, что она не останется наедине с Талибом, который интриговал ее, но вместе с тем и пугал. Не потому, что она беспокоилась, что он может причинить ей боль, а потому, что он был настолько притягателен, что она боялась потерять свое сердце.

Кадир был другим. Кад на протяжении многих дней убеждал ее в том, что желает ее. Конечно, это был не долгий срок, но желание Када было настоящим, и ей становилось комфортно в его присутствии. То же самое было и с Рафом. Но она не была так уверена в Тале. Она знала, что нравится ему. Она знала, что он и его братья делились между собой. Но что, если он хотел заняться с ней любовью лишь потому, что ее желали Раф и Кад?

Сегодня все должно было быть просто, но все усложняла ее гордость.

Она почувствовала еще одну руку на своей талии. Раф.

— Пайпер, любимая, пожалуйста, пойдем с нами.

Как она могла отказать им? Они были такими нежными.

Раф провел много дней, пытаясь помочь ей избавиться от неловкости. Кад заставлял ее смеяться, даже когда она была так напряжена, что думала, что сломается. А Талиб был ее другом в течение нескольких месяцев, шутя об их исследованиях и заставляя ее чувствовать себя так, словно она могла внести в них нечто особенное. Даже на этой неделе он ссылаясь на ее мнение в неких экономических вопросах. Он бы запросто мог взять на себя ведущую роль на этих встречах, но он доверил это ей. Однако Пандора вовсе не была уверена, что он предоставит ей власть сегодня. Она лишилась на нее права в тот момент, когда сказала «да». И теперь, на всю эту ночь девушка принадлежала им.

Ее баюкали две пары рук. Рафик и Кадир. Они придавали ей сил.

— Тебе понравился банкет? — выдохнул Раф ей на ухо.

Она наслаждалась мероприятием каждую секунду. Это было за гранью всего того, что она когда-либо понимала и испытывала. Пайпер пробовала новые для себя лакомства, разговаривала с интересными людьми. Все происходящее было похоже на волшебную,

дикую поездку на ковре-самолете, и она была в восторге от каждого удивительного поворота.

— Да.

— А мне нет, — сказал Кад. — Я не мог дождаться того момента, когда, черт возьми, он закончится.

Талиб усмехнулся.

— Ты должна знать, что Кадир из нас самый нетерпеливый. Он сведет тебя с ума.

Она могла полюбить эту необузданную сторону Када. Тем более, вкупе с тем идеальным спокойствием, которым обладал Раф.

— Я смогу с ним справиться.

Она могла справиться с ними обоими, Кадом и Рафом. Ее улыбка погасла. Талиб — совсем другая история.

— О, конечно, сможешь.

Рокот голоса Када послал мурашки по ее коже. Он поднял руку и повернул к себе ее подбородок, глядя на девушку сверху-вниз.

— Ты выдержишь меня, хабибти.

Его губы коснулись ее рта. Волна жара пронзила все ее тело, заставляя сердце нестись вскачь. Это было то, чего она так долго ждала. Их сближение. Именно это она чувствовала, когда они дарили ей свои ласки. Пандора и не подозревала, насколько одинокой она была до того, как Раф и Кад привели ее в свой мир. Это чувство принадлежности усиливалось в тот момент, когда они прикасались к ней.

Каково это будет, ощутить на себе руки Талиба? Он был чрезвычайно осторожен, поцеловав ее в тот раз. Однако Пандора до сих пор не могла забыть их единственный поцелуй.

— Мне немного страшно.

Казалось, она была не в силах оторвать глаз от Тала. Он стоял там, и выглядел таким великолепным, но далеким. Шейх снял смокинг и галстук, обнажив длинную линию горла и ужасный шрам, о котором рассказывала Алия. В ворота его белоснежной рубашки показалась золотистая кожа. Тал сделал шаг к ней навстречу.

— Тебе нечего страшиться, Пайпер. У меня нет никакого желания причинить тебе настоящую боль. — легкая улыбка, изогнувшая губы, делала его похожим на грешного соблазнителя, — Лишь немного, чтобы усилить твое наслаждение. Мне нравится играть в игры, Пайпер. Ты понимаешь, что я имею в виду?

Она была чертовски уверена, что он говорил не об игре в шашки.

— Сексуальные игры?

У нее вырвался нервный смешок.

Приблизившись к ней, Талиб поднял руку и обхватил ладонью ее лицо. Теперь, ее касались все трое мужчин.

— Да, Пайпер. Я наслаждаюсь сексуальными играми. Секс ведь должен быть увлекательным, не так ли?

Верно. Но также он должен хоть что-то значить. Для нее этот акт был важен, и не только потому, что она с ума сходила от этих братьев. Это было доказательством того, что ее жизнь начиналась с чистого листа. Наконец-то. Минди была счастлива в школе, и теперь пришло время для того, чтобы начать жить по-настоящему, даже если после того, как все закончится, Пайпер останется с разбитым сердцем. По крайней мере, она испытает настоящие чувства и будет предельно честна, с ними и с самой собой относительно того, что

происходило между ними.

— Надеюсь, секс и правда увлекателен. Честно говоря, я знаю об этом совсем немного.

Она надеялась, что это прозвучало не слишком глупо. Глаза Талиба потеплели, в то время как его рука скользнула вниз по телу и его пальцы проследовали к ее груди. Прикосновение было легким и вызвало у нее дрожь. Уже сейчас она была накалена до предела.

— Да, мои братья упоминали о том, что ты девственница. В этом кроется причина твоего страха?

Порой чрезмерная открытость приносила боль...и мешала сосредоточиться. Они отвлекали ее: Раф уткнулся носом в ее ухо и провел по нему языком. Пайпер никогда не считала эту часть своего тела особенно чувствительной, но это прикосновение отдалось в самом центре ее женственности. В ее киске. Они были правы. Здесь не было места для глупых эвфемизмов. Язык Рафа проследил линию ее уха и послал искры возбуждения прямым к ее лону. Отбросив назад волосы Пандоры, Кад целовал заднюю часть ее шеи. Так чувственно. Игра его губ отдалась дрожью в позвоночнике.

Тал проследил пальцем вырез ее лифа. Выбранное Рафиком платье щедро выставляло на обозрение сочную плоть, и Талиб, казалось, намеревался исследовать ее всю.

— Пайпер? — Глубокий голос Тала вырвал ее из своих мыслей. — Милая, я задал тебе вопрос. Если не хочешь быть наказанной, ты должна ответить.

Пайпер сделала глубокий вдох. Он снова говорил об играх. Так о чем он там спрашивал? О причинах ее страха?

— Я обеспокоена тем, что не смогу вам угодить.

Ведь девушка почти ничего не знала об этом. В тот вечер, что она провела с Рафом и Кадом, именно они пытались доставить ей удовольствие. Она хотела научиться, хотела стать чем-то большим, чем просто куклой, которую они разделят между собой.

Рот Тала был сжат в чувственную линию с едва заметным намеком на горящее в нем желание, что придавало ему почти безжалостное выражение.

— Ты хочешь угодить мне?

Она хотела угодить им всем. Наслаждение, романтика, секс — до этого момента ее жизнь была лишена всего этого.

— Да.

— Хочешь угодить шейху?

Пайпер почувствовала подвох в этом вопросе, но не знала точно, какой. Она ответила со всей искренностью, на какую была способна.

— Я хочу угодить Талу.

Ее другу. Ее тайной страсти. Она знала, что в действительности тот никогда не существовал. Это был лишь фасад для защиты главы правящей династии, но она лелеяла о нем глупые девичьи мечты в течение нескольких месяцев.

Его взгляд стал почти печальным.

— Милая Пайпер, это одно и то же.

Мужчина сделал шаг назад, на ходу расстегивая оставшиеся пуговицы на рубашке. Он сбросил ее, когда проходил мимо арочных дверей, ведущих в жилую зону его апартаментов. Ей не доводилось прежде бывать у этой великолепно декорированной части комнат. Там была личная территория Талиба, которой отводилось целое крыло дворца. Девушка не видела его спальню ближе, чем с балкона, и никогда — изнутри. Спальня шейха выходила в

огромный, залитый солнцем сад.

Раф провел для нее экскурсию и рассказал о том, что, когда он и его братья появились на свет, каждого из них вынесли на балкон и представили огромной толпе ликующих граждан. Пандора же была обычной девушкой из пыльного городка в Западном Техасе. В момент ее рождения ее могли представить разве что стаду парнокопытных.

Ей непривычно было стоять босыми ногами на прохладном мраморном полу.

— Все хорошо, Пайпер, — успокоил ее Раф.

— Мы позаботимся о тебе.

— Не бойся, — Кад обнял ее сзади.

— Преподнесите ее мне. — скомандовал Талиб своим братьям и скрылся за аркой.

Она сжала свои губы, пытаясь сдержать вздох. В животе образовался узел. Преподнести ее?

Рафик встал перед ней так, что она оказалась окруженной средним и младшим братом.

— Позволь нам показать нашему шейху, как ты прекрасна.

— Он будет без ума от тебя, хабибти.

Эрекция Када касалась ее попки, — Доверься нам.

Она доверяла им. От них Пайпер не получала ничего, кроме доброты. Порой она не понимала местные обычаи, но теперь они стали ей очень дороги. Пандора влюбилась в них. Было глупо себя обманывать. Возможно, у нее есть лишь эти несколько украденных дней, или, по крайней мере, месяц, прежде, чем она возвратится домой, а они вернутся к своей королевской власти. Поэтому Пайпер Глен не собиралась отступать перед собственным страхом.

— Просто скажите, что мне следует делать.

Раф коснулся ее носа своим.

— Будь такой же прекрасной, как и всегда, любимая.

— Следуй нашим указаниям. Шейх падет к твоим ногам в мгновение ока.

Кад взял ее за руку и повел по коридору. Девушка последовала за ними, сердце колотилось в груди. Для нее не существовало пути назад. Она зашла слишком далеко, но ей нужно узнать, к чему все это приведет.

Ее сердце уже норовило вырваться из груди, когда она, наконец, вошла в комнату. И вид постели отнюдь не подействовал на нее успокаивающе. Это был изумительный уголок дворца. С высокими потолками и колоннами, эта "спальня" была больше, чем весь дом ее родителей. Огромная постель с балдахином занимала большую часть пространства. Плавно спадающие портьеры были закреплены к столбикам кровати, а само ложе было наверняка выполнено на заказ, учитывая его невероятные размеры. Здесь, безусловно, помести три-четыре, а то и пять человек.

Слева от кровати располагалась зона отдыха. Комната была освещена мягким светом свечей. По одну сторону был установлен небольшой шведский стол, располагая всем, что могло им понадобится для романтического вечера. Не взирая на восхитительную обстановку помещения, истинной причиной того, из-за чего у нее перехватило дыхание, был человек, сидящий на шезлонге.

Талиб Аль Муссад, шейх Безакистана, возлежал на широком, обитом мягкой тканью шезлонге. Он сбросил всю сковывающую его одежду, и теперь его тело было представлено во всем своем великолепии. Мужчина поднял взгляд, когда в комнату вошла наложница, и его глаза сузились. Он был крупнее, чем его братья, каждый дюйм его золотистого тела был

мускулист и упруг.

Пандора заметила его эрекцию и попыталась отвести взгляд. Это было слишком сокровенно.

— Нет, — жестко скомандовал Раф. — Не отворачивайся. Посмотри на его член. Он готов для тебя, так же, как мой и Када. Ты — та женщина, которой нам будет достаточно. Никогда не думай о себе меньшего.

Она сглотнула и заставила себя поднять глаза. Пайпер больше не девочка. И уже очень давно. В ту минуту, когда она взяла на себя ответственность за свою сестру, она оставила девичество позади и стала женщиной. Секс еще не делал из девочки женщину. Ответственность, преданность, жертвенность — вот ключевые понятия взросления. Ей уже довелось пройти через все это, и она, черт возьми, справилась. Раф был прав. Пандора была в достаточной мере женщиной для них троих, поэтому наложница смело взглянула на шейха.

Он был великолепным хищником, каждая линия его тела обладала изящной резкостью. И он, очевидно, был ею заинтересован. Если Пайпер и волновалась о том, что он был здесь только ради братьев, теперь его эрекция развеяла все ее сомнения. Его член стоял прямо вверх, толстый и длинный, головкой почти касаясь пупка.

— Я надеюсь, тебе нравится то, что ты видишь. Мои братья правы. Это для тебя.

Он обхватил ладонью свою плоть, поглаживая себя по всей длине. Член Тала увеличился и стал еще толще прямо на глазах.

— А теперь покажите то, что принадлежит мне.

Наложница едва успела пошевелиться, когда почувствовала чью-то руку на молнии своего платья. Кад поддержал ее, иначе она бы просто упала. Он помог ей выпрямиться, держа ее за руку.

— Не бойся. Давай покажем тебя ему. Такова традиция.

— Традиции предписывают вам выставлять братьям на показ обнаженных женщин?

Иногда она не понимала здешние обычаи. Ей вдруг подумалось о том, сколько же чепухи пришлось им выдумать для того, чтобы склонить ее к тем вещам, на которые, в противном случае, она никогда бы не решилась.

Кад медленно потянул молнию платья вниз, с каждым дюймом приближая тот момент, когда они с Рафиком оставят ее без одежды.

— Да, именно так. Когда братья берут наложницу, младшие преподносят ее старшему. Она — дар, который им предстоит разделить.

— Наложница.

Пандора знала это слово. Возлюбленная. Любовница. Оно казалось намного серьезнее чем подружка или девушка для перепихона.

— Да, на данный момент, — сказал Раф. — Расслабься и позволь нам показать тебя. Мы думаем, что ты необычайно красива, Пайпер. Позволь нам разделить это восхитительное зрелище с Талибом.

Когда Кад полностью расстегнул молнию, бретельки ее платья соскользнули с плеч. Неожиданно, она почувствовала благодарность за все спа-процедуры. Ее кожу отшлифовали до состояния свежего сияния и позаботились о тех досадных лишних волосках на бровях. Визажисты также избавили ее от каждого волоска на задней стороне шеи. Конечно, тогда она пищала от боли, зато теперь могла стоять тут с некой долей уверенности.

Когда лиф ее платья оказался стянут вниз, у нее задрожали руки.

— Это ты выбирал для нее одежду, Раф?

Голос Тала стал глубже, чем раньше, и он не отрывал от нее своего взгляда. Его рука продолжала двигаться вверх и вниз по члену в медленном, сексуальном ритме.

— Это платье от "Марчеза". Мне нравится, как белый цвет подсвечивает ее кожу. Поначалу она волновалась о глубоком декольте, но оно выгодно подчеркивает ее прекрасную грудь.

Ему было известно, что Пандора беспокоилась по поводу платья? Оно было гораздо сексуальнее всего, что она когда-либо надевала.

— Она выглядела сногшибательно. Но каждый мужчина в комнате пялился на ее грудь.

Выпрямившись, Талиб нахмурился, в его глазах читалось обвинение. Рафик усмехнулся, целуя ее в изгиб плеча.

— Возможно, но они не прикасались к ней. Они могут смотреть на нашу прекрасную наложницу, сколько им угодно, и лишь мечтать о том, чтобы оказаться с ней в постели.

— Но если только они ее коснутся ... что ж, для этого случая у нас также есть традиции, — пообещал Кад.

Пайпер была чертовски уверена, что они ей точно не понравятся. Они наверняка включали в себя кровопролитие.

— Покажите мне корсет, — приказал Тал.

Дизайн платья не позволял надеть традиционный бюстгальтер. Девушка была стянута белым атласным и шелковым корсетом, который приподнимал ее грудь, словно спелые плоды, выставленные на продажу.

— В выборе белья я стремился к совершенству.

Раф стащил платье с ее бедер, и Кад отбросил его прочь.

— "Ла Перла". Думаю, ты согласишься с тем, что она выглядит просто восхитительно.

Пайпер оказалась наполовину обнаженной. На самом деле, даже больше, чем наполовину. Она осталась в своем корсете, крошечных белоснежных стрингах и белых туфлях на шпильках, которые визуально удлиняли ее ноги.

Пандора ахнула, когда рука Рафа обхватила ее зад и его пальцы щелкнули по коже резинкой стрингов. Тал возвышался над ней, осматривая наложницу сверху вниз.

— Она сверкает, словно жемчужина. Ты должен следить за тем, как она одевается, брат. Но мне нужно увидеть больше. Покажите мне ее грудь.

Она чувствовала себя пойманной. Захваченной в плен рук Рафа и Када. Плененной для того порочного обещания, что горело в глазах Тала.

Холодный воздух коснулся ее кожи, заставляя ее соски напрячься еще до того, как Кадир и Рафик принялись расстегивать корсет. В считанные секунды они избавились от него, и она осталась лишь в стрингах и туфлях. Пайпер закусил нижнюю губу, пытаясь удержаться от того, чтобы прикрыться руками.

Взгляд Тала замер на ее сосках. Он не пытался приблизиться, просто поглаживал свой твердый член и смотрел.

— Они прекрасны. Как и ты сама. Приподнимите их для меня.

Кад вздохнул у нее за спиной, и его руки заскользили по ее талии. Крупные ладони обхватили ее грудь и приподняли вверх. Его большие пальцы щелкнули по соскам, заставляя девушку дрожать в его хватке.

Пайпер затаила дыхание, сдерживая зародившийся в горле стон.

— У нее великолепная грудь, и такая чувствительная, — Кадир дополнил свои слова тем, что сжал ее плоть, наблюдая за тем, как сосочки становятся еще крепче, — Видишь. Ее

реакция восхитительна.

Тал сел и наклонился ближе, слегка коснувшись пальцами ее сосков.

— Скажи мне кое-что, красавица. Мои братья играли с твоей грудью?

— Да, — выдохнула она с полустоном.

Ее касались две пары рук. Пока Кад сжимал ее грудь, пальцы Тала продолжал играть с ее невероятно чувствительными сосками. Сначала он слегка погладил их, а затем поймал между большими и указательными пальцами, немного покручивая.

— Тебе понравилось? Тебе понравилось, когда мои братья лизали и сосали твои соски?

Она задрожала, и ее пронзила головокружительная, ноющая боль. Смущение быстро потонуло в море желаний. Ее должно было рассердить то, что ее выставили напоказ, но теперь подобная демонстрация не казалась ей неправильной. На самом деле, этот голод в глазах Талиба заставлял ее верить в то, что все было так, как и должно быть.

— Мне понравились их прикосновения.

Раф стоял позади Тала, глядя на нее с улыбкой на лице.

— У нашей прелестной наложницы есть кое-какие проблемы с откровенными словечками, брат.

Пальцы шейха сжались, заставляя ее вновь застонать.

— До сих пор? Скажи мне, что они делали с твоей грудью, Пайпер. И с твоей киской. Кстати, я хочу ее увидеть. Полагаю, что, мои братья приготовили из тебя своего рода угощение. И я, вероятно, должен его отведать.

В ту секунду, как Талиб отступил, Кадир стянул с ее бедер стринги, и, лишившись его прикосновения, она почувствовала холод. Кад придержал ее за руку, когда она вышагнула из упавших на пол трусиков, и Тал глубоко вдохнул. Он улыбнулся хищно и опасно. Наложница больше не чувствовала холода. От жара, пылающего в его глазах, она задрожала и налилась желанием.

— Раф, ты позаботился и об этом. Ее киска просто прекрасна. Раздвинь ножки, Пайпер. Я уже почти вижу, как эти губки покрываются соком. Я хочу смотреть на них, пока ты будешь рассказывать мне сказку.

Они ожидали, что она будет говорить? Пандора была благодарна уже за то, что была в состоянии держаться на ногах.

Тал подошел ближе и навис над ней с терпеливым выражением лица.

— Нам нужно кое-что прояснить. Когда мы находимся в спальне, ты должна соблюдать мои правила. Я не причиню тебе боль, но непременно отшлепаю эту великолепную попку, если ты не подчинишься. Доставь мне удовольствие. Я люблю устраивать хорошую порку.

— Это правда, — подтвердил Кад. Его рука скользнула по ее заду и сжала ягодицу. — Ему бы понравилось сделать эту попку сладко розовой. И он сделает так, что тебе это тоже понравится. Прежде, чем мы закончим с тобой, ты полюбишь много вещей, о которых сейчас можешь только мечтать. Нам придется связать тебя и завязать глаза, чтобы ты могла сосредоточиться на прикосновениях наших языков и членов. И мы заставим нашу наложницу полюбить то чувство, когда будем брать ее все одновременно. Но не сегодня. Сегодня все будет нежно. Не искушай зверя Тала. Дай ему то, что он хочет. Расскажи о той ночи, что мы провели вместе.

Порка и связывание? К слову, она не могла сказать, что была напугана этой мыслью, но определенно оказалась обескуражена. Ей просто нужно пройти через свой первый раз.

И прямо сейчас, Тал хотел, чтобы она говорила.

— Все будет в порядке.

Ее успокоил мягкий голос Рафа. Он подмигнул ей, снял свою рубашку и затем принялся стягивать с себя брюки.

— Я помогу тебе. Мы были в самолете, и Пайпер поцеловала меня. Мне нравится, как ты целуешься.

У нее вырвался очередной нервный смешок.

— Не думаю, что была очень хороша в этом.

— Что ж, позволь мне тебе напомнить.

Раф подошел к ней, взял ее лицо в ладони и запрокинул ее голову назад. Его губы опустились на ее ротик. Это было сладкое слияние плоти, пославшее жар через все тело Пандоры. Она расслабилась, почти одурманенная тем приступом желания, которого он так от нее ждал.

— Я тоже тебе напомню.

Кад выхватил ее из рук брата и обрушил на нее свой поцелуй. Как и всегда, поцелуй Кадира был диким. Там, где Рафик был неторопливым и чувственным, Кад стремительно вторгался, посылая испепеляющий жар по ее венам. Кад притянул ее тело вплотную к своему, и его эрекция уткнулась ей в живот.

— Расскажи моему брату, как мы целовали тебя той ночью.

— Страстно, — выдохнула она. — Это был самый эротичный опыт в моей жизни.

Хотя она была чертовски уверена, что сегодняшняя ночь превзойдет и его. Сегодня, Пайпер наконец познает страсть в полном смысле этого слова.

— Теперь расскажи ему, куда мы тебя целовали.

Кад коснулся пальцем ее губ и послал ей распутную улыбку.

— В губы, — девушка наблюдала за тем, как пальцы Када скользнули по ее телу к ее соскам. — Мою грудь и соски. Мне понравилось.

На самом деле, у нее была фантазия о том, как они двое ласкают ее грудь, в то время, как Тал ласкает ее киску.

Пальцы Кадира двинулись дальше, на этот раз нырнув между ее интимных складочек и скользнув по клитору раз, другой, пока у нее не перехватило дыхание.

— Раф целовал меня здесь, — пролепетала она. Жесткий щипок клитора заставил ее ахнуть. — Мою киску. Он целовал мою киску.

Тал прервал их, указывая Каду отойти.

— Я уверен, что Раф не просто целовал твою киску. Уверен, он проглотил ее, как самый спелый плод. А сейчас ложись на шезлонг и раздвинь для меня ноги. Настал мой черед отведать эту восхитительную плоть, по которой так сходят с ума мои братья.

Прежде, чем наложница успела возразить, Раф поднял ее, подхватив под колени и прижав к своей груди.

— Я бы не хотел, чтобы ты упала, хабибти.

Он пересек комнату и опустил девушку на шезлонг. Ощущение бархата на обнаженной коже заставило ее почувствовать себя сладострастницей.

— Раздвинь ноги, Пайпер.

Талиб стоял у края шезлонга, над ней нависло его крупное тело.

— Сделай это, — вторил Рафик команде брата, опустившись на колени подле нее. — Он будет настаивать на том, чтобы исследовать твою киску. До тех пор, он не сделает ни шага. Давай посмотрим, смогу ли я хоть отчасти побороть твою застенчивость.

Он сомкнул губы на ее левом соске и всосал вершинку глубоко в рот. Кад находился по другую сторону от наложницы, уже полностью обнаженный. Он также опустился на пол и взял в рот другой ее сосок.

Когда она посмотрела на их темные головы, склоненные над ее грудью, ее затопило желание. Посасывая и облизывая ее чувствительные пики, они вместе скользнули руками к коленям девушки и нежно развели ее ножки, открывая ее киску для шейха.

У нее не было времени, чтобы почувствовать ошеломление и смущение. Она была слишком занята, извиваясь под их умелыми ласками. Для Пайпер это был предел мечтаний.

Талиб сделал глубокий вдох.

— Она очень восприимчива. В ней нет ничего холодного. Как вышло, что ты так долго оставалась девственницей, Пайпер? Ты очень чувствительна.

Сейчас Пандора именно такой себя и чувствовала. Она была безудержна, извиваясь и желая гораздо большего. Наложница хотела, чтобы Тал прикоснулся к ней. Девушка хотела, чтобы каждый из мужчин заполнил ее удовольствием, и чтобы она могла ответить им тем же.

— У меня не было времени. И единственный мужчина, который, как я думала, желал меня, в действительности не испытывал ко мне влечения. Я ждала год, но он просто сказал, что я не сексуальна.

Тал опустился на колени, наклонился к шезлонгу и разместил свое лицо у ее киски.

— Этот мужчина был идиотом. Он и понятия не имеет о том, что потерял. И что приобрели мы. Скажи мне, Пайпер. Тебе понравилось то, как мой брат вкушал твою киску?

Мысль об этом до сих пор вызывала у нее слабость в коленях, и сейчас ее омыла новая волна возбуждения, от которой ее плоть покрылась собственными соками. Казалось, Талиб и его братья были зачарованы этим. Его пальцы играли со складками ее лона, слегка надавливая. Но этого было недостаточно.

— Я была без ума от этого. Пожалуйста, прикоснись ко мне, Тал. Дай мне больше.

— Хорошо. Но ты должна быть неподвижна, моя наложница. Пришло наше время.

— Я тоже хочу научиться.

Она не хотела лежать неподвижно.

— Я хочу узнать, как доставить мужчине удовольствие.

В ее киску проник один палец, медленно вторгаясь внутрь.

— Ты хочешь, чтобы я научил тебя трахаться, чтобы ты могла доставить удовольствие другому мужчине?

Она покачала головой, сотрясаясь от незнакомых, восхитительных ощущений, заставляющих ее плоть конвульсивно сжиматься.

— Я хочу знать, как доставить удовольствие тебе. Каждому из вас.

— Так лучше. Думаю, ты узнаешь, что в нашей постели ни один из нас не пожелает слышать о других мужчинах. Пайпер, я понимаю, что эти отношения кажутся тебе странными, но ты должна понимать, что, пока мы разделяем тебя друг с другом, мы никогда не допустим присутствия другого соперника. Мне не понравилось даже то, что они просто смотрели на тебя этим вечером.

Раф снова взял в рот ее сосок, прежде, чем звуки его голоса защекотали ее чувствительную кожу: — Он абсолютный собственник, Пайпер. Просто чудовищный.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Словно ты лучше, — усмехнулся Кад.

На лице Рафа появилась дерзкая улыбка.

- Вероятно, нет, — Рафик вновь повернулся к ней. — Ты научишься иметь с ним дело. С каждым из нас. А теперь перестань ерзать. Позже, мы обещаем научить тебя тому, как доставить нам удовольствие. Но сегодня, чтобы порадовать нас, ты должна подчиниться.

Подчиниться? Она хотела двигаться, целовать их, исследовать руками их темную, шелковую кожу и чувствовать жар и твердость их членов.

Наложница со стоном потянулась к Каду и обратила умоляющий взгляд на Рафа.

— Успокойся, — рука Кадира опустилась на ее живот, повелевая оставаться на месте. — Позволь нам даровать тебе наслаждение. Позже, я научу тебя тому, как именно ты можешь доставить удовольствие мне. Как я люблю, чтобы сосали мой член. Но перед этим, мне хочется вновь увидеть, как ты кончишь.

Она пыталась. Пайпер действительно пыталась оставаться неподвижной и позволить им действовать так, как они хотят. Кадир и Рафик наклонились, чтобы вновь заняться ее грудью; по ее коже разлился чувственный восторг, посылая разряды возбуждения прямо в киску, где, с хищным ликованием, уже наготове ждал Талиб. Он был порочен, одновременно дразня и лаская, его прикосновения обжигали, но совсем не так, как ей то было необходимо. Вместо этого, он поступал именно так, как грозился. Шейх исследовал ее, проводя рукой по недавно проэпилированной коже, восхваляя ее мягкость. Он раздвинул ее складочки, а затем наклонился и легко поцеловал в клитор. Его палец дразнил девушку, когда он игриво надавил и, вращая, ввел его в ее лоно. Одной лишь этой стимуляции было достаточно для того, чтобы она потеряла рассудок, но оргазм никак не наступал. Все ее тело обуяло желание и ноющая потребность того, чтобы его палец скользнул еще глубже, двигался еще быстрее.

Наложница приподняла бедра, стремясь к тому, чтобы палец Талиба погрузился глубже.

— Братья, остановитесь, — Тал встал с шезлонга. — Переверните ее. Попкой вверх. Ей необходимо научиться дисциплине.

Пайпер оказалась на четвереньках раньше, чем успела сделать вздох. После этого, она и вовсе не могла дышать. Ее терзало ожидание, и Пандора чувствовала себя невероятно уязвимой. Мужчины поглощали ее взглядами, девушка знала это. Она пыталась вдохнуть, но тщетно.

— Что?

— Тише, — проворковал Кад. — Ты не подчинилась, и поэтому получишь кое-какой урок. Тал, я думаю, на этот раз мы должны быть с ней не слишком суровы.

— Какая неожиданность, — парировал Тал. — Уверен, Раф тоже согласен.

Рафик лишь усмехнулся на реплику старшего.

— Думаю, мы должны дать ей то, что она хочет. Она хотела научиться. Это будет эротический урок на тему того, как дарить и получать. Кад, ложись перед ней. Дай ей свой член.

Кадир скользнул на шезлонг перед ее лицом. Его массивный возбужденный член поднялся. Он был так близко, что она могла чувствовать жар, исходивший от его кожи. Капля жемчужной жидкости лишь начала просачиваться на его кончике.

— Это семенная жидкость, хабибти. Ты никогда не пробовала ее раньше, не так ли?

Наложница покачала головой.

— Нет.

Она никогда не пробовала мужчину прежде, и никогда не стояла обнаженной попкой кверху.

— Ты хочешь, чтобы я его поцеловала?

Однажды, она мельком видела видео-ролик, в котором женщина сосала член мужчины. Ее жених быстро выключил его и сделал вид, что не смотрел ни один из тех порнографических фильмов, который заставил бы всех старых склочниц города расточать наставительные речи о блуде и грехе. Но в то короткое мгновение Пайпер видела, как женщина водила губами вверх и вниз по члену своего любовника, пока мужчина стонал в чистом экстазе. Она хотела подарить этот экстаз Каду.

— Ты доставишь Кадиру удовольствие и научишься повиноваться своим Повелителям. Вот кем мы становимся в спальне, моя наложница. Мы — твои Повелители. За пределами спальни, относись к нам с почтением, но у тебя всегда есть право на свое решение. Не знаю, как бы я вытерпел все эти совещания, если бы ты не заводила со мной спор, по крайней мере, трижды за раз, — произнес Тал.

— Я не хотела спорить.

Девушка ахнула, когда шейх слегка погладил ее клитор кончиком пальца и вновь отстранился. Пандора издала разочарованный вздох.

— Ты просто чертовски много понимаешь не так, как следует.

Громкий шлепок сотряс воздух, после чего попку Пайпер опалило огнем. На ее коже вспыхнул ожог, а из нее вырвался крик. Девушку охватило пламенем, но каждая часть ее тела прониклась чувственным обещанием. Удар был довольно болезненным, но почему ее киска ныла не от боли?

- Да, это именно то, что я имею в виду, милая. Я совсем не хочу, чтобы ты считала необходимым слушаться меня в зале заседаний. Я бы предпочел, чтобы твой исключительный ум держал меня в узде. Но здесь, ты будешь послушной наложницей, рука Тала опустилась на другую ее ягодицу, и на этот раз жар просочился быстрее, — А теперь будь умницей. Ты усвоишь свой урок, пока будешь доставлять наслаждение Каду.

Кадир улыбнулся ей, обхватив свой член рукой.

— Пожалуйста, будь осторожна, хабибти. Я не хочу, чтобы мне пришлось рассказывать нашему врачу об источнике каких-либо прискорбных травм. Он помнит меня еще с пеленок, и у нас запланирован с ним ужин через несколько дней. Давай не допустим того, чтобы его последним воспоминанием обо мне стала корректирующая пластика моего пениса.

Вот так запросто, он заставил ее смеяться, и ее тревога рассеялась. Тал снова шлепнул Пандору по попке, опустив на каждую ее ягодицу по одному шлепку, и затем провел по девичьей горячей коже своей широкой ладонью. Пайпер могла справиться с поркой. На самом деле, ей это даже начинало нравиться. Ее киска была невероятно возбуждена, а кожа стала сверхчувствительной.

— Я буду осторожна.

— Оближи головку.

Его голос стал гортанным, а член, обхваченный его рукой, был прямо перед ней.

Очередной шлепок заставил наложницу придвинуться ближе к Кадиру. Ей удалось остаться на коленях и сделать так, как велел Кад. Она высунула язык и коснулась им выпуклой головки, слизав каплю жемчужной жидкости. Соленая. У Када был смешанный, дикий вкус, который сразу ей понравился. Следуя своим инстинктам, она осторожно всосала головку в рот. Пайпер позволила своему языку исследовать края и выпуклости вершины, и затем она опустилась ниже. Бархатистая плоть наполнила ее рот, и она изогнулась, чтобы оказаться еще ближе к Каду... и попытаться облегчить напряжение, растущее в ее лоне.

Пайпер почувствовала дуновение воздуха перед тем, как Тал шлепнул ее еще раз, и заставила себя остаться неподвижной. Дисциплина. Вот, что он имел в виду. Это должно было заставить ее сосредоточиться. На своем теле. На ощущениях. Это был сознательный выбор, принимать удовольствие и дарить его. Отдаться их умелым рукам и поверить в то, что они знали лучшие способы наслаждаться взаимным удовольствием.

Наложница нашла верный ритм, двигаясь и извиваясь всем своим телом, попавшим в их плен. Она играла с членом Када во рту, наслаждаясь предоставленной ей свободой в своих исследованиях. Ей нравился его вкус и тот чистый мужской запах, который он источал. Девушка обожала эти поощрительные звуки удовольствия, которые он издавал, когда толкался в ее рот и обратно. Однако ею стремительно овладевало пристрастие к этим ощущениям рук на своей попке. Пылающее тепло просачивалось в нее, с каждым ударом руки Тала заставляя ее плоть сначала кричать, а затем петь.

— Талиб. Прошу тебя.

В голосе Када слышалось отчаяние. Она почувствовала, как рука Тала замерла на ее ягодице.

— Ее попка очаровательно порозовела. Да, думаю, мы можем закончить. Научите ее тому, что она должна знать

Руки Кадира погрузились в ее волосы.

— Мне нужно трахнуть твой ротик, хабибти. Я так близко. Ты просто превосходна. Просто соси меня.

Следуя его команде, Пайпер начала сосать сильнее. У нее уже болела челюсть, но она не собиралась сдаваться этому дискомфорту. Наложница хотела быть той, кто подарит ему наслаждение. Она хотела заставить его чувствовать себя так восхитительно, что он будет стремиться к ней снова и снова. Пайпер прошлась языком по головке его члена и попыталась вздохнуть, когда он начал проталкиваться все глубже и глубже в ее рот.

— Дыши через нос.

Она почувствовала на своей спине руку. "Раф", — подумала она. Они все наблюдали за ней.

— Сосредоточься на Каде. Я хочу немного поиграть. Ничего, близкого к порке. Не ради дисциплины, а чтобы подготовить тебя.

Кадир подстроился под ритм, глубоко и плавно толкаясь в ее горло.

Пайпер вновь почувствовала на себе руку, на этот раз, разделяющую ее ягодицы. Холодная жидкость капнула на запретную плоть, и Пандора задрожала от новых ощущений.

— Видишь, так не годится. Раф, ты должен подготовить ее, — прорычал Тал, раздвигая ее ягодицы шире.

Они пялились туда, пока она принимала в рот член их брата? Когда Пайпер Глен решила лишиться девственности, она, очевидно, потеряла свой долбаный рассудок. И теперь, ей оставалось лишь отдаться этой восхитительной, сводящей с ума волне.

Неожиданно, к ее анусу прижался палец, вращаясь и изгибаясь, словно уговаривая ее открыться. А мужская плоть у нее во рту набухла, еще больше отвердев. Кадир громко и низко застонал, когда его член дернулся на ее языке, на который хлынул соленый сок, отвлекая ее от неизведанных ощущений в попке, пока она глотала. Медленно, его член обмяк у нее во рту, как и его руки в ее волосах.

— Просто восхитительно. Ты была хороша, Пайпер. Тебе не нужны уроки. Тебе просто нужны мужчины, которые позаботятся о тебе.

Он аккуратно вынул из ее ротика свой член. Кадир скользнул вниз, прикоснувшись к ней губами в легком поцелуе.

— Я так благодарен тебе...

Пайпер задыхалась из-за ощущения чего-то жесткого, упирающегося ей в попку. Оно вращалось и поворачивалось у ее плоти в поисках входа.

— Что это?

Кад вздохнул с истинным удовольствием.

— Это небольшая анальная пробка.

— Не думаю, что мне нужна пробка. Там все прекрасно работает.

Они засмеялись, произнеся что-то по-арабски, после чего Тал приблизился и встал перед ней.

— Как, по-твоему, ты собираешься принять всех нас одновременно, Пайпер?

— Как в командном чемпионстве. Разве это не работает?

Она вздрогнула, когда Раф нажал на пробку, проталкивая ее глубже с каждым легким толчком. Это не было болью, но отнюдь и не чистым удовольствием. Это была странная смесь наполненности и давления, с удовольствием, смешанным с дискомфортом, отчего ей хотелось поерзать, чтобы усилить эти ощущения, сделать их лучше. Сделать хоть что-то. Но она сдерживалась, потому что хотела угодить своим Повелителям.

Талиб обхватил ее подбородок своей рукой и поднял лицо Пайпер вверх, соблазнительно сверкая глазами. Она никогда прежде не видела его таким молодым и беззаботным. На его лице сияла улыбка чистого блаженства.

— Командном чемпионстве?

Она была в восторге от того, что вернула ему веселое настроение. Ему нужен был кто-то, чтобы поддразнивать его и возвращать к реальности.

— Как в борьбе. Если вы не видели прежде, мы можем посмотреть ее вместе. Вы познакомили меня со своей культурой. Что ж, пришло время рассказать вам о моей. Возможно, нам следует сесть и посмотреть весь сезон реалити-шоу "Острова Реднека".

Он озадаченно нахмурился, а затем разразился смехом. Ее окатило волной заразительного веселья шейха, и она подумала о том, что все это, включая порку, стоило того, потому что она никогда не видела Тала таким счастливым.

— Я посмотрю это шоу ради тебя. Позже. А сейчас, ты должна понять, что скоро мы возьмем тебя по-своему. Трое сразу. Один в киске. Другой в попке. А третий насладится сладостью твоего рта. Но сегодня, мы будем нежными. Постарайся не вытолкнуть пробку.

Раф помог ей перевернуться на спину. Девушке пришлось сжать мышцы, чтобы удержать игрушку внутри. Несмотря на опасения, Пайпер не могла отрицать того, что мысль о том, как они одновременно овладеют ей, глубоко ее заинтриговала. Их образ, в один момент заполняющих ее и доставляющих ей наслаждение, усугубила ее чувственную боль и заставила застонать от вожделения.

— Не здесь. Я хочу взять тебя в постели, Тал наклонился и поднял ее на руки, прижимая к своей широкой груди, — Это постель, на которой наши отцы впервые взяли нашу мать. Где зародилась наша семья. Никогда не допускай мысли о том, что нам нет до тебя дела, Пайпер. Для нас это священнодействие.

То, что они отнеслись к ее первому разу с таким почтением, вызвало слезы у нее на глазах, когда шейх опустил Пандору на постель. Для нее все происходящее тоже было священным. Она так долго ждала этого, поэтому теперь, наконец, была счастлива.

К ним присоединились Рафик и Кадир. Раф расположился позади нее, приподняв наложницу и прижавшись грудью к ее спине.

— Я счастлив от того, что разделяю с тобой этот момент, — произнес Раф ей на ушко.

Ее переполняли эмоции. Она тоже была счастлива.

* * *

Тал посмотрел на женщину в его постели. Его наложница. Его невеста. И вскоре, его жена. Он ожидал, что захочет ее. Он предвкушал восторг от их соединения. Но шейх не ожидал, что будет нуждаться в ней с каждым своим вдохом и с каждым ударом своего сердца.

Блять, у него тряслись руки. Что, черт возьми, с ним творилось? Ему нельзя хотеть ее настолько сильно. Она не должна была пробуждать его душу к жизни. Талиб смеялся над ее неопытностью и чувствовал такое умиротворение, которого не испытывал уже много лет. Его член был таким твердым, как никогда прежде до того момента, когда он узрел ее красоту во всем своем великолепии. Его гребаное сердце вернулось к жизни. Тал думал, что давно лишился его.

Теперь, когда шейх смотрел на свою наложницу, лежащую на постели, в которой он был зачат, то задумался о своей собственной семье. До этого момента, подобная перспектива казалась ему весьма отдаленной от реальности. Дети были тем, о чем он задумывался довольно редко. Но теперь он не мог отогнать от себя мысли о них. Он мог зачать ребенка с Пайпер. Этой ночью. И хотя она вполне могла прийти в ярость, он, мать вашу, пойдет на это, потому что не намеревался ее отпускать. Тал мог подарить ей самую лучшую жизнь, однако он не мог позволить ей уйти. Его член пульсировал. Она была распростерта перед ним, бережно преподнесенная ему младшими братьями.

Она принадлежала им. Их наложница. Их королева. Так почему же он колебался? Потому что его сердце ныло, когда он смотрел на нее. Потому что для нее он хотел быть лучшим мужчиной. Того человека, которого она могла бы полюбить, уже давно не существовало. Он погиб в амбаре, заваленном мусором и пропахшим мочой, когда прежний Талиб аль Муссад сломался под пытками. Новый Талиб был достаточно безжалостен для того, чтобы украсть ее девственность и надеяться поселить свое семя в ее утробе. Она никогда не узнает, что заставила его жаждать вновь стать тем человеком, которым он был прежде.

Шейх коснулся щеки Пандоры, ее кожа была такой мягкой под его пальцами. Каждый дюйм ее тела был совершенством, от великолепных, шелковистых каштановых волос, до дерзкой груди с темными сосками и ее миниатюрных ножек. Ее киска была идеально гладкой, раскрывая пышную, женскую плоть и розовую жемчужину клитора.

Он ни черта не мог с собой поделаться. Ему было необходимо взять ее, забрать ее девственность, но сперва он жаждал испробовать ее сладость.

Талиб встал на колени и опустил голову. Запах ее возбуждения поразил его насквозь, заставляя член дернуться и изойтись ноющей болью. Она пахла дьявольски хорошо,пряно и женственно. Ни один мужчина прежде не разводил эти шелковистые бедра и не брал это тугое лоно. При мысли о том, что он будет первым, шейх возбудился так, как не должен был. Если у него есть хоть капля здравого смысла, он должен позволить Рафу лишиться ее невинности. Традиция требовала, чтобы именно он был первым, но это действие подразумевало глубокую ответственность. Тем не менее, дикой частью самого себя Тал знал, что не позволит сделать это братьям. От самой этой мысли ему хотелось зарычать и оторвать

брату голову. Он мог поделиться, да. Традиция допускала это. Но именно он будет первым у нее.

Талиб вдохнул, позволяя ее запаху заполнить свои легкие. Пайпер принадлежала ему, была его нареченной. Он с благоговением лизнул ее киску, собирая сладкие сливки и всасывая влагу языком. Такая сочная. Она была сладкой, сочной, и невероятно отзывчивой.

Ее легкий вздох пришелся прямо на его член. Мужчина прошелся языком вдоль ее лона, наслаждаясь тем, как вокруг него пульсировала ее влажность. Когда он проглотил ее сладость, она просочилась в него словно наркотик, разливаясь по венам.

Пандора была чистой и невинной. Хотя он наслаждался мыслью о том, что ее девственная плева была нетронута, более ценным было для него то, насколько чистой она оставалось душой. Наложница дарила им всю себя, не прося ничего взамен.

— Тал! Это изумительно, — выдохнула она, запуская свои пальцы в его волосы.

Каждое ее слово потрясло его. Он мог подарить ей наслаждение. Он мог сделать ее великой королевой. Она станет той, кем должна. Вне всяких сомнений. Разве их союз мог стать еще более совершенным?

Шейх тщательно исследовал ее языком. Каждая изящная складочка была восхитительна, нежна, упруга и отзывчива. Она превзошла все, о чем он мог мечтать.

— Тебе нравится, как Тал ласкает твою киску? — поинтересовался Раф.

Талиб поднял глаза и увидел, что брат играет с ее сосками. Те стали розовато-коричневыми под его пальцами. Жажимы для сосков. Он хотел увидеть ее в зажимах, оттягивающих эти вершинки весом драгоценных камней, которыми он их украсит.

Шейх владел наложницей, чтобы трахать ее, осыпать роскошью и любить.

Не любить. Нет. Любить он не мог. Все, что он любит, может быть отнято и сломлено, уничтожено. А она не заслуживала подобного обращения.

— Я схожу с ума от этих ласк. Но не могу насытиться. Прошу тебя, не останавливайся. Я не переживу, если ты остановишься.

Пайпер извивалась под ним. Он трахал языком ее девственную киску; каждый дюйм ее кожи был сплошным удовольствием, которым вскоре завладеет его член. Он поглощал ее лоно, задерживаясь на чувствительных точках и облизывая их со сладким восторгом.

Наконец, Тал подобрался к ее клитору, маленькой жемчужине, выпирающей и молящей о внимании. Он всосал его в рот, упиваясь тем, как содрогнулось ее тело, и стоном, что донесся до него.

— Подари ему себя, Пайпер. — прошептал Кадир в тишине.

Его братья отвлекали на себя ее внимание. Рафик удерживал девушку, лаская соски, а Кад опустил руку на ее живот. Это была его семья. Эта ночь послужит началом всего, что ожидало их в будущем. Аль Муссад падут, или же возвысятся от своего пристрастия к телу этой женщины.

Шейх всосал ее клитор, облизывая языком маленькую горошину. Его пальцы играли с ее киской, упиваясь тем, какой тесной она была. Ее упругие мышцы сжались вокруг его пальца. Боже, он погибнет, когда окажется внутри нее. Мужчина снова и снова сосал этот маленький комочек плоти, пока наложница не задрожала и не оросила его пальцы свежей влагой своего возбуждения. Пайпер корчилась под его ртом, крича и сотрясаясь всем телом, покрывая его язык свидетельством своего желания. Кончая, она хватала ртом воздух и стонала, выдыхая его имя.

С тяжелым разрывающим грудь дыханием, Талиб подтянулся вверх. Он не мог больше

ждать ни мгновения. Его член нестерпимо болел. Он нуждался в ней. И к черту то, чего требовал его гребаный рассудок. Разум больше не управлял им. Его член требовал своего, а именно — взять ее. Взять Пайпер Глен и сделать ее Пайпер Аль Муссад. Королевой, и его женой.

Шейх развел ее колени, пока Раф нежно целовал девушку, а Кад склонил голову к ее груди. Его братья любили эту женщину. Это было кристально понятно. Он же не мог любить Пайпер. Просто не мог. Но Тал со всей страстью, горевшей в его теле, соединит ее с ними. И он будет защищать ее любой ценой.

Талиб раздвинул ее ноги своими бедрами, открывая себе путь к ее сердцевине. Его член пристроился к ее киске, мужественное к женственному, темное к светлому. Головка его члена расположилась у ее узкой киски, словно отыскав свое истинное место. Каждый мускул в его теле был напряжен. Он никогда прежде не брал девственниц. Ему следует быть осторожнее. Он должен быть достаточно терпелив, чтобы ей понравилось. От этого зависела его жизнь, и жизнь его братьев. Их счастье.

Сдерживая свои темные инстинкты, он аккуратно толкался вперед, медленно проникая в ее тугое лоно, которое до сих пор было распухшим от оргазма, поэтому каждый ее дюйм оказывал на его плоть восхитительное давление. Она сжалась вокруг него, обхватив ногами с обеих сторон.

— Ты прекрасна. Скажи, что тебе сейчас не больно.

Ему была невыносима эта мысль. Он хотел, чтобы ей понравилось то, как он овладевал ее телом. Пандора покачала головой. Девушка прижалась к его шее, обхватив ее руками и пытаясь притянуть мужчину ближе.

— Пожалуйста, Тал. Прошу тебя. Ты так сильно мне нужен.

Он двинулся вперед и почувствовал преграду. Ее девственность. Боже, вот оно, доказательство того, что ни один мужчина не брал ее прежде. Ни один мужчина не вкушал ее сладость, не коснулся ее невинности. Шейх замер, захваченный этим моментом. Она будет принадлежать ему. Ему и его братьям. Пайпер не была женщиной, предназначенной для игр. Она станет их женой, и эта мысль задела внутри него таившуюся нежность. С глубоким стоном наслаждения он двинулся вперед и погрузился глубже, забирая ее девственность одним продолжительным толчком своего члена.

Судорожно втянув в себя воздух, Пайпер напряглась и вскрикнула на один тревожный миг. Тал до конца врезался в нее своей плотью, наслаждаясь ощущением прижатой к нему упругой груди. Они подошли друг другу, словно кусочки паззла. Талиб замер, давая ей время приспособиться к своему жесткому присутствию внутри нее.

— Скажи мне, ты в порядке, хабибти?

Ее дыхание обдавало жаром его кожу.

— Думаю, да. Мне не слишком больно. Я чувствую такую наполненность.

На него нахлынуло облегчение. Он прилагал дьявольски усилия, чтобы не причинить ей боль. Тал знал, что все планы, которые он столь расчетливо претворял в жизнь, были безжалостны, но, в то же время, шейх стремился ее защитить. Искупать ее в удовольствии. Оргазмы, что они ей подарили, смягчили удар от потери девственности, и он был благодарен за это.

Но ничто не могло смягчить того, как она сжималась вокруг его плоти. Стенки ее киски беспощадно охватывали, крепко обнимая и окружая его своим жаром и скользкой влагой. Пандора была такой чертовски тугой, и пробка в ее попке лишь увеличивала ее натуральную

тесноту. Однажды, она будет полностью заполнена всеми ими. Однажды, она будет окружена их детьми. Мужчина прекрасно осознавал тот факт, что не надел презерватив. Такое было впервые. За всю его жизнь.

Он знал, что она сейчас была слишком далека от реальности, чтобы осознать это. Ему следовало защитить ее, но он не сделал этого, потому что безумно сильно ее хотел. Талиб отчаянно хотел привязать ее к себе. Она была его будущим. Его надеждой.

Если наложница забеременеет, то не сможет сбежать и отвергнуть ту связь, что возникла между ними. Она будет принадлежать им навечно, и он сделает жизнь их супруги достойной. Пайпер пока не знала этого, но он был убежден, что их брак уже никогда не будет расторгнут. Тал немного отстранился, сотрясаясь от охвативших его ощущений. Он должен сохранять хладнокровие и не терять голову. Шейх заставил себя замедлиться, несмотря на то, что все, чего он хотел, было трахать ее как животное, которым он, в сущности, и являлся, под всем этим внешним лоском изысканных костюмов и безупречных манер. Он жаждал дать себе волю, но, вместо этого, ему удалось найти ровный ритм, чтобы доставить ей наслаждение.

— Лучше?

Она расслаблено откинулась на грудь Рафа, который выглядел совершенно довольным, держа ее и что-то шепча на ухо.

— Намного лучше. Все прекрасно, Тал.

Талиб приподнялся на руках, меняя свое положение так, чтобы Кадир мог беспрепятственно играть с ее грудью. Они все были частью этого. Она должна была понять, что у нее было три повелителя, три мужа, от которых она зависела. Двое из них раскроют для нее свои сердца и отдадут ей все, без остатка. Тал подарит ей целый мир, но у него не было сердца, поэтому отдавать ему нечего.

Шейх не стал сейчас об этом задумываться. Все, что имело значение, это закрепить их брак и убедиться в том, что она согласится остаться здесь по истечению тридцати дней. У них был месяц на то, чтобы сделать ее настолько счастливой, что она не захочет покинуть их страну. Четыре коротких недели, чтобы погрузить ее в удовольствие и молиться о том, что она простит их, когда, наконец, узнает о том, что они сделали. Так мало времени, чтобы заставить ее полюбить их.

Тал вонзился в тесное лоно, пытающееся удержать его в своей глубине. Он возвал к своему самообладанию и замедлился, переходя на размеренные, плавные толчки, которые приближали его все ближе и ближе к раю. Трахать Пайпер было не похоже ни на что, что он испытывал прежде. До его похищения, секс всегда был для него увлекательной игрой, а затем просто потребностью, которую он удовлетворял с женщинами, не желавшими от него ничего, кроме денег и тех преимуществ, о которых они могли только мечтать.

Пайпер не хотела ни того, ни другого. Она хотела большего. Что, черт возьми, он делает? Это было неправильно. Он должен остановиться. Но пути назад уже не было.

— Помоги мне, брат.

Команда вырвалась из него с низким рычанием. Все его тело было готово к оргазму. Но сперва, он должен был позаботиться об удовольствии наложницы.

Кадир вобрал ее сосок в рот, в то время, как, проникнув рукой между ее бедер, он принялся потирать ее клитор.

— Кончи для нас, — прошептал Рафик ей на ухо, — Ты так прекрасна, когда кончаешь.

Глаза Пайпер расширились, и на ее лице застыл изумленный взгляд, когда ее киска

порочно сжалась вокруг него. Ее тело задрожало, когда она закричала в экстазе, беспомощно дергая бедрами под напором шейха.

Но Талиб больше не противился наслаждению. Рука Када исчезла с места соединения их тел, и Тал сбросил маску благопристойности. Он начал жестко вколачиваться в нее, еще шире раздвинув ее бедра так, чтобы она могла впустить его глубже, принуждая девушку принять каждый сантиметр своего члена. Он нуждался в ней. Ему была необходима вся ее мягкость. Его тело горело, а туман удовольствия окутал его чувственной завесой, пока он вонзался в нее снова и снова. Он накрыл ее тело своим, нуждаясь в том, чтобы чувствовать ее шелковистую кожу всем своим весом.

Сквозь непроглядную пелену похоти, он услышал, как она снова кончила, и ее киска запульсировала вокруг него, буквально выжимая из него сперму. Он не мог держаться ни секундой дольше, поэтому кончил, содрогаясь всем телом раз за разом, с ее именем на своих губах. Шейх отдал ей каждую каплю своего семени, прижимая наложницу к себе и упиваясь этой близостью. Мужчина положил голову ей на грудь, его член все еще находился глубоко внутри нее.

— Спасибо тебе, Тал.

Она рукой коснулась его головы. Ему не нужно было ее "спасибо". Твою мать. Он хотел "я люблю тебя".

Что ж...кажется, у него большие неприятности. Тал знал это. Ему необходимо сохранить дистанцию, но обнаружил, что его глаза закрылись, и, заключенный в ее объятия, он отдался отдыху впервые за много лет.

Пайпер потянулась, каждая ее мышца отозвалась сладкой болью. Она приоткрыла глаза и увидела рядом с собой великолепное лицо Талиба. Он был невероятно красив, лежа подле нее, в лунном свете суровые черты его лица смягчились. На его лице был лишь легкий намек на небрежность. Она жаждала прикоснуться к нему, почувствовать эту щетину на своей коже. Но он, вероятно, попытается избежать ее прикосновения. Всегда, когда она его видела, он выглядел просто безупречно, но сейчас, с этой утренней щетиной и со спутанными волосами, он был воплощением Бога, до которого она могла дотянуться.

— Возвращайся ко сну, милая.

Она любила низкий рокот его голоса.

— Хорошо.

Шейх вздохнул и устроился поудобнее, явно еще не готовый к тому, чтобы встретить новый день. Но Пайпер нужно было размяться, а в постели это делать не полагается.

Она почувствовала давление другого теплого тела, прижатого к ее спине. Кад, подумала наложница. Ей с трудом удалось воскресить в памяти воспоминания о...

Прошлой ночью ее взял каждый из них лицом к лицу, и каждый занимался с ней любовью... своим ртом, членом и руками.

Она даже представить не могла подобного наслаждения и сомневалась, что испытает его вновь. Но сейчас, трое любовников стали причиной ее замешательства. Как же ей выбраться из постели, не разбудив их? Пандора хотела принять душ, почистить зубы и привести в порядок волосы прежде, чем они проснутся. Она наверняка выглядела не лучшим образом и искренне надеялась, что не храпела во сне.

Пайпер ринулась с места, потянув за собой шелковые простыни. Хорошей новостью было то, что прошлой ночью они практически не оставили ни одной из них на кровати, поэтому ей удалось соскользнуть с постели, ничего не зацепив. Плохой же новостью оказалось то, что она шлепнулась на ковер, приземлившись на свою еще довольно чувствительную задницу. Девушка подавила смешок.

Хороший секс не прибавил ей ни капли изящности. А еще она была голой. Пандора потянулась, вытянув руки над головой. Несмотря на ноющие мышцы, ее кожа все еще была до умопомрачения чувствительной. А тело подавало сигналы о боли — в самой приятной манере. Наложница до сих пор могла ощущать на себе мужские руки, дарящие ласки и занимающиеся любовью с каждым дюймом ее тела. Она никогда не забудет эту ночь.

Пайпер встала на дрожащие колени, до сих пор упиваясь чувством их близости и приятным ощущением собственной власти, которой не ожидала. Она приручила их троих. Они заснули с улыбками на лицах. Уголки ее губ приподнялись, когда она оглянулась на аль Муссадов.

Кад перевернулся на живот, предоставив на обозрение свою мускулистую задницу. Раф лежал на спине, вытянув руку. А Талиб внял собственному совету. Он заснул, касаясь ладонью того места, где подле него лежала Пайпер. Ее мужчины. Возможно, не навсегда, но сейчас они принадлежали именно ей.

По ней прокатилась волна удовлетворенности. С улыбкой на лице, она направилась на балкон в апартаментах Тала. Девушка хотела глотнуть свежего воздуха и почувствовать теплый бриз и солнце прежде, чем оно станет слишком горячим. Во второй половине дня в

Безакистане становилось так же невыносимо, как летом в Техасе, но утренние зори, как правило, были просто чудесны, когда со стороны моря дул нежный ветер. Она любила это раннее время.

Пайпер просунула руки в рукава рубашки Тала. Она была ей велика, спускаясь почти до колен, но прикрывала ее тело так же, как любой другой халат. На столе стоял поднос с кофе и утренними тостами. Наложница поморщилась. Здесь уже побывали слуги.

Ей и в голову не пришло опустить балдахин на ночь. Господи, что же теперь о ней подумают? Ее кожа вспыхнула румянцем, но она не поддастся своему смущению. Определенно, это был не первый раз, когда они приводили женщину в свою постель, и, вероятно, не последний... Они были слишком опытны в искусстве обольщения женщины на троих. Братья просто следовали по заведенной схеме.

Пайпер налила себе чашку невероятно ароматного кофе, размышляя о прошлой ночи. После первого раза, они переместились в горячую ванну чудовищных размеров. Именно там, посадив ее к себе на колени, Раф взял Пайпер, отыскав своим членом путь к ее лону. После того, как они искупали ее, Кад отнес наложницу в постель и нежно занимался с ней любовью, прежде чем они все заснули в сплетенных объятиях.

Она направилась к балкону, с маффином в одной руке и чашкой кофе в другой. У нее оставалось достаточно времени для того, чтобы принять душ, перед тем как приступить к работе. А пока она собиралась осмотреть дворцовые сады и насладиться моментом. Это было началом ее новой жизни. Свободной и смелой. Именно такой она и намеревалась стать.

Пандора вдохнула свежий воздух, отложив на мгновение свой кофе и маффин в сторону, и сделала шаг на террасу. Ее оглушили приветствия и ослепили вспышки фотокамер. Пайпер закричала.

Территория дворца, почти всегда пустынная в это утреннее время, была заполнена людьми. И камерами. От шума и света она почти потеряла ориентацию в пространстве. Раздался свистящий звук вращения лопастей вертолета. Гладкий черный вертолет спикировал вниз, и из его окна высунулся человек с фотоаппаратом, оснащенным длинным телеобъективом. Толпа разразилась еще одним громким приветствием. Тысячи людей прыгали вверх и вниз, провозглашая имя династии Аль Муссад.

Пайпер отвернулась, отчаянно желая вернуться внутрь, но она запуталась в тонкой шторе, еще больше закручиваясь в нее и кружась на месте. Это был настоящий плен из льна и шелка.

— Какого черта? — раздался голос Тала, — Раф, вставай. У нас проблема. Возьми телефон и разберись с прессой.

Возникла короткая пауза.

— Пайпер? Милая? Если ты перестанешь крутиться, думаю, я смогу вызволить тебя из занавесок.

«Шейх!» — скандировала Талибу бушующая толпа.

— Думаю, я просто останусь здесь.

Если Тал ее освободит, она останется стоять перед целой кучей народа, одетой в одну лишь его рубашку, которая, как она была уверена, распахнулась в тот момент, когда этот долбаный вертолет спикировал вниз. Пандора могла стоять так целую вечность, и тогда ей не пришлось бы волноваться по поводу того, что ее гениталии могли запечатлеть на пленку.

— Милая, я очень сожалею о том, что так вышло, но мне необходимо, чтобы ты сейчас

же зашла обратно.

Он протянул свою большую мускулистую руку, пытаясь ее поймать. Пайпер уклонилась. Она не уйдет, пока не получит кое-какие ответы.

— Кто все эти люди?

Занавески неустанно двигались, порхая вокруг нее, и затем она услышала голос Када.

— Это просто жители, хабибти. Они собрались здесь, потому что прослышали о том, что у нас появилась новая наложница.

— Господи, вы не можете сказать просто «девушка»? Это слово звучит так... средневеково.

Она всхлипнула, на ее глаза навернулись слезы. Ее сфотографировали полуголой, казалось, хуже стать уже не должно. Неужели эти люди были кем-то вроде местных папарацци?

— Нам придется немедленно ей все рассказать, Кад, — мрачно произнес Тал.

— Это дело рук Халила. Я уверен. Клянусь, я оторву ему голову.

Кадир просунулся сквозь занавески:

— Пайпер, нам нужно поговорить и объяснить некоторые вещи.

— Почему кого-то заботит то, что мы спали вместе? Такое происходило со всеми вашими девушками?

Она даже сомневалась в том, что могла назвать себя их девушкой. Они просто переспали с ней и не давали никаких обещаний.

Лицо Када напряглось:

— Тал, разве не Рафик должен ей все объяснить? Это он у нас самый сообразительный.

Талиб пытался силой избавиться от занавесок, но Пайпер крепко за них держалась. С одной стороны, ей было жарко и немного душно во всей этой ткани. Но с другой, ее ждал конфуз национального масштаба. Она сможет выслушать их объяснения прямо отсюда.

— Раф сейчас общается с прессой, — произнес Тал, — Почти не сомневаюсь, что там начинают нервничать и задаваться вопросом, что не так с нашей наложницей.

— Что не так со мной? Почему я вообще их интересую? — спросила Пайпер с паникой в голосе.

Кад сделал глубокий вздох и что-то пробормотал, она была готова спорить, что на их языке это слово явно было нецензурным ругательством.

— Пайпер, милая моя, здесь наложница означает нечто другое. Ты думаешь, это понятие подразумевает под собой подругу или любовницу. Но здесь, в Безакистане, так называют женщину, на которой женятся шейх и его братья. Как мы говорили с Рафом, в нашей стране принято похищать невесту. Это традиция. Мы делаем это не совсем так, как наши предки, но ... так до сих пор принято и предписано.

— Какое отношение это имеет к наложницам?

— Что ж, даже несмотря на то, что мы похищаем невест, мы еще должны получить их согласие на брак. Согласно нашим законам, у нее есть месяц, чтобы принять решение. На протяжении этого месяца она присутствует во дворце под статусом «наложница».

От удивления у нее открылся рот.

— Боже мой. Они думают, что вы хотите жениться на мне.

Это было ужасно. Как кто-то мог подумать, что они — невероятно богатые и влиятельные мужчины — захотят жениться на ней? Эта ситуация угрожала стать ошибкой исторического масштаба.

Рука Када наконец прорвалась сквозь каскады штор. Он обхватил ладонью ее лицо.

— Да, они думают именно так. Мы старались хранить в тайне наш интерес к тебе, чтобы этого не произошло.

Она все испортила.

— Мы просто объясним им, что произошла ошибка.

— Разразится еще больший скандал, хабибти. И лично я не заинтересован в том, чтобы что-то исправлять. Я без ума от тебя, Пайпер.

Он опустил руки на ее бедра, притянув девушку ближе к себе.

Наконец, Тал тоже прорвался сквозь занавески, его лицо носило отпечаток легкого румянца:

— Здесь нет никакой ошибки, Пайпер. Мы собираемся жениться на тебе. Я бы никогда не взял твою девственность, если бы не был готов к женитьбе. Отнюдь не так я намеревался начать нашу совместную жизнь, но сейчас нам необходимо разобраться с этим фиаско. Здесь пресса, и они задаются вопросом, почему, черт возьми, прячется моя наложница.

Пайпер слышала их слова, но не понимала их. Просто не могла. Потому что все, что они говорили, не имело почти никакого смысла. Они ведь не могли произнести то, что она, как ей показалось, услышала?

— Но... здесь, должно быть, какая-то ошибка. Вы не просили меня выйти за вас замуж.

Выражение лица Талиба стало напряженным, челюсть сжалась:

— Пайпер, ты выйдешь за меня?

— О, нет, я не могу этого сделать.

Ни за что. Никоим образом. Это закончится катастрофой. Она ведь не королевской крови. У нее была важная работа, а им нужен был кто-то, гораздо более изящный и милый, чтобы подойти на эту роль.

Шайх фыркнул, закатив глаза.

— Теперь ты видишь, почему я не просил. Прошу, перестань прятаться в этих занавесках, потому что каждую секунду пресса пишет что-то о твоей непригодности. Ты экономист, милая. Что этот маленький эпизод сделает с нашими акциями?

Кого волновали эти акции? Конечно, не принимая в расчет того, что Безакистан, как и "Блэк Оук Ойл", делал на них огромные деньги. И инвестиций, которые вложил "Блэк Оук" в Безакистан. Ее ум заработал над цифрами. Тал был главой страны. Страна зависит от этих акций и фьючерсов на нефть. Если будущая жена шейха окажется полной идиоткой, акции могут упасть. Но они ведь лгали ей.

— Я ничего не понимаю.

Кад наклонился и приблизил к ней свое лицо:

— Я знаю. И мне жаль. Прости меня. Пожалуйста, выйди, улыбнись, и поприветствуй жителей и прессу. Как только мы закончим с этим, я все тебе объясню. Пайпер, я не хочу, чтобы между нами осталась недосказанность.

Грандиозность того, что они сделали, поразила ее в самую грудь.

— Ты солгал.

Он покачал головой:

— Не совсем. Я просто не рассказал тебе всего.

— Мы женаты?

— Пока нет, — отрывисто произнес Тал, — У тебя есть неполные 30 дней, чтобы принять решение. Но ты должна понимать, что у нас есть лишь несколько месяцев до того,

как корона перейдет к Халилу, который впустит в страну радикалов и переменит ее облик навсегда. Он ожидает, что ты сбежишь. Именно он притащил сюда прессу.

Пандора ничегошеньки не понимала, кроме того, что они держали ее в неведении относительно того, что должно было повлиять на всю ее жизнь. И все же, от нее многое зависело. Пайпер завела здесь друзей. Она думала о "Блэк Оук Ойлс". Девушка не могла их подвести.

— Что мне нужно делать?

Наложница задала вопрос Каду, не в силах пока смотреть на Талиба. Некоторые вещи, над которыми она ломала голову последние несколько дней, теперь встали на свои места и обрели смысл, включая причины, по которым Раф и Кад отказались спать с ней во время перелета в Безакистан. Ее девственность принадлежала Талибу. Ее будущему мужу. Они втроем сговорились выдать ее замуж за человека, которого в действительности она совсем не знала. Потому что Тал, ее напарник, был ничем иным, как фальшивкой, как и причина, по которой она оказалась здесь.

Тала, казалось, ничуть не заботило то, что она обращалась к Каду.

— Мне необходимо, чтобы ты вышла к ним, держа меня за руку и улыбаясь, — говоря об улыбке, сам шейх выглядел мрачным, — Если ты откажешься, они посчитают, что ты уже отвергла нас. Если это произойдет, Халил в течение часа встретится со своими адвокатами, чтобы бросить нам вызов и оспорить наши права на корону.

От этих фактов мысли путались и разбредались в стороны, в голове кружились возможные последствия их обмана. Но ставки были слишком высоки. Решение, которое она примет, отразится как на их будущем, так и на ее собственном. Даже если она не останется их наложницей, в случае, если Халил завладеет страной, вся их работа пойдет насмарку.

— Могу я хотя бы одеться?

Тал еще больше нахмурился.

— Раф общается с прессой. Он организует несколько фотосессий сегодня после полудня. На этих фото ты будешь выглядеть отменно, именно их мы и пустим на распространение. Но сейчас Халил не оставил нам другого выбора, кроме как представить тебя. Если ты просто выйдешь на балкон и позволишь мне поцеловать тебя, я думаю, нам удастся предотвратить этот скандал.

Она засмеялась, но в ее смехе проскользнула истеричная нотка.

— Я смогу предотвратить скандал, если выйду к ним наполовину обнаженной и поцелую мужчину перед целой кучей камер?

— Ты больше не в Америке, Пайпер.

Верно. Да и сейчас у нее не было особого выбора. Она отвернулась, игнорируя Када, пытавшегося ее обнять. Его заинтересованность не несла в себе ни крупинки искренности. Пандора не была до конца уверена в том, что сейчас происходило, но ей было необходимо выиграть немного времени для всех них. И затем она сможет принять решение. Наложница позволила Талу освободить себя из плена ткани.

Солнце коснулось ее лица, но теперь, вместо мягкого тепла, она почувствовала обжигающий жар. Вокруг нее мерцали фотовспышки, Талиб притянул ее в свои объятия. В отличие от прошлой ночи, теперь в его лице не было никакой мягкости. Тал смотрел на нее тяжелым, собственническим взглядом, прижимая ближе к себе. Ее сердце заколотилось, когда он коснулся ее щеки и его губы опустились на ее. Девушку затопила волна возбуждения, но Пайпер не могла игнорировать холодную отчужденность, повисшую между

ними. Когда он завладел ее ртом, по толпе прокатилась волна оглушающего ликования.

После того, как Тал сделал знак, Раф и Кад немедленно появились по обеим сторонам от нее, сжав ее руки и с нежностью посмотрев на девушку прежде, чем повернуться к толпе с триумфальными улыбками. Несмотря на то, что она была окружена людьми, Пайпер еще никогда не чувствовала себя настолько одинокой.

* * *

Раф смотрел, как Пайпер выходит из ванной комнаты. Ее халат был завязан на двойной узел, словно она отчаянно боялась, что он случайно распахнется и выставит ее напоказ. Ее брови были нахмурены, и она стала так непохожа на ту счастливую, чувственную женщину, которая объезжала его член прошлой ночью. В целом, он вовсе не так представлял себе это утро. Рафик думал, что покормит Пайпер, пока они будут нежиться в постели, а затем вновь займутся любовью. Настал их период с наложницей, черт подери. И вместо того, чтобы наслаждаться своей невестой, он будет отвечать на вопросы гребаных репортеров. Все журналы мира будут пестреть этой историей. Его мобильный снова зазвонил, и он всерьез задумался о том, чтобы выбросить его в окно.

Тал посмотрел на брата.

— Ты собираешься ответить?

— Нет, — отвечать за общение с прессой было его прерогативой. Однако он не позволит нетерпению Тала спутать его планы, — Я дам им попотеть до завтра. Сейчас мы изолированы от внешнего мира. Этого и следовало ожидать с тех самых пор, как мы решили связать себя с нашей будущей невестой.

Пайпер кинула подозрительный взгляд в его сторону.

— Эта встреча с судьей и премьер-министром прошлой ночью была не просто приветствием, верно? Была причина, по которой вы пригласили их присоединиться к нам на балконе. Они задали вам вопрос, и вы трое дали одинаковый ответ. Это было нечто вроде церемонии?

Порой Пандора бывала слишком умна. Он посмотрел на Тала, хмуро глядящего на него в ответ. Пайпер уловила их обмен взглядами.

Она встала перед Рафом, закрывая собой шейха.

— У тебя есть рот, Рафик. Ты можешь ответить мне без подсказок Талиба.

Это доказывало, что она еще не была должным образом подготовлена для той роли, на которую они ее выбрали. Он подвел ее. Его сердце сжалось в груди.

— В таких случаях, Пайпер, он не мой брат. Он мой шейх.

Раф мог иметь непомерное влияние, но именно Талиб принимал решения. И так было всю его жизнь. В то время, пока у него и Када была возможность путешествовать по всему миру, Тал управлял страной.

— Значит, ты и Кадир делаете именно то, что говорит вам Талиб?

Он никогда прежде не видел Пайпер такой агрессивной.

— Все обстоит именно так?

Тал застонал, закатив глаза.

— Да, Пайпер, они никогда не доставляют мне хлопот. Дьявол. Рассматривай эту семью, как корпорацию. И я в ней генеральный директор.

Она нахмурилась, поджав губы.

— Не думаю, что хочу подобную семью.

Почему Тал ее дразнил? Потянувшись к ее руке, Раф был рад, что девушка не

окончательно его отвергла. Она не сплела свои пальцы с ним, но и не оттолкнула.

— Не руби с плеча. Наша жизнь не всегда будет такой, как сейчас. Я обещаю, что пресса успокоится.

— До или после того, как мне нужно будет принять решение, о котором я никогда и подумать не могла, находясь под пристальным вниманием всей вашей страны?

Теперь настала черед Рафа нахмуриться. Да, он обманул ее и не подготовил, как следует, но у него всегда были только лучшие намерения.

— Ты никогда не допускала мысли о том, чтобы выйти за нас замуж? В наших отношениях для тебя не было ничего серьезного?

Пандора отстранилась, вырвав свою руку.

— Не смейся. Вы — члены королевской семьи. А я родом из городка в Западном Техасе, с населением в двести неотесанных работяг. С чего бы мне мечтать о подобном браке?

— Ты также относишься к числу мировых экспертов по экологически чистой энергии, — добавил Тал, — Это может пойти на пользу моей стране.

Рафу захотелось пнуть своего брата. Даже если именно это послужило причиной, ради которой Тал отдал предпочтение Пайпер, сейчас было не подходящее время для того, чтобы подчеркивать все практические доводы, по которым она подходила на роль их невесты.

— Пайпер, я понял, что хочу тебя с того самого момента, как только увидел.

Но она повернулась к Талибу, словно понимая, что он был единственным, кто даст ей то сражение, которого она так отчаянно желала.

— Так вот почему ты меня искал и пытался сблизиться?

Тал не отступил ни на дюйм.

— Я искал тебя для содействия в этом проекте. Ты обладаешь знаниями, которые способны помочь мне и моей стране. И ты также оказалась подходящей кандидатурой на роль жены.

Раф закрыл ладонями лицо. Будучи шейхом, Тал мог получить все его почтение, но, как его брату, Рафу нестерпимо захотелось его пнуть.

— Подходящей? — вопрос Пандоры походил на шипение змеи.

Кад выбрал именно этот момент, чтобы принести одежду Пайпер на сегодня.

— Ты можешь одеть это на вечер. Стилист уже в пути, чтобы помочь тебе перед фотосессией с прической и макияжем. К вечеру слуги перенесут все наши вещи и одежду в это крыло.

Буравившая до этого Тала взглядом, Пайпер повернулась к Каду и он остановился, распахнув глаза от удивления.

— Зачем им переносить сюда мои вещи? Почему я не могу остаться в своей комнате?

Кад приоткрыл рот.

— Хабибти ...

— Я вам не хабибти.

Она повернулась к Рафу, полностью игнорируя Тала.

— Я говорила вам, что не вышла замуж за Джонни, потому что не хотела быть полезным активом — я хотела быть любимой. Тем не менее, вы привезли меня сюда, зная истинные мотивы Тала. Неужели вы посчитали, что теперь я решу иначе?

Ее слова резали, словно нож, лезвие которого болезненно повернулось, когда выражение лица Пандоры стало замкнутым.

— Я иду в свою комнату. И я намерена оставаться там, пока не решу, что делать дальше.

— Слуги много болтают, Пайпер.

Раф сочувствовал ей. Она была смущена и запуталась... но он не мог отступить. Слишком многое было поставлено на карту.

— Я намерен выяснить, по чьему именно указу нас не разбудили сегодня утром, когда началось столпотворение. Однако у нас может возникнуть проблема, если пресса прознает о том, что ты отказалась разделить с нами положенные комнаты.

Ее лицо вспыхнуло.

— Вы не можете ожидать от меня, что я так просто соглашусь на тот... этот фарс. Я не хочу быть безмозгой, избалованной принцессой, избалованной и изнеженной.

— Шейха (ударение на А* прим. перев.). Вот как мы называли бы тебя. Это супруга шейха. Она является той, кто скрепляет нашу семью и становится центром нашей вселенной. Мы искали нашу шейху уже некоторое время. И лишь однажды достигли согласия относительно женщины для всех нас. Тебя, Пайпер.

Ей нужно время, чтобы осмыслить это. Тал ошибся, попытавшись прибегнуть к логике именно в этот момент. Она остановилась, ее тело расслабилось, а напряжение спало.

— Ничего не говорить было несправедливо по отношению ко мне.

Раф подошел к ней.

— Я знаю, ты не хочешь слышать этого, но такова реальность. Пайпер, разве ты не можешь заглянуть в свое сердце и поверить, что ты нам не безразлична? Простить нас за то, что мы были глупцами? Разве мы были настолько не правы? Да. Но мы пошли на это, потому что боялись потерять тебя. Я знаю, это звучит как оправдание, но ты оказалась более особенной, чем мы ожидали.

— Как занятно, что вы увидели во мне нечто особенное лишь за несколько месяцев до того, как рискуете лишиться короны, если не обретете жену.

В каждом ее слове сквозила нотка подозрительности.

— Я мог бы купить невесту, Пайпер.

Тал смотрел в окно, без сомнения, наблюдая за журналистами, которые рыскали по периметру дворца. Его брат был не просто обеспокоен, его лицо выражало непреклонность и гнев.

— Это было бы просто. Ты далеко не самая покладистая невеста.

— Уж простите великодушно, что доставляю такие хлопоты.

Выражение ее лица омрачилось горечью, Раф видел, что она испытывала нечто среднее между обидой и болью.

— Я ничего не понимаю.

Рафик сделал то, что казалось самым естественным. Он обнял ее. Она стояла неподвижно в его объятиях.

— Мы хотели защитить тебя от всего этого.

— А вы вообще собирались рассказать мне, что мы женаты? Или я бы случайно узнала об этом пару лет спустя?

Кад бросил ее одежду на постель и подошел к ней с другой стороны. По крайней мере, один из его братьев был умен. Пайпер не сможет долго сопротивляться их притяжению.

— Мы собирались попросить тебя выйти за нас сразу же, как только наши отношения вошли бы в колею. Мы уже выбрали кольцо и прочее. Мы подумали, что было бы неплохо последовать американской традиции, и хотели, чтобы все прошло очень романтично.

— Почему я?

Она сурово посмотрела в спину Талиба.

— Если я действительно нужна вам не только из-за тех знаний, которые могут быть полезны вашей стране, тогда объясните почему.

Раф вздохнул.

— Потому что ты особенная, Пайпер. Потому что ты задела что-то глубоко во мне.

Кад коснулся носом ее щеки.

— И во мне, хабибти. Ты задела мой член. И прямо сейчас он не прочь повторить.

Пайпер издала смешок, но Раф уловил в нем искренний смех.

— Рада слышать, — она вернулась к прежней серьезности, вырываясь из их рук, — Мне нужно некоторое время. Вы только что перевернули весь мой мир.

Тал повернулся с бесстрастной маске на лице.

— Что ждет тебя в Далласе, Пайпер? Чего мы так жестоко лишили тебя, что не оставляет нам никакого оправдания? Жалкую квартиру? Низкооплачиваемую работу? Нескончаемую борьбу за то, чтобы сводить концы с концами? Не говоря уже о жизни без любви?

Она вздрогнула, но Тала было уже не остановить.

— Мы предлагаем тебе целый мир, Пайпер. Мы предлагаем тебе дворец и больше денег, чем ты можешь себе представить. Мы предлагаем тебе неограниченную свободу следовать своим собственным идеалам. Царствование позволит тебе работать над тем проектом, который ты так любишь. Так объясни мне, что из всего этого делает меня плохим парнем.

— Вы любите меня? — Пайпер распрямила плечи, очевидно готовясь к жестокому удару.

Раф мог легко ответить на этот вопрос.

— Да. Я полюбил тебя с первого взгляда. Я шел за тобой по коридору в надежде на то, что ты обернешься, чтобы я мог узнать твое имя.

Она вспыхнула.

— И вместо этого я упала.

Он запомнит этот момент навсегда.

— Да. Ты упала. Но обещаю, что отныне я всегда буду рядом, чтобы тебя поймать.

— Я люблю тебя, Пайпер. Я знаю, что тебе это кажется слишком внезапным, но, поверь мне, хабибти, у меня было достаточно женщин, чтобы я понял, что чувствую на самом деле.

Раф кивнул головой в знак согласия.

— Он прав. Кадир переспал с большей половиной женского населения во всем западном полушарии. Так что он точно понимает разницу.

Кад зарычал на него, но Пайпер лишь немного улыбнулась, пока не подошла очередь Тала.

— Я предлагаю тебе все, что у меня есть, Пайпер. Если этого не достаточно для тебя, недостаточно любви моих братьев и их преданности, тогда ты должна сказать об этом прямо сейчас.

Он шагнул вперед, но не коснулся девушки. От шейха исходила холодная безжалостная властность.

— Наступает время, когда я должен взять жену или уступить свои полномочия. Я выбрал невесту, которая, по моему мнению, будет самой лучшей для моих братьев и моей страны.

— А как насчет тебя самого? — поинтересовалась Пайпер.

— Мои потребности несущественны. Ты мне нравишься, Пайпер. Мне очень нравится находиться рядом с тобой. Я восхищаюсь твоим умом, и я жажду твоего тела. Этого должны быть достаточно для тебя.

Она опустила глаза, будто была не в силах смотреть на братьев.

— Но это не так.

Тал выпрямился, всем своим видом напоминая о том, что он шейх.

— Тогда ты должна принять решение. Хорошенько подумай, Пайпер Аль Муссад. Твое решение повлияет на жизнь миллионов людей. И это повлияет на твоих друзей. У "Блэк Оук Ойл" значительные вложения в этой стране. Если престол перейдет к моему кузену, он не будет соблюдать оговоренные в контрактах обязательства. Он просто возьмет от них все, что ему нужно. Подумай о Ханне и ее детях, когда ты будешь принимать решение о том, стоит ли тебе здесь оставаться. Ты больше не девочка, Пайпер. И эта любовь, которую ты так жаждешь, лишь наивная мечта. Я предлагаю тебе целую жизнь, шанс повлиять на людей — черт, на весь мир — или я должен понять, что ты не будешь счастлива, пока я не вырежу свое сердце и не подам его тебе на блюдечке? Этого не случится. Мы будем партнерами. Таково мое предложение. Прими его, или уходи. Моей стране необходимо, чтобы ты поступила мудро.

Он повернулся и зашагал к двери, оставив ошеломленную Пандору позади. Раф всерьез задумался о том, чтобы прикончить своего брата.

— Пайпер, тебе нужно дать ему время. Ты не можешь до конца понять то, что он пережил, и то давление, которому он подвергается.

Глаза девушки все еще были обращены на пустой дверной проем.

— Мне нужно дать ему время? Почему я вообще должна ему что-то давать? Он даже не удосужился спросить меня, хочу ли я подобной ответственности, Раф. Все, что я знаю, это что вы трое манипулировали мной, поставив в такое положение, где у меня нет вариантов.

— У тебя есть варианты.

Просто ни один из них ему не нравился.

— Да. Капитулировать, или же показаться эгоистичной стервой.

Она опустилась на шезлонг, тот самый, на который они возложили ее прошлой ночью перед тем, как с любовью преподнести ее Талу.

Теперь она выглядела усталой, ее глаза были полны слез.

— Уходите. Вы оба. Пожалуйста. Мне необходимо время. Я не говорю «нет». Вы трое так искусно подловили меня, что я, вероятно, не смогу отказаться. Так что оставьте меня хотя бы на время.

Кадир посмотрел на брата, на его лице отразилось страдание.

— Хабибти, я сожалею так, как ты не можешь себе представить.

Настало время дать ей то, в чем она так нуждалась. Прежде они делали это крайне редко.

— Мы останемся на территории дворца, если понадобится тебе.

Они ушли. Следуя по коридору, Рафик чувствовал пустоту, зная, что оставил свое сердце и душу с женщиной, которую предал.

Пайпер сделала глубокий вздох, пытаясь сдержать слезы. Минуло уже несколько часов. Фотосессия прошла, как в тумане, и день подходил к концу. Для нее было подготовлено два фуршетных стола, но она ни к чему не притронулась. Вскоре кому-то придется силой заставлять ее поужинать. Она могла слышать людей, толпящихся снаружи, но теперь, по крайней мере, занавески снова были задернуты должным образом. Всего несколько минут назад, небольшая армия слуг принесла ее одежду и остальные вещи, аккуратно сложив их в шкаф, который, казалось, был освобожден специально для нее. И здесь были не только ее вещи. Это был нескончаемый поток дизайнерской одежды, которую она никогда не видела прежде, словно предназначенный для того, чтобы одеть принцессу. «Шейху», — поправила она себя. Что же ей теперь делать?

Оповещая о входящем вызове, зажужжал компьютер. Перед поездкой в Безакистан она убедилась, что ее сестра знает, как воспользоваться компьютером, чтобы позвонить ей. Хотя, возможно, это был один из братьев Джеймс, звонивший уведомить, что она серьезно вредила их бизнесу. И стране. От нее зависело так много людей. Она никогда и подумать не могла, что ее интимная жизнь могла дестабилизировать целую страну.

С мрачной решимостью Пандора села перед компьютером и нажала кнопку, принимая вызов. Экран заполнило лицо ее сестры с широко распахнутыми голубыми глазами.

— О, мой бог, Пайпер. Ты по телевизору. Буквально везде. Seriously.

Ее обожгло огнем.

— Скажи мне, что они не показали мой зад.

У Минди появился тот же взгляд, к которому она прибегала перед тем, как солгать Пайпер о своем табеле успеваемости.

— Вовсе нет.

Пайпер почувствовала, как ее глаза вновь наполняются слезами. Казалось, сегодня у нее был их нескончаемый запас.

— Пайпер, все нормально. Они полностью замаскировали это место на экране. А в остальном ты смотрелась очень горячо. Твои волосы выглядели, словно после отличного секса, сестренка. Так что не беспокойся. Никто не видел твои прелести. Подожди. Ты заходила на YouTube?

— Нет.

— Тогда никто тебя не видел, — заверила ее Минди.

— О Боже.

Случалось, что она совершала глупые поступки, ставившие ее в идиотское положение, но сегодняшнее побило все рекорды.

— Об этом знают все в городе?

Она не возвращалась в свой маленький городок в течение года. Девушка была рада, что могла навещать Минди в Лаббоке вместо того, чтобы возвращаться туда, где каждый ее поступок подвергался осуждению. Ее студенческие годы, казалось, тянулись бесконечно из-за старых сплетниц города, которые, подобно ястребам, следили за каждым ее шагом в ожидании повода забрать у нее сестру. Это был их гребаный досуг.

Ухмылка Минди заполнила экран.

— Ну, здешние горожане выяснили несколько подробностей. Во-первых, ты выходишь

замуж за безбожных язычников, с которыми, очевидно, ты спишь одновременно.

— О, мой Бог.

Ее сестре не следовало этого знать. Минди была в абсолютном замешательстве.

— Во-вторых, эти вышеупомянутые безбожные язычники совершенно великолепны и вроде как правят миром, потому как баснословно богаты. Мои друзья говорят, что это утка. Половина города хочет занять у тебя денег, а другая половина считает, что ты катишься напрямик в ад, но даже они полагают, что ты добралась до элиты.

Пайпер уронила голову на стол.

— Сестренка? Почему ты так расстроена? На тех фото ты выглядишь такой счастливой, что просто светишься. Я так рада за тебя. Черт, отчасти, даже за себя.

Пайпер всхлипнула и посмотрела на экран.

— Почему?

Ее сестра наклонилась, мягко улыбнувшись. На заднем плане Пайпер могла видеть красные и черные символы Техасского технологического университета.

— Потому что сегодня мне сообщили, что мое обучение, а также учебники, проживание и питание были оплачены до конца моего пребывания в школе, Пайпер. Это сделала ты, не так ли? Больше не нужно волноваться каждые шесть месяцев. И не нужно работать в пиццерии, чтобы купить продукты. Я действительно могу сделать это. Я могу стать врачом.

Ее глаза вновь наполнились слезами, но на этот раз их причиной послужила вовсе не ненависть к самой себе.

— Не я. Уверена, это был Раф.

Она говорила с Рафом о своей сестре. Пандора открылась и позволила ему узнать о ее постоянных волнениях.

Минди покачала головой.

— Они сказали мне, что человека, который подписал чек, зовут Талиб Аль Муссад. Он шейх, верно? Я просто подумала, что ты заставила его это сделать. Но только ты не прикладывала к этому руку. Скорее, ты использовала ту часть себя, которая так и не стала звездой всего YouTube.

Наложница рассмеялась. Это все, что ей оставалось.

— По крайней мере, скажи мне, что я не выглядела жалкой.

— Как я уже сказала, ты смотрелась горячо. Хотя, должна признать, я напрочь забыла про тебя, когда появился этот красавец без рубашки. А затем второй. И третий. Срань Господня, Пайп! Ты сорвала куш. Эти парни невероятно сексуальны, и я видела, как они смотрели на тебя. Я определенно завидую, так что скажи мне, что я смогу приехать на королевскую свадьбу.

Она уже пропустила свадьбу, впрочем, как и сама Пайпер. Хотя, согласно тому, что девушка прочла этим утром, это скорее походило на помолвку, чем на саму свадьбу.

— Милая, я не уверена в том, что выйду за них.

Минди приоткрыла рот.

— Шутишь? Ты приземлилась в стране, где никто и глазом не моргнет из-за того, что ты обручена с тремя горячими миллиардерами.

Как она могла заставить сестру понять?

— Возможно, здесь это в порядке вещей, но что подумают остальные? Что подумают люди в нашем городе?

— Кого это волнует? Пайпер, люди в нашем городке превратили твою жизнь в ад. Не

смей думать, что ты должна жить по их стандартам. Ты хоть понимаешь, что подарила тебе судьба? Ты можешь послать к чертям мнение других.

Ее сестра была немного наивна.

— О, милая, все не совсем так. Жизнь принцессы, или шейхи, подразумевает нечто другое. Разве ты не понимаешь, что теперь с меня не спустят глаз?

Все будет точно так, как было дома, только более масштабно. Все будут наблюдать за ней. Все будут ждать, когда она оступится. А пресса не упустит ни одной ее ошибки, которыми будут пестреть местные таблоиды.

Минди махнула руками в явном разочаровании.

— Какая разница? Пайпер, они ничего не могут сделать с тобой. Кого волнует, что они говорят? Ты обладаешь властью. Ты просто должна принять это. Ты станешь королевой.

Но была ли она готова к этому? Нет. Определенно, нет.

И все же, тоскуя по тому чувству принадлежности и единения, которое она испытывала прошлой ночью, Пандора не была уверена, что сможет уйти.

— Я не знаю, Мин. Чего пресса не сказала, так это того, что эти невероятно горячие мужчины не потрудились сообщить мне, что обручились со мной. Они полагали, что могут до определенной поры дурачить меня, прежде чем попросить моей руки.

Минди застонала.

— Боже, так приятно осознавать, что мужчины по всему миру идиоты. Слушай, у тебя есть к ним чувства, Пайпер?

Она была влюблена в них. После прошлой ночи, наложница была чертовски уверена, что уже никогда никого так не полюбит. Но они лгали. Могло ли это послужить началом достойной совместной жизни? Да и Талиб был холоден утром этого дня. Жар и желание предыдущей ночи ушли. Человек, с которым она занималась любовью, которому она отдала свою девственность, просто исчез, а вместо него она была вынуждена иметь дело с шейхом.

— Я без ума от них, но не уверена, что этого достаточно.

Минди вздохнула и, сев ближе, приложила ладонь к экрану.

— Я люблю тебя, сестра. И я собираюсь дать тебе тот же совет, который ты дала мне в один далекий день. Ты помнишь? наших родителей не стало. Ты осталась со мной дома. Я не хотела идти в школу, потому что знала, что все будут меня жалеть. Что ты сказала мне?

Пайпер вспомнила тот день. Было так трудно отпустить сестру. Она была так молода, но на ней лежала ответственность. Это был первый день Минди в средней школе. Их родители должны были быть там. Пайпер пыталась найти слова, которые сказала бы их мать.

Пандора положила руку на экран, желание прикоснуться к сестре было настолько сильным, что она не могла сопротивляться.

— Я сказала тебе быть храброй. Я сказала, что это твой мир, и ты единственная, кто может его построить.

Ее сестра кивнула, и эти слова словно застыли в повисшей между ними тишине.

— Создай свой мир, Пайпер. настолько прочный, чтобы уже никто не смог его разрушить. И я буду рядом, несмотря ни на что.

— Я люблю тебя.

Ее сестра превратилась в сильную женщину. Одну вещь Пайпер сделала правильно.

— И я тебя. Позвони мне позже. И, если можешь, позаботься о том, чтобы вездесущие камеры запечатлели побольше откровенных снимков этих лакомых парней.

Минди усмехнулась, протянула руку, и связь оборвалась.

Пайпер закрыла крышку ноутбука, но слова сестры осели в ее сознании. Построить свой мир. Было глупо говорить это. Она изо всех сил старалась найти слова в тот день, чтобы придать сил Минди, но они подтвердилась. Ей удалось построить мир для них обоих, а затем, когда Минди больше не нуждалась в такой вездесущей поддержке, она начала строить свой собственный. Хотела ли она оставить позади Рафа, Када и Тала потому, что они не сказали того, что следовало? Перед тем, как она действительно узнает, что было в их сердцах? Или она должна попытаться построить этот мир, а затем научить их жить в нем?

— Мисс Глен?

Пайпер испуганно обернулась на звук глубокого голоса, нарушившего тишину.

В дверях стоял мужчина. Он был одет в прекрасно сшитый костюм и галстук темно-бордового цвета, который носил каждый член сената.

Политик.

— Да?

Он слегка поклонился.

— Я являюсь членом парламента и представляю один из западных округов. Я хотел поприветствовать вас. На самом деле, я только что покинул здание парламента. У нас было срочное заседание, посвященное обсуждению нового статуса шейха.

Наложница поднялась, мечтая о том, чтобы ее слез не было заметно.

Человек, стоявший перед ней, был элегантным и спокойным, его темные глаза смотрели на нее оценивающе. Он был худым мужчиной, почти суровым, но чрезвычайно вежливым. Пандора отлично знала, что являлась тем самым новым статусом шейха.

— Прошу прощения. Меня не предупредили о посетителях.

Он улыбнулся, хотя для веселья не было никакого повода.

— Прошу прощения, если оскорбил вас.

Она не собиралась злить парламент. Пайпер взяла себя в руки, пытаясь припомнить каждый урок по этикету, который когда-либо получала. Она шагнула к нему, предлагая ему присесть на кушетку.

— Не нужно извинений. Пожалуйста, входите. Может, попросить подать закуски?

Это осчастливило бы слуг. Они весь день ждали возможности что-нибудь сделать. Один из них поджидал прямо за дверью.

Мужчина отрицательно качнул головой, опускаясь на кушетку.

— Я уже попросил принести чай. Надеюсь, вы не возражаете. Он должен быть подан через минуту.

Удачно выбрав время, вошел молодой человек в длинном, официальном одеянии с подносом, на котором стоял прекрасный серебряный чайный сервиз. Элегантным движением он наполнил две чашки, а затем, поклонившись, вновь оставил их наедине.

Пайпер окружил пряный аромат горячего чая. Все здесь было таким соблазнительным. Даже чай. Она сделала маленький глоток.

— Благодарю за то, что приняли меня, — произнес представитель парламента, — я просто хотел нанести вам визит. Я присутствовал на банкете прошлой ночью, но не имел удовольствия быть представленным вам.

Она попыталась вспомнить его. Прошедший вечер пролетел для нее в потоке новых лиц и имен. Она сделала еще один глоток чая. Богатый и душистый, он напомнил ей о том, что девушка весь день ничего не ела.

— Извините. Вчера вечером был мой первый большой прием. Я не успела со всеми

познакомиться.

— Меня зовут Халил Аль Башир. Вы наверняка слышали обо мне.

Она поставила чашку. Халил. Да, она слышала о нем. Но ничего положительного.

— Вы тот самый двоюродный брат.

Он склонил набок голову с прекрасно уложенной прической.

— Именно так. Но я надеюсь, что вы верите не всему, что слышали. Боюсь, что мои кузены меня не слишком жалуют. Давным-давно мой дед пренебрег традициями. Он любил мою бабушку. И отказался делить невесту, которую его брат отобрал для них.

— Он отказался от престола ради женщины?

Это был интересный рассказ. Однако ей не понравилось слово “отобрал”. Насколько она знала, Раф и Кад не оставались в стороне в процессе поиска невесты. Собеседник держал чашку, и она не могла не заметить легкую дрожь его руки.

— О, да. Это история великой любви, которую понимаю один лишь я. Должен признать, что нахожу самую идею обмена женой несколько неприятной и варварской. Это старая традиция, которую я пытался искоренить.

— Не правильно ли было позволить людям самим решать, чего они хотят?

Идея обмена женой была странной, но она не видела в ней ничего плохого, если каждый, кого она касалась, был согласен.

Халил властно махнул рукой, отмечая ее слова.

— А вам было позволено решать самой, мисс Глен?

Везде был подвох. Этот человек мог казаться довольно приятным, но все изменилось, нельзя полагаться на первое впечатление.

— Мне доступно любое решение, сэр. Я могу остановить все это, если захочу.

И это многое проясняло. Она провела все это время, не только утопая в слезах. Пандора воспользовалась своим компьютером, чтобы выяснить все, что было возможно о брачных законах Безакистана. Очевидно, все таблоиды были просто очарованы братьями королевской династии. Если бы ее интересовали другие журналы, помимо “Экономиста”, возможно, она была бы более готовой к этому утру.

— Речь идет не о любви, мисс Глен. Причина, по которой братья женятся на одной женщине, заключается в том, что они просто не хотят делить богатство. Это способ сохранить имущество в неприкосновенности. Таким образом, они должны лишь обеспечить своих дочерей приданым, довольно скудным по сравнению с их богатством. Мой дед почти ничего не получил, когда решил жениться на бабушке. В его жилах текла кровь Аль Муссадов, но к нему отнеслись, как к простолюдину.

Лицо Халила покраснело, но он остановился, словно понимая, что теряет самообладание.

Он глубоко вздохнул, и обаятельная маска вновь вернулась на его лицо.

— Их было пятеро братьев, — он слегка улыбнулся, — Вы должны быть рады, что вам приходится иметь дело лишь с тремя.

Она и представить не могла пятерых. Конечно, пару недель назад речь не шла и о троих. Но они были такими разными. Каждый обладал своей неповторимой привлекательностью.

— Думаю, вам необходимо поговорить с вашими кузенами.

— Я здесь не как член семьи, мисс Глен, — он вздохнул, наклоняясь вперед, — пожалуйста, расслабьтесь. Я не кусаюсь.

Она откинулась назад, увеличивая расстояние между ними.

— Не думаю, что это хорошая идея. Талиб не остался бы доволен, узнав, что я говорила с вами наедине.

— Талиб будет довольно огорчен, но он ведь не всегда говорит вам, что делает, не так ли?

— Очевидно, нет, — но она не была круглой идиоткой, — это вы сообщили о нас прессе.

Он пожал плечами.

— То, что они сделали, было нечестно не только по отношению к вам, но и по отношению к этой стране. Вы будете иметь огромное влияние на шейха. Мы зависим от него. Разве вы не видите, как важна ваша роль?

Она вновь ощутила на плечах всю тяжесть своего нового положения, даже несмотря на то, что еще не до конца понимала сферу деятельности шейхи.

— Я думаю, что мое влияние на Талиба будет распространяться ровно настолько, насколько он позволит.

Халил фыркнул.

— Так вот каким путем он решил следовать. Я задавался вопросом, почему он выбрал вас. Пожалуйста, не поймите меня неправильно, дорогая Пайпер. Вы прекрасны. Я действительно понимаю, что они видят в вас. Но я был удивлен, когда я узнал о вашем происхождении.

Она надеялась, что улыбка, которую она послала ему, хоть чуть-чуть походила на приятную.

— Мое происхождение не соответствует вашим вкусам?

Его глаза вспыхнули.

— Вовсе нет. Вы неправильно меня поняли. В настоящее время, я простолюдин, Пайпер, и очень горжусь своим статусом. То, что сделал мой дед, было сделано во имя любви. Он отдал свою корону ради моей бабушки, потому что во всем мире для них не существовало ничего, кроме друг друга. Я лишь имел в виду, что все женщины, которых он ранее выбирал на эту роль, были либо очень богаты, либо королевской крови. Но боюсь, что Рафик и Кадир всякий раз отметали их.

— Сколько женщин?

Она знала ответ на этот вопрос. Интернет был настоящей сокровищницей фотографий ее мужчин с различными красавицами. Она ненавидела тот факт, что была одной из длинной череды женщин, желающих занять теплое местечко.

— Много. Их поиски длились довольно долго.

Он наклонился вперед, и его взгляд смягчился.

— Готовы ли вы к этому?

Нет. Абсолютно нет. Но она не намеревалась говорить ему об этом. На самом деле, ей пора было воспользоваться своим недюжим интеллектom. Наложница не знала истинных причин, по которым Халил был здесь, но она была чертовски уверена в том, что это было не ради ее блага. Пайпер могла злиться на братьев Аль Муссад, но не намеревалась предавать их.

— Я готова в той степени, насколько это возможно. Конечно, вы правы. Я не росла в полном довольстве, но понимаю экономику этой страны так, как не могут все эти чудесные дебютантки. Полагаю, шейх просто искал свой идеал. Мой Талиб очень избирателен.

Ее живот сделал кувырок. Она не привыкла к этим играм, но она также не была готова

сдаться. Если Пандора решит не возвращаться домой, ей лучше начать играть в эту игру, а это подразумевало небольшой обман.

— Вы понимаете, что Талиб был готов жениться на любой из этих женщин, мисс Глен? Халил ожесточенно сжал губы. Наконец, она увидела истинную черту его натуры.

— Я понимаю, что он НЕ женился на них. Он выбрал в жены меня.

Шейх просто не потрудился сказать ей об этом. Но судя по всему, Халил знал об этом. Халил был единственным, кто общался с прессой, и, скорее всего, у него было много шпионов во дворце. И это немного пугало ее.

— И вы должны обращаться ко мне, как к госпоже Аль Муссад.

Он поднялся, его взгляд похолодел.

— На данный момент, вы всего лишь наложница. Ничего не решено до тех пор, пока, по прошествию четырех недель, на глазах у всей публики не состоится церемония свадьбы. Вы многому научитесь за эти недели. Вы узнаете, что не способны стать супругой шейха. Моя страна не нуждается в еще большем американском влиянии.

Как сказал бы ее отец, этот человек был полон дерьма, и нуждался в серьезной чистке.

— Люди на площади не казались недовольными.

Она встала, намереваясь закончить беседу с этим скользким человеком. Возможно, Минди была права, напомнив ей о некоторых вещах. Ей приходилось противостоять критике. И мировая пресса не сравнится с мисс Аделиной Хокинс из Первой баптистской церкви.

Она пережила старых сплетниц, которые мечтали лишь о том, чтобы разрушить ее жизнь.

— Они были совершенно счастливы тому, что шейх и его братья выбрали невесту.

Она послала ему самую вежливую улыбку, на какую была способна. Это было единственное, что она научилась применять ко всем женщинам, приходившим, чтобы удостовериться, что Пайпер надлежаще заботилась о маленькой Минди. Большинство из них называли ее Синди, потому что все, чего они хотели, это лишь доставить неприятности.

— Я ценю ваш визит. Рада познакомиться с семьей моих супругов.

Пайпер была глубоко удовлетворена, увидев, как вспыхнули щеки Халила и как он сжал кулаки.

— Еще посмотрим, мисс Глен.

Он вышел из комнаты.

— Для вас — шейха, сэр.

Взрыв аплодисментов заставил ее повернуться, и ее сердце почти остановилось.

* * *

Кад наблюдал за тем, как Пайпер повернулась к нему, и все его тело преисполнилось гордостью за нее. Раф молчаливо стоял рядом с ним, но Кад мог чувствовать его эмоции. Она поставила на место этого ублюдка. Пандора была более сильной королевой, чем он мог себе представить. Хотя, он и не думал, что она была слабой. Он просто полагал, что будущей правительнице потребуется больше времени. Но только не его Пайпер. Она была на высоте.

— Как вы сюда попали?

Ее прерывающийся голос был так не похож на тот властный тон, которым она в пух и прах разнесла их кузена лишь несколько мгновений назад. Этот день тянулся бесконечно долго, и каждый час был истинным мучением.

Натянув фальшивую улыбку, Кад говорил с прессой об уходе и том, как счастлив

он был, все это время про себя молясь о том, чтобы она не сбежала из дворца.

— Здесь есть отдельная лестница, ведущая из нижних комнат. Как правило, они используются, как детские.

Ее кожа вспыхнула, и щеки окрасились в нежный розовый цвет.

— О.

Раф вышел вперед. Он разделял с Кадом его страдания.

— Мы думали, что ты можешь спать. И не хотели тебя беспокоить.

Она нахмурилась.

— Ваш кузен достаточно побеспокоил меня. Мне не нравится этот человек. Он пытался подбить меня на побег. Он просто не знает, как тяжело запугать тexasскую девчонку. Мы можем быть довольно упрямыми.

Спасибо Богу за тexasскую гордыню.

— Он не прав насчет Талиба. Тал никогда серьезно не относился к другим женщинам. Он откладывал это в течение многих лет, потому что ни одна кандидатка его не тронула.

Она сложила руки на груди.

— Я не могу быть в этом уверена. У Халила могут быть скрытые мотивы, но в одном он прав. Этот брак — должностная обязанность Талиба. А я не уверена, что мне нравится быть чьей-либо обузой.

Кад хотел обнять ее. Свет заходящего солнца бросал на ее волосы золотые и красные переливы.

— Любить тебя прошлой ночью было не обязанностью. Ты не можешь так думать. Ни один мужчина не изобразил бы страсть, подобную нашей, во имя одного лишь долга.

Раф нахмурился.

— Мы занимались любовью всю ночь, Пайпер. И это не имело никакого отношения к нашим обязанностям.

— Все происходит слишком быстро, — произнесла она, качая головой.

На Рафа нахлынуло разочарование.

— У тебя есть определенный график? Как долго я должен ждать, чтобы полюбить тебя? Сколько еще должно минуть дней или недель, прежде чем ты согласишься мне?

Он тут же захотел забрать эти слова назад, опасаясь, что напугал ее своим суровым замечанием.

Но она не двинулась с места. Ее глаза сузились.

— Как насчет того, чтобы удостоить меня искренностью, Кадир? И тогда, возможно, я расскажу тебе о сроках.

Она вздохнула и повернулась, отстраняясь от него так же легко, как сделала это с Халилом. Кад смотрел на нее, и кровь вскипела в его венах. Наложница думала, что может отвергнуть его?

Раф последовал за ней, и, обойдя ее, скрылся в холле. Какого черта он делает? Кад молился о том, чтобы он не привел Талиба, потому что тогда это было уже настоящее сражение.

— Я был честен с тобой, Пайпер. Я сказал, что люблю тебя. Я бы не стал заниматься с тобой любовью, если бы не намеревался провести с тобой всю свою жизнь.

Она немного повернулась.

— О, сильно в этом сомневаюсь. Думаешь, я так плохо тебя знаю Кадир? Признаю, я была наивна до этого момента, но сегодня я навела кое-какие справки. Кажется, ты

предпочитаешь блондинок. В большом количестве.

Он искренне сожалел о том, что не был более осмотрителен в ранние годы.

— Я не могу изменить свое прошлое. Я всего лишь мужчина.

— Ты каждую из них просил выйти за тебя? Подожди. Вы не просите. Вы просто пользуетесь тем, что ваши девушки не говорят на вашем языке. Вот почему тебе так нравятся шведки?

Она давила на него. Его злость начала усиливаться.

— Я могу лишь извиниться за свое прошлое.

— А за настоящее? За него ты тоже попросишь прощения?

— Нет. Если бы мы были честны, ты бы сбежала. Ты бы никогда не дала нам шанс. Но, Пайпер, разве ты не видишь, как ты справилась с Халилом? Тебе нечего бояться.

— Я не боюсь, Кад. Если я решу стать шейхой, буду лучшей из них. Никогда не недооценивайте меня. Я знаю, что немного наивна, но я несла за себя ответственность в течение очень долгого времени. Я должна была растить маленькую сестру, совмещая работу и колледж. И я думаю, именно поэтому это так волнует меня. Я не представляю, как вы можете любить, так мало думая обо мне. Вы обманом втянули меня в это. Вы даже не подумали, что я окажусь достаточно умной, чтобы разобраться во всем.

— Это не так. Мы просто были в отчаянии. Как ты можешь так думать? И как ты можешь не понимать, почему мы хотели избежать всего этого? Не прошло и дня, как ты стала нашей наложницей, а Халил уже пытается убедить тебя уйти. И он не будет единственным, кто это попробует.

Почему она не понимала этого? Она не знала этот мир так, как он.

— Я хотел оградить тебя от неприятностей.

— Вы не оградили бы меня от этого, Кад. Проблемы, подобные этой, невозможно утаить. Просто пришло время. Это случилось бы в любом случае. Вы не можете просто похитить новую невесту и ожидать, что никто не заметит этого.

Они стояли почти вплотную, лицом к лицу, и на ее щеках горел нежный румянец. Его заводил даже ее сердитый взгляд. Если он придвинется ближе хоть на дюйм, она сможет почувствовать его эрекцию. В ту минуту, когда он вошел в комнату, его член отвердел, устремившись к ней. Он был буквально помешан на ней. И она бросала ему вызов.

— Это не их дело.

— Это также и их страна, Кад. Вы не можете относиться к ней, как к вашей личной площадке для игр. И вы не можете относиться ко мне, словно к игрушке.

— Ты моя жена. Я буду относиться к тебе так, как мне нравится.

— Я не твоя жена, и, откровенно говоря, с каждым твоим словом вероятность того, что я стану ей, становится все меньше.

— Согласен, так что, будь добр, перестань болтать, братец.

Раф вернулся, и за ним следовало трое слуг. Они несли блюда с едой и толкали тележку с напитками. Рафик подошел прямо к Пайпер и опустился на одно колено.

— Хабибти, пожалуйста, поешь. Я слышал от слуг, что ты ни к чему не притронулась. Прошу тебя. Я боюсь за твое самочувствие.

Она посмотрела на него, и ее губы слегка изогнулись.

— Не думаю, что мне грозит голодная смерть в ближайшее время, Раф.

Кад с ужасом наблюдал, как его брат приложил ее руку к своей щеке.

— Пожалуйста, милая. Я принес твои любимые блюда. И вино, которым ты

наслаждалась в ту ночь. Это поможет тебе расслабиться. И, возможно, отвлечет от того, что мой брат ведет себя, как дикарь.

— Что ж, ну а ты ведешь себя, как болонка.

Какого черта делает Раф? Им нужно было довести борьбу с Пайпер до конца.

— Я пытаюсь вести себя, как муж, — парировал Раф, — полагаю, это принесет больше толку, чем крики.

Пайпер сузила глаза, бросая подозрительный взгляд на Рафика.

— Таким образом, ты даешь мне понять, что ничего из этой катастрофы не является твоей виной?

Раф покачал головой.

— Совсем нет. Это полностью наша вина. Мы совершили ужасную ошибку и можем лишь надеяться, что где-то в своем сердце ты сможешь простить нас.

Раф продолжал нести эту чушь, но Пайпер последовала за ним, когда он поднялся и повел ее к кушетке. Когда он предложил ей сесть, она согласилась. Раф тут же опустился на колени, обхватив ее изящную ножку рукой. Он быстро скинул с нее туфлю и принялся поглаживать ее.

— Я намерен провести остаток своей жизни, делая это для тебя.

Потребовалось лишь мгновение для того, чтобы Пайпер прикрыла глаза и расслабилась на диване, практически мурлыча.

— Боже, ты и в самом деле самый умный, брат.

Кад вздохнул. Вероятно, Раф будет единственным, кто окажется в ее постели этой ночью, если Кадир не последует его примеру.

Он зашел за кушетку, на спинку которой была запрокинута ее прекрасная голова, и погладил ее волосы.

— Я действительно люблю тебя. Я знаю, что не показывал этого так, как тебе, возможно, того хотелось, но это правда. Ты можешь дать мне еще один шанс?

Она не открыла глаз, но и не отвергла его.

— Ничего не получится без Талиба.

Он понимал это, но не знал, что следует делать.

— Ему нужно время.

— Наше время почти истекло, Кадир.

В эту секунду ее восхитительные глаза открылись, поражая его прямо в солнечное сплетение.

— Я должна принять решение в течение нескольких недель. Не думаю, что он так быстро влюбится в меня. Я понимаю, что поставлено на карту. Правда. Но я не думаю, что смогу выйти замуж за человека, который меня не любит.

— Раф и я можем любить тебя за всех нас.

Мысль о том, что они могли потерять ее, заставляла его желудок сжиматься. Впервые он по-настоящему задумался о том, что будет делать, если она скажет «нет».

Сможет ли он действительно ее отпустить? И будет ли способен когда-нибудь принять другую невесту? У них не осталось времени. Им придется выбрать одну из тех женщин, которых они рассматривали до Пайпер. Он был уверен, что одна из них будет готова продать себя за богатство Аль Муссадов, но Кадир уже не был уверен в том, что сможет поступить так же.

— Я не знаю Кад. Прямо сейчас я ни в чем не уверена.

Она села, и ее нога выскользнула из рук Рафа.

— Могу я выпить чаю? Не уверена, что алкоголь сейчас именно то, что мне нужно.

Раф взял чашку чая и подал ей.

— Все, что захочешь, Пайпер. И ты не обязана принимать решение сегодня.

Он присел на кушетку подле нее. Кад решил последовать примеру брата. Раф справлялся с этим гораздо лучше, чем он или Талиб. И, возможно, пришло время рассказать кое-что Пайпер о ее своенравном шейхе. Кад опустил на сиденье рядом с ней.

— Тебе нужно узнать нас получше.

Она слегка фыркнула:

— Узнать о вас было достаточно просто. Мне понадобилось лишь забить в поисковике ваше имя, чтобы натолкнуться на тысячу и одну девушку Аль Муссадов.

Он заслужил это. И, вероятно, их было более тысячи и одной, но он оценил ее иронию.

— Я говорил не об этом. Я лишь хочу провести с тобой время. Услышать о твоей жизни и рассказать о своей. За исключением моей личной жизни, о которой ты и так уже наслышана.

Раф послал ей ободряющую улыбку.

— Моя не была столь насыщенной. Я был слишком занят учебой.

Кадир закатил глаза:

— Да, он просто ангел, Пайпер. Что бы ты ни делала, не забивай в поисковике слова «Рафик» и «испанский ночной клуб».

Его брат фыркнул:

— Ты не должен был говорить ей этого.

— Я уже видела видео.

Вернув самообладание, Пайпер сделала глоток чая.

— Не могу поверить, что тебя не арестовали.

Раф пожал плечами:

— Полиция Барселоны становится довольно милостивой, когда им предлагают достойную взятку. Я просто не знал о камерах позади постаментов ди-джея. Я думал, мы были одни.

— Да, лишь он и три девушки. Совершенно одни.

Кад посерьезнел.

— Нет. Я говорил не о наших прошлых скандалах. Я имел в виду то, что случилось с Талибом, и то, как это до сих пор на него влияет. Пайпер, если бы ты только дала ему время. Он через многое прошел.

Она повернулась к нему, немного побледнев. Ее руки слегка дрожали, когда она поставила чай на поднос.

— Ты говоришь о повстанцах, державших его в плену?

Было неизбежно, что она прочитает и об этом. Их семья намеревалась сохранить все в тайне, но радикалы опубликовали видео Талиба Аль Муссада, сломленного, побитого и безмолвного.

— Да, — вздохнул Кад.

Хотя это случилось годы назад, он до сих пор помнил панику того дня.

— Тал отправился на одну из буровых площадок. Он делал это раз в месяц. Он предпочитал быть на короткой ноге с рабочими и любил находиться рядом с ними. Наши отцы отправили нас на буровые установки, когда нам исполнилось шестнадцать. Тал очень

любил работать руками. Они выяснили, где он должен был находиться, и привели с собой двадцать человек. Они убили агентов, охранявших Тала, и многих из наших работников. Они забрали его и личного помощника.

Лили. Милая британская девочка, которую он встретил в университете. Кад привез ее в Безакистан. Он никогда не относился к ней всерьез. Она была слишком бедна для Кадира, но он знал, что она была готова полностью отдаться брату. О чем он не рассказал Пайпер, так это о том, что Лили была больше, чем просто ассистенткой. Она была сабой Талиба в течение многих месяцев до того, как их похитили. После освобождения, Тал никогда не говорил о ней, но Кад читал отчеты.

— Она погибла.

Слова сорвались с губ Пайпер, подобно магниту, тянущему ее вниз. Она покачала головой.

— Простите. У меня начинает кружиться голова всякий раз, когда я думаю об этом. Вы полагаете, его заставили наблюдать за этим?

Раф взял ее руку в свою.

— Да, хабибти. Я думаю, они вынудили моего брата наблюдать ее муки, и это стало его собственной пыткой.

— Он любил ее? — спросила Пайпер.

Кад покачал головой. Она подобралась к истине ближе, чем он готов был ей позволить.

— Вовсе нет. Он заботился о ней и чувствовал себя ответственным за нее. У них были отношения, выходящие за рамки деловых, но он не любил ее.

Пандора приложила руку к голове, ее голос немного дрожал.

— В тех статьях, которые я прочла, говорилось, что с Талом было все в порядке.

— Мы держали прессу в неведении. Нам помогли американские военные. Был задействован морской патруль. Они прорвались внутрь, потеряв несколько человек. В самый разгар столкновения, мой брат и один из спецназа, человек по имени Коул Леннокс, отделились от команды. Их преследовали в течение нескольких дней, пока Коулу не удалось доставить его обратно в страну.

— Его удерживали не здесь? — спросила Пайпер.

— Нет. Он был захвачен в соседней стране. Именно поэтому американские военные хотели сохранить все в тайне, — пояснил Раф.

— Таким образом, история, которую получила пресса, заключалась в том, что Талибу удалось самостоятельно сбежать через две недели после фактической даты его спасения. Мы привели его в порядок, и он не появлялся перед камерами до тех пор, пока не смог улыбаться и хоть отчасти походить на себя прежнего.

Кад подумал о той пустой оболочке, которой был брат в те дни после его спасения.

Он сидел на своей постели, безмолвный и немигающий, в течение нескольких дней, словно попав в свой личный ад.

— Я не думаю, что он полностью оправился, хабибти. Так что, пожалуйста, дай ему некоторое время. Пожалуйста, дай нам шанс.

— Я не знаю, — она попыталась встать, — мне нужна минутка.

Кад поднялся вместе с ней.

— Пайпер, пожалуйста, присядь. Ты выглядишь такой бледной. Рафик, ей нужно поесть.

— Я не могу. Помогите. Кажется, я сейчас...

Она так и не закончила фразу. Наложница потеряла сознание, и ее тело рухнуло,

подобно кукольной марионетке, у которой обрезали нити.

Кад поймал ее в свои объятия, в то время, пока Раф звал на помощь.

Талиб смотрел на свою спящую наложницу. Она казалась хрупкой и более уязвимой, чем прежде. Он осознал, что ее сила была одной из тех черт, которые шейх любил в девушке.

Точнее, которая импонировала ему. Ему нравилось это в ней. Он, черт побери, отнюдь не собирался ее любить. Ему просто нельзя этого делать.

— Она в порядке, Ваше Высочество, — произнес врач, стоявший подле него у изголовья постели. Доктор Хамуд был тем, к кому Тал испытывал абсолютное доверие. — Я взял у нее немного крови: собираюсь проверить ее на токсины, но, полагаю, это лишь следствие нескольких напряженных дней, выпавших на ее долю. Ее сердечный пульс возвратился к норме. Сейчас она отдыхает.

Да, она отдыхала, но он сомневался, что всему причиной был лишь стресс. По его мнению, то, что будущая шейха заболела на следующий день после обручения, было больше, чем случайностью.

— Спасибо, доктор. Мы хорошо о ней позаботимся. Пожалуйста, свяжитесь со мной сразу же, как только вам станет что-либо известно.

Грудь Пайпер поднималась и опускалась в изящном ритме симфонии жизни. Тал не мог не смотреть на нее и не задаваться вопросом, что же было в ее снах. Было ли ей интересно, какой была бы ее жизнь, если бы они не привезли ее сюда?

Он шагнул обратно в гостевую зону номера, который делил сейчас с братьями и Пайпер. Она была заполненной. Раф и Кад наматывали круги, оба были побледневшими от волнения. Алия стояла возле окна. Дэйн и Купер тихо разговаривали, совещаясь. Лэндон прислонился к стене, устремив взгляд на Алию. Казалось, этот телохранитель был не в состоянии сосредоточиться на чем-либо, кроме нее.

Сейчас Тал был не в состоянии даже думать об этой проблеме. Он двинулся к Дэйну, Рафу и Каду, присоединившись к ним в ту минуту, как они поняли, что он вошел. Дэйн поднял голову, расправив плечи.

— Сэр.

— Что вы обнаружили?

Рот Дэйна сжался в прямую линию.

— Не много. К тому времени, как мы сюда добрались, кто-то успел все подчистить. Лэндон спустился на кухню, но даже посуда была уже вымыта и убрана. Не думаю, что нам удалось бы что-нибудь на ней обнаружить, даже если бы мы знали, какая именно была в использовании.

Раф побледнел.

— Я убью его.

И это послужило бы началом грандиозного политического скандала.

— У нас нет никаких доказательств причастности Халила.

Кад сжал кулаки.

— Он был с ней здесь, когда мы пришли. Этот ублюдок пришел на нашу территорию и заговорил с нашей женой, даже не удосужившись известить нас. Нам не нужны гребаные доказательства.

Талиб обуздал свой гнев, тогда как его братья, похоже, были решительно настроены поддаться своей ярости. Однако было необходимо указать им на некоторые факты. Факты,

которые крутились в его голове с того момента, как они сообщили ему о недомогании Пайпер.

— За нами следит пресса, Кадир. Все взгляды устремлены на нашу семью. Ты видел заголовки? Она еще не стала нашей женой. Они заведут речь о варварах, которые убили мужчину лишь потому, что тот просто заговорил с их наложницей.

Халил был причастен к этому. Талу было наплевать на то, что сказал врач. Она прекрасно себя чувствовала в течение всего дня, и, да, она была напряжена, но отнюдь не больна. Просто пока он не мог доказать вину кузена.

— Мы допросили персонал. Никто не помнит, кто подавал чай, — сказал Дейн.

Раф провел рукой по лицу.

— Ахмед готовил еду для шейхи. Он находится с нами с тех пор, как мы были еще детьми.

— Это не Ахмед, — повернулся Тал. — И я только что сообщил персоналу, что шейха не станет есть ничего, что не будет одобрено Ахмедом.

Алия стояла, прижав руку к сердцу.

— Халил обычно приводит с собой одного или двух служащих, когда посещает дворец. Им было бы несложно проскользнуть на кухню. Большинство высокопоставленных политиков сопровождают собственные слуги.

Тал зарычал.

— С этим покончено. Я не могу закрыть дворец, но я могу ограничить доступ посторонним. Больше никаких слуг. Им придется ограничиться нашим штатом сотрудников.

Он знал каждого члена персонала в лицо и по имени. Если Талиб увидит хоть одного постороннего человека, то не будет в ответе за свои действия. Пайпер все еще дышала, но Тал был уверен, что случившееся было покушением на ее жизнь.

— Мы не можем отстранить Халила от посещений королевской резиденции? — спросил Кад.

— Мы можем ограничить ему доступ в частные комнаты. Я уже отдал приказ. Никто, кроме членов семьи, не будет допущен в частную зону. Я не могу отстранить от дворца законно избранного члена правительства. Вы понимаете, как воспримет это пресса? Предоставьте мне любые доказательства, и я буду действовать, исходя из них.

Им овладели темные мысли. Он мог действовать прямо сейчас. Шейх встретился глазами с Дэйном, и понял, что американец был бы не прочь урегулировать эту проблему. Дэйн сделал бы это тихо, но Тал беспокоился, что это повлечет за собой толки.

Пока не заключен брак, он ни черта не мог предпринять, не имея никаких доказательств. Талиб должен подождать, пока не утихнут СМИ. Тогда уже никому не будет дела до того, что не заслуживающий внимания член парламента, связанный с королевским домом, был убит в своей постели. Тал огорченно покачал головой своему начальнику безопасности.

Дэйн нахмурился, его лоб пересекли борозды, словно у хищника, которому отказали в обеде.

— Я хочу, чтобы за ней следила охрана, — заявил Кад.

Дэйн кивнул:

— Я вызвал несколько друзей. Они будут здесь через несколько дней. До тех пор этим займется Лэндон.

— И Купер, — сказал Тал.

— Тал... — начал было спорить Дэйн.

— Она важнее, — здесь шейх не собирался терпеть неповиновения. — Они будут наблюдать за ней, и заботиться о ее безопасности. Она имеет большую ценность, чем я. Если она умрет, у меня не будет ни короны, ни трона, а я не намерен брать другую жену. Ты понимаешь о чем я говорю?

Кад вздохнул:

— Слава богу. Это заставляет меня чувствовать себя лучше.

— Что мы ей скажем? — спросил Раф. — И правильно ли мы поступаем? Я боюсь за нее.

Тал боялся за всех них. Он чертовски хорошо знал, что может случиться с женщиной, которая важна для братьев Аль Муссад. Он все еще мог видеть тело Лили, разбитое и сломанное. Она плакала, умоляя о том, что он не мог ей дать. Он не любил ее. Она не завладела его гребаной душой так, как Пайпер, но он чувствовал ее смерть. И эта вина давила на него.

Поэтому он просто не мог позволить Пайпер уйти.

— Она будет в порядке. После того, как наш брак станет полностью правомерным, у Халила не останется шансов и он перестанет быть проблемой.

Как только их брак урегулируется, он тихо устранил Халила. Это забавно. Он избегал этого все эти годы. У него были свои подозрения насчет кузена, но стоило Пайпер оказаться в опасности, шейх отбрасывал всякое чувство справедливости и хотел лишь, чтобы ублюдок убрался с его пути.

Что с ним происходит? Он не мог выкинуть ее из головы весь день. Он до сих пор чувствовал, как она сжимает его член, выжимая из него каждую унцию соков. Он никогда не испытывал прежде того, что чувствовал, занимаясь любовью с Пайпер. Точнее, занимался сексом. Проклятье. Он занимался с ней сексом. Лишь телесная функция, консумация их предстоящего брака.

Так почему же его сердце было готово выпрыгнуть из его гребаной груди при одной лишь мысли о ней? Почему его дыхание прерывалось, когда она входила в комнату? Он был совершенно другим человеком, когда разговаривал с ней посредством компьютера. Это было просто. От него не требовалось быть шейхом. Он мог говорить о том, что любил — об энергетической экономике. И она говорила на его языке. Истинного друга. Партнера.

Это было подобно предательству, когда он обнаружил, что она так чертовски соблазнительна.

Она не должна была возбуждать его. Она должна была успокаивать его, черт побери. Это должно было стать партнерством, но он не чувствовал себя ее партнером. Он чувствовал себя ее мужем, выведенным из себя, доведенным до крайности собственником.

— Я не уверена, что он остановится, — отошла от окна Алия. Ее лицо было мрачным, когда она посмотрела на братьев, — и не думаю, что его остановит брак, имеющий законную силу. Он лишь предпримет еще одну попытку убить ее.

Раф повернулся к ней и обхватил ее за плечи:

— Мы не знаем наверняка, что он пытался навредить ей, милая.

Лицо Алии вспыхнуло, и ее кожа покрылась румянцем.

— Не опекай меня, Раф. Думаешь, я не знаю, что происходит? Не знаю, кто стоит за похищением Талиба?

Теперь краснеть настала очередь Талиба. В нем бушевали эмоции, но он пытался

выглядеть спокойным. У него были собственные подозрения, но он не говорил о них своими братьями. Однако Алия еще не закончила.

— И я также виню его за то, что случилось со мной. Я ни черта не могу доказать, но никому, за исключением консульства, не было известно, куда я пошла в ту ночь. Я получила сообщение из консульства, где говорилось, где мне следовало быть и когда. И, вот сюрприз, кузены, но единственный человек, которого я встретила, совершил мое похищение.

— Алия? — Дэйн шагнул вперед с выражением ярости на лице.

Она вытянула руку:

— Не надо. Это выше моих сил. Что бы Халил ни сделал со мной, теперь это не имеет значения.

— Это, мать его, важно для меня, — сказал Купер.

На глаза Алии навернулись слезы.

— Ничто, касающееся меня, не имеет сейчас значения. Но Пайпер — совсем другая история. Она не должна проходить через все это. Почему вы выбрали кого-то вроде нее? Для нее не существует понятия обмена. Она лишь хочет быть любимой. Она не должна беспокоиться о своей жизни лишь потому, что породнилась с нами.

Лэндон, Куп и Дэйн выглядели готовыми окружить собой его кузину, но Тал должен был положить этому конец. Алия не была готова к отношениям, тем более к тем, в которые были вовлечены трое закаленных солдат.

— Я не допущу, чтобы что-то случилось с Пайпер, Алия. И Дэйн будет следить за любимыми контактами Халила с консульством в Нью-Йорке.

— О, я обязательно исследую их, — проворчал Дэйн под нос.

Тал повернулся к нему, не повышая голоса. Ему было необходимо поговорить с Дэйном и объяснить ему, что Алия не была готова дать ему то, что Дэйн от нее хотел.

— И твои исследования ограничатся лишь наблюдением, друг мой. Никогда не забывай, что она принцесса.

Глаза Дэйна ожесточились, и он сделал шаг назад, приняв строго профессиональный вид.

— Конечно, сэр. Ведь члены королевской семьи никогда не влюбляется в простолудинов. В конце концов, ваша шейха обладает голубой кровью. Куп, Лэн, давайте обойдем периметр. Я так понимаю, здесь мы больше не нужны.

Его телохранители, парни, которые были его ближайшими друзьями на протяжении последних нескольких лет, повернулись и вышли. Они будут действовать, как профессионалы, Тал знал это, но он боялся, что, поддавшись своей ярости и страху, он что-то разрушил между ними.

Так много ломалось в его жизни. Его мир. Отношения с друзьями. И он даже не хотел думать о своем сердце, которого, как он был уверен, уже лишился.

И слова Алии пробрали его до костей. Неужели Талиб не усвоил урок? Неужели смерть Лили не научила его, что ни у одной женщины, которая будет важна для него, не будет покоя?

Алия сделала глубокий вздох.

— Тал, забудь о том, что я сказала. Мне жаль. Иди дальше и не уступай свой трон лишь потому, что Халил попытается навредить любой женщине, на которой вы женитесь. Вы не можете позволить ему одержать эту победу. Я просто очень люблю Пайпер. Она так добра. Я не могу думать о том, что она может пострадать. Такое ощущение, словно наша семья

проклята.

— Мы не прокляты, — возразил Раф резким голосом, — но мы должны кое о чем позаботиться. Тал прав. Мы не можем убить его сейчас. У нас нет никаких доказательств, что ее отравили. Врач сказал, что это может быть следствием нервного напряжения. Я не верю в это, но мы должны следовать нашим законам.

— Какое-то время, — произнес Кад.

Из спальни раздался слабый женский стон. Пандора. Его братья практически ринулись в комнату, оставив его наедине с Алией.

— Ты должен пойти и взглянуть на нее, — сказала сестра. Ее глаза устремились на дверь, у которой сейчас располагался Лэндон.

Тал знал, что должен быть там со своими братьями, но он также знал, что тогда произойдет. Он заберется на постель к Пайпер, и будет держать ее в своих объятиях, все больше погрязая в той пропасти, ступать в которую у него не было ни малейшего намерения.

— Они о ней позаботятся. Мне предстоит встреча, на которой необходимо присутствовать.

Брови Алии выгнулись над темными глазами:

— В самом деле? Скажи мне, что происходит, Талиб. Я не идиотка. Я знаю, что ты чувствуешь что-то к этой девушке. Ты непрерывно говорил о ней на протяжении нескольких месяцев до того, как привез ее сюда. И теперь ты отстраняешься?

Он не отстранялся. Он никогда по-настоящему не был близок с ней.

Лжец. Чертов лжец. Ты был с ней всеми возможными способами прошлой ночью. «Она подарила тебе драгоценный дар, и ты хочешь смешать его с мусором, потому что не можешь смириться с мыслью о том, что она узнает, кто ты есть на самом деле. Ты не заслуживаешь ее. Ты должен был купить невесту и заставить братьев принять ее, или же оставить семью».

Отвращение к самому себе поднялось желчью в горле. Если бы он был хоть наполовину мужчиной, то велел бы ей уйти, но не мог. Он будет защищать ее. Он позволит братьям любить и обожать ее, и быть ее истинными супругами. А старший Аль Муссад будет тем, кем стал после своего пленения в той яме, когда был вынужден узнать свою истинную сущность. Он будет шейхом.

— Я говорил о ней в связи с работой, Алиа. И не пытайся заставить меня раскрыть свою душу, — он не был уверен, что вообще обладал таковой. — Или, может, ты хочешь поговорить о том, что случилось с тобой? Нет? Не принимай меня за помешанного, кузина. Мы в одной лодке, ты и я. Думаешь, я не вижу, как ты смотришь на моих телохранителей?

Глаза Алии расширились:

— Я не смотрю на этих дикарей.

— О, ты смотришь. Ты пожираешь их глазами, кузина. И тут же отправляешь их прочь. Так что, до тех пор, пока ты не будешь готова разобраться со своей жизнью, держись подальше от моей.

Тал повернулся и вышел прочь из комнаты, его внутренности свело судорогой. Он жаждал войти в комнату Пайпер, чтобы быть с ней и братьями, в их зарождающейся маленькой семье. Но он не заслуживал семьи. Его преследовали безжизненные глаза Лили и зрелище ее страданий. Он будет защищать Пайпер во что бы то ни стало. Даже от самого себя.

* * *

Два дня спустя Пандора чертовски устала от того, что с ней обращались, как с

инвалидом. Она испытывала легкое недомогание, и теперь Раф и Кад не выпускали ее из постели. Они делали все за нее, совершенно сводя девушку с ума. Она прекрасно чувствовала себя уже на следующий день после обморока, но они настояли на полном выздоровлении.

— Тебе что-нибудь принести? — спросил Раф, смотря на нее нежным взглядом. Кад пошевелился подле нее, уткнувшись носом в ее правую руку. Она привыкла чувствовать себя окруженной ими. Ни один из них не покидал ее в течение нескольких дней.

Но Талиб зашел лишь убедиться, что она ни в чем не нуждалась. Он не оставался с ними на ночь.

— Ты мог бы принести мне расписание встреч, — она попыталась послать ему лучезарную улыбку.

Мужчина нахмурился:

— Я так не думаю.

Что ж. Она могла так же хмуриться в ответ.

— Раф, вы не позволяете мне работать. По-вашему, таким должен быть брак?

Из его груди вырвался долгий вздох. Она могла различить следы усталости на его лице.

— Нет, Пайпер. Я лишь пытаюсь заботиться о тебе.

И он прекрасно справлялся с этим. Она провела своими руками по его.

— Я не могу вечно оставаться в постели, Раф. Вы должны позволить мне быть собой. Если все, чего вы хотите, это иметь милую игрушку в своей постели, тогда вам нужна не я, — она надула губки, вспомнив предыдущую ночь. — Хотя, не похоже, что вы заинтересованы в постельных развлечениях.

Раф улыбнулся, и коснулся рукой ее щеки:

— Так ты поэтому расстроена?

Кад неожиданно пробудился, и его рука обвилась вокруг ее талии.

— Не думаю, что мы и дальше должны расстраивать Пайпер. Я думаю, ты был прав, Рафик. Мы должны дать ей все, чего она желает.

Наложница могла чувствовать жесткую длину эрекции Када, прижимающейся к ее бедру. Ее обуял жар, и ее плоть стала мягкой и влажной. Но ей было нужно больше, чем секс. Два дня она не могла выбросить Талиба из головы, и ей нужны были ответы.

— Думаю, я хочу немного поговорить.

Она откинула голову назад, отдаваясь объятиям Када. Близость. Это стало ее новым любимым словом. После нескольких лет глубокого одиночества, она упивалась их обволакивающими прикосновениями. Ей, вероятно, следовало еще сердиться на них, но это было чертовски трудно, когда они заставляли ее чувствовать себя такой обожаемой.

Кад коснулся губами ее щеки:

— О чем ты хочешь поговорить, хабибти?

Раф присоединился к ним, хотя уже был в костюме. Он прижался к ней с другой стороны, коснувшись носом ее волос. Он вдохнул, словно ее запах успокаивал что-то глубоко внутри него.

— Мы можем говорить с тобой о чем угодно.

— О Талибе.

Имя произвело эффект разорвавшейся бомбы. Братья замерли, но не отстранились. Несмотря на то, что между ними не было никакого физического расстояния, Пайпер чувствовала разверзнувшуюся эмоциональную пропасть.

— Я думаю, тебе следует поговорить с Талибом, — предложил Кад.

— Ага, и Тал, конечно же, откроется передо мной, — на Пайпер нахлынуло разочарование. — Слушайте, я пытаюсь дать нам еще один шанс, но это довольно проблематично, когда Талиб едва смотрит на меня. Я не требую от него находиться рядом со мной на протяжении всего дня. Он занят. Я понимаю это. Неужели этот брак будет именно таким? Я буду замужем за вами двумя, а Тал будет просто заниматься с нами сексом?

Кад тихо простонал:

— Нет. Ты будешь замужем за Талом. Уверю тебя, он отнесется к этим клятвам со всей серьезностью. Он не будет тебя обманывать, если это то, что тебя беспокоит. Что до меня и Рафа, мы не хотим другую женщину. Мы слишком заняты, пытаюсь оказаться в тебе.

— Я не сказала, что беспокоюсь о его искренности. Я беспокоюсь о том, что у меня будут три мужа, один из которых даже не будет подозревать о моем существовании, пока не окажется на мне.

Многим женщинам было бы все равно. Они бы считали себя счастливицами из-за того, что все трое были богаты, красивы, и невероятны в постели. Но Пайпер не могла. Однажды она уже была помолвлена с женихом, который не желал ее. Он лишь пытался угодить своим родителям, а Пайпер обладала хорошей репутацией. Пайпер также подозревала, что ее почти состоявшаяся свекровь полагала, что ее будет легко контролировать.

Так чем же отличался Тал? Он женился на ней лишь потому, что это было необходимо его стране. Выбор пал на нее, поскольку у нее было достойное образование и верные идеалы, и его братья полагали, что она сексуальна. Она была без ума от Тала на протяжении многих месяцев еще до того, как встретила его. Даже в то время, когда она знала его лишь по низкому, сексуальному голосу по телефону, или потоку мудрых изречений и молниеносному интеллекту в их переписке, она сходила с ума по нему. Ей не нужно было видеть его лицо, чтобы понять, как сильно он ей нравится. И этот мнимый мужчина был жив где-то внутри него настоящего.

Но шейх, очевидно, не испытывал того же по отношению к ней. И она не была уверена, что сможет так жить всю оставшуюся жизнь.

— Ему нужно время, — воззвал Раф.

— У меня нет времени. Я должна принять решение, — ответила Пайпер. Каждый раз, когда она думала об этом, ее сердце сжималось, потому что она была чертовски уверена, что у нее не было выбора, как такового. Она была поставлена в ужасное положение, но Тал был прав. Неужели она на самом деле собиралась превратить в хаос жизнь мужчин, которых любила, из-за необходимости найти новую невесту за несколько дней, или же лишиться трона? Была ли она готова ввергнуть страну в хаос, потому что не была любима так, как хотела того?

Боже, она только что подумала об этом. Она любила их. Она пыталась держаться подальше от слова на букву «Л» даже в мыслях, но было поздно. Она могла никогда не произносить этого вслух, но правда уже проникла в ее сердце.

— Ты действительно оставишь нас? — спросил Кад.

Раф протянул руку.

— Это ее решение. Позволь ей сделать его самостоятельно.

Девушка фыркнула, уже привыкнув к подобной от себя реакции за последние дни.

— В действительности, у меня нет выбора, и вы знаете это.

На лице Када медленно расплылась улыбка, и он приник к ней, опустив голову ей на грудь и прижав Пандору к себе.

— Хорошо.

Она посмотрела на эту черную шелковистую шевелюру и не смогла удержаться от того, чтобы пробежаться по ней пальцами.

— Вас не беспокоит то, что я чувствую себя насильно вовлеченной в этот брак?

Она почувствовала его смешок на своей коже.

— Вовсе нет, хабибти. Мы оказались достаточно умны, чтобы поймать тебя. И мы будем достаточно умны, чтобы сделать тебя счастливой в этом плену.

— Я всегда знал, что ты способен научиться, Кад, — теплое дыхание Рафа коснулось ее уха, посылая по ней дрожь. — Мой брат совершенно прав. У нас есть вся наша жизнь, чтобы доказать, что ты никогда не пожалеешь о том, что была пленена для этого брака.

— Пленена? Вам не пришлось сильно напрягаться. Можно сказать, я пленилась сама, — она удовлетворенно вздохнула. По крайней мере, это было прекрасное чувство. Но она по-прежнему беспокоилась о Талибе. Возможно, Пандора могла изобрести свою собственную ловушку. — Я хочу узнать, что нравится Талу.

— Ему нравишься ты, Пайпер, — ответил Раф.

— И ты, определенно, нравишься мне, — Кад опустил руку на ее грудь, потянув за шелковистую ночнушку и обнажив сосок.

— Что ему нравится в постели? — пробормотала Пайпер, ее кожа вспыхнула, когда Кадир принялся сосать сосок. Жар пронзил ее кистку. Да, она скучала по этому.

— Тебе лишь нужно оставаться такой же сладкой, как всегда, — Раф погладил ее другую грудь.

Они отвлекали ее.

— Я хочу знать, как соблазнить Талиба, и вы скажете мне это, или я положу конец всему веселью. А теперь расскажите мне все о порке.

Она не хотела этого, но она прервет игру, если они не начнут говорить. Это было слишком важно, чтобы игнорировать. Тал возбуждился, шлепая ее. Что еще будоражило его кровь? Как могла она использовать его темные желания, чтобы устроить для него ловушку, предназначенную для того, чтобы скинуть с него эту вежливую маску, которую он носил? И чтобы помочь ему влюбиться.

Раф обнял ее.

— Мой брат любит играть... в определенные игры.

— БДСМ.

Она не была глупа. Наряду с брачными законами Безакистана, Пандора забила слово «порка» в поисковой системе и получила шокирующее количество чистой порнографии, что, возможно, наряду с некоторыми довольно информативными статьями о БДСМ, заразило ее компьютер венерическим вирусом.

Раф приподнял бровь, и Пайпер была рада, что смогла удивить его.

— Да, — признался он, — каждый из нас любит это в какой-то степени. Моего брата больше интересует часть с доминированием и подчинением.

Слава Богу, у нее был Раф, потому что Кад уже преследовал другую цель. Казалось, он вознамерился свести ее с ума. Он ласкал соски, отчего те становились твердыми и чувствительными. Он покусывал и заигрывал с ними, и, казалось, совершенно игнорировал ее разговор с Рафом.

— У него были сабы? — спросила она, вспоминая слова, упоминающиеся в статьях.

Раф ментально закрылся, а Кад замер. И вдруг все встало на свои места.

— Лили?

— Да, — ответил Кадир низким голосом. — Она была его сабой, но ты должна понять, что именно это значит.

Пайпер была чертовски уверена, что понимала.

— Это значит, что она играла с ним. Это значит, что они следовали определенным правилам. Это выходило за пределы спальни?

Кад удивился:

— Откуда ты знаешь? И, нет, они встречались для игры, но Тал не хотел отношений вне спальни. Я не был заинтересован в том, чтобы дать Лили то, чего она тогда хотела.

— Кад встретил ее в Лондоне, в клубе, — пояснил Раф.

— Фетиш клубе? — она чуть не рассмеялась при виде их удивленных лиц. — Я умею читать, парни. И я читала об этом. Кажется, порка является характерной для подобных отношений. Так Лили захотела большего, чем был готов дать ей даже Тал?

— Когда я впервые встретил Лили, она была согласна просто играть, — пояснил Кад. — Она была довольно независима. У нее была хорошая работа в качестве личного помощника генерального директора. Она была забавной. Она хотела увидеть мир, так что я привез ее домой, и Талиб тут же ее нанял.

Пайпер удалось заполнить пробелы. Лили влюбилась в красивого шейха и захотела большего.

— Она пожелала стать его рабыней?

Она выяснила, что в БДСМ это было равносильно браку. Это подразумевало глубокую и прочную связь.

Кад напрягся, и вина омрачила его черты.

— Я думал, что это будет развлечением для них обоих. Я знал, что она не для меня, но она могла осчастливить Тала на некоторое время, и самой получить что-то взамен. Но шесть месяцев спустя он стал несчастен. Она цеплялась и ревновала к каждому, включая меня и Рафа.

Кад снова положил голову на ее грудь, словно нуждаясь в утешении. Ее ладонь коснулась его волос, откидывая их с его лица.

— Все хорошо. Ты не хотел, чтобы она пострадала, — сказала Пайпер.

Казалось, Кад немного успокоился.

— Тал чувствовал ответственность за нее. У нее был опыт подобных отношений, но она утверждала, что он был ее первым Домом. Теперь мы знаем, что это было ложью, но в тот момент он испытывал по отношению к ней глубокое чувство долга. У него и прежде было несколько сабмиссивов, но не рабов. Он намеревался отпустить ее. Ему просто необходимо было найти способ сделать это, как следует.

Очевидно, Тал относился к своей сабе с серьезной ответственностью, даже если не был в нее влюблен. Хотя, она не могла быть уверена, что он не любил ее. Как его братья могли знать, что происходило в его сердце? Тал верил в жертвенность для своей страны и для своих братьев. Он смог бы пожертвовать своей любовью, если бы был уверен, что его братья не смогут принять ее в качестве жены.

— Она погибла прежде, чем он смог закончить их отношения.

Раф и Кад обменялись долгим взглядом, словно раздумывая о том, следует ли скрыть что-то от нее.

— Если мы хотим, чтобы она стала членом нашей семьи, мы должны относиться к ней

соответствующе, — произнес Раф. — Она должна знать все.

Кад тут же кивнул.

— Нам удалось многое скрыть от прессы. То, что случилось, было сущим кошмаром. Они захватили Лили вместе с Талибом. Он не говорит об этом. Я думаю, ее пытали на его глазах, чтобы сломить его.

На ее глаза навернулись слезы. Талиб не отпустит свою вину. Это ранило его больше, чем любая физическая боль.

— Как ужасно для них обоих.

Он скучал по Лили? Любил ли он ее до глубины души? Скорбел до сих пор? И было ли это причиной того, что он не мог открыться Пайпер?

Раф повернулся, приблизив к ней свое лицо.

— Пайпер, это было ужасное время, и я не уверен, что он полностью пережил все это. Он не принял другую сабу. Не думаю, что он вообще играл, и я полагаю, что от этого его жизнь опустела. Ему необходимо пространство, где он может властвовать. Я знаю, это звучит дико. Он шейх, но вся его жизнь продиктована долгом к своей стране, законами и традициями, прессой и нашей экономикой. В его игровой комнате, он может думать лишь о своих потребностях и желаниях той женщины, которая доставляет ему удовольствие.

— Дело было не только в удовольствии, — Кад приподнялся. — Речь шла о доверии. Он нуждался в том абсолютном доверии, которое получал от своих саб. Мне не нужен подобный контроль, как Талу, но я играл достаточно, чтобы понять, чем его привлекала такая доверительная связь. Его жизнь трудна. Он работает дни напролет. Он нуждается в отдыхе, но не позволяет себе этого. Ночь нашего соединения была единственной, когда я видел Тала расслабленным. Он спал. Хотя с тех пор он больше не спит в достаточном количестве. Я знаю, ты злишься. Я знаю, ты чувствуешь себя так, словно мы предали тебя.

Она послала ему нежную улыбку, коснувшись его щеки.

— Я думаю, вы выбрали кратчайший путь к успеху. Это вывело меня из себя, но мы все знаем, я никуда не уйду. Полагаю, вы знали, что если вам удастся привезти меня сюда, я уже не смогу отступить.

Потому что она беспокоилась о мужчинах рядом с ней. Потому что она любила их. Потому что она их любит с тех самых пор, как повстречала. Потому что это было путешествием всей ее жизни, и оно привело ее к трем восхитительным мужьям. Она не собиралась убежать лишь потому, что была напугана. Она намеревалась бороться. Тал полагал, что она была безопасным вариантом. Что ж, возможно, пришло время доказать ему, что он встретил достойного противника.

Раф прижался к ее лбу своим.

— Я знаю, что должен извиниться, но если я проведу с тобой остаток своей жизни, то оно того стоило. Я бы пошел на худшие преступления, если бы это было необходимо, чтобы привести тебя в нашу семью, потому что я верю, ты можешь спасти нас. Кад и я уже любим тебя. Я думаю, что и Тал тоже. Будь достаточно сильной, чтобы держать нас вместе.

Сильной. Это было то самое слово, которое она никогда не применяла по отношению к себе, но сейчас она видела Пайпер Глен их глазами. Глазами Минди. Она оказалась достаточно сильной, чтобы спасти свою крошечную семью, чтобы остаться верной своим родителям. И она может быть верной своему сердцу. Она может создать свою семью, свой новый мир. Она лишь должна быть достаточно умной и храброй, чтобы это случилось.

Наложница поцеловала Рафа, выражая прощение. Было глупо злиться, когда она тоже

любила их. Они задумали свою игру и достаточно рисковали, чтобы удержать ее. Они предлагали ей нечто особенное. Любовь. Сумасшедшее светлое будущее. Целую страну, чтобы править ею. Как могла она отказаться от всего этого?

Рука Рафа погрузилась в ее волосы и его язык скользнул в ее рот. Похоже, Тал был не единственным, кому требовалось немного господства. Раф нежно потянул ее за волосы, завладев ее ртом. Кад устремился к ее груди, вновь лаская, подергивая и покусывая.

Пандора отбросила все заботы. Здесь им не было места.

Пайпер повернула ключ в замке и проскользнула за дверь. В темноту. Эта комната была темной, в то время, как почти каждое второе помещение во дворце было залито солнечным светом. Она сделала, как велел Раф, и закрыла дверь прежде, чем начать искать переключатель, чтобы никто не заметил, что она включила освещение. Девушка провела рукой по стене слева от себя, и наткнулась на выключатель. Она нажала на рычажок.

Вау. Так вот, что парни имели в виду, говоря о подземелье.

Вся комната была обита панелями из темного дерева, а полы покрыты черным мрамором. Она была рада, что не надела обувь. Практически любой звук разнесся бы по этой комнате подобно удару хлыста. Наложница опасалась, что даже громкое дыхание звучало бы здесь оглушающе.

Она попыталась оценить комнату с точки зрения логики. Пандора провела эту ночь в объятиях Рафа и Када, но утро было посвящено изучению Талиба, а точнее, одной его особенности. Она досконально изучила информацию о БДСМ и всех сопутствующих игрушках в интернете. Девушка узнала скамейку для порки. Ею была обитая кушетка, позволяющая привязать руки и ноги сабы, в то время, пока ее попка оставалась бы открытой для Дома. На стене располагался большой крест. Она покопалась к памяти. Крест Святого Андрея. Она видела короткое видео, где Мастер порол женщину, привязанную к такому кресту. Он был настоящим экспертом по этой части и не оставил ни единого рубца на плоти сабы, но погрузил ее в состояние некоей эйфории, называемое сабспейсом, одновременно пугающее и интригующее.

Неужели той первой ночью с Талибом она была близка к этой черте? Сабспейсу? Через какое-то время, казалось, боль от порки начала ослабевать, и каждый удар его ладони оказывал почти успокаивающее воздействие. Она не нуждалась в чьем-либо контроле над собой. И даже не хотела этого. Она лишь хотела угодить ему и получить ответное удовольствие. Забыв обо всем, доверившись ему и отбросив все переживания о том, как она выглядела, или действовала, или о том, что подумают другие, она испытала истинное умиротворение

В некоторой степени, она хотела возвратиться в то место, и ей казалось, что Талиб был единственным, кто мог вновь привести ее туда.

— Не желаешь объяснить, почему ты здесь?

Она чуть не закричала при звуке мрачного голоса Тала, разорвавшего тишину.

— О, ты до смерти меня напугал.

Шейх посмотрел на нее темным, подобно ястребу, взглядом хищника.

— Тебе не следует здесь находиться.

— Как ты узнал, что я здесь? — спросила Пайпер, удивившись, что он появился так быстро. Неужели дверь была на беззвучной сигнализации?

— Я следил за тобой. Я заметил тебя, когда выходил с пресс-конференции. Хотел убедиться, что тебя не настигнут неприятности, — его прищуренные глаза сказали ей о его недовольстве. На самом деле, он был просто в ярости. — Но вижу, ты сама их искала. Эта дверь заперта. Как ты попала внутрь?

Ярость Талиба была неистовой. Возможно, это было огромной ошибкой. Она хотела немного заглянуть в его душу, но он выглядел доведенным до бешенства. Его лицо

покраснело до багрового цвета, а руки сжались в кулаки.

— Мне очень жаль, — ее голос больше походил на писк.

— Я не просил извиняться. Я просил объяснений. Эта дверь обычно заперта. Кроме меня, ключ есть лишь у моих братьев, поэтому я хотел бы узнать, кто из них меня предал.

Она не сошла с места, когда он двинулся вперед. На нем были его обычные туфли, и стук их каблучков разнесся по подземелью, когда он направился к ней. Она не собиралась втягивать Рафа в беду из-за своего любопытства. Пайпер приподняла связку ключей.

— Я украла их, пока он спал. Мне хотелось знать, что здесь находится.

Тал навис над ней, используя каждый сантиметр своего роста для чистого запугивания.

— Думаешь, что можешь запросто разгуливать, где вздумается? Без разрешения?

Пайпер втянула в себя воздух, пытаясь найти в себе мужество. Последние несколько дней с Рафом и Кадом были прекрасны, однако ей не хватало подавляющей власти Талиба. Но сейчас, находясь с ним наедине в этой комнате, у нее закрались сомнения. Сможет ли она быть достойной женщиной для него? Занять хоть маленький кусочек в его сердце? Или оно навсегда окаменело после смерти Лили? Она не узнает, пока не рискнет.

В конце концов, Пандора должна решить, останется она или нет. Наложница не могла покинуть Безакистан и своих мужчин, и в то же время, не могла отступить.

— Что ж, мне дали понять, что теперь это все принадлежит мне. Или в Безакистане брак подразумевает нечто другое? Прошу, объясни мне, Талиб, потому что, кажется, я еще очень многого не знаю.

Он приблизился еще ближе, опалая ее жаром своего тела.

— Ты еще не согласилась на наш брак, поэтому я не думаю, что ты можешь на что-либо претендовать.

Неожиданно ее страх перед ним ослаб. Если бы он действительно был равнодушен к ней, в его брюках не было бы такой огромной эрекции. Он находился с ней в этой комнате лишь считанные минуты, а его член уже затвердел и был готов для нее. Она сделала собственный шаг навстречу. Пайпер Глен не завоюет Талиба Аль Муссада застенчивостью. Она задела его тело своим.

— Ты очень четко выразил свою точку зрения, Тал. И ты знаешь, что я никуда не уйду.

— Я не могу быть в этом уверен.

— Лишь потому, что ты избегал меня все эти дни.

Его глаза вспыхнули, и он немного отступил.

— Это не так. Я заходил проведать тебя. Я не могу проводить с тобой все свое время. У меня есть обязанности, требующие выполнения. И даже если ты приняла решение, у тебя нет никаких оснований находиться в этой комнате.

Она обернулась, оглядывая подземелье. Это было огромное пространство, предназначенное лишь для двух людей, ведущих свою игру. Она была уверена, что Раф и Кад тоже проводили здесь время. Пандора представила их, облаченных лишь в кожаные брюки. Она ничего не могла с собой поделать. С тех пор, как Тал отшлепал ее, она не могла перестать думать об этом.

— Я думаю, у меня есть все основания находиться здесь. Учитывая, как открыто ты афишируешь наш брак, я должна быть единственной женщиной, допущенной в эту комнату. Она мне нравится. И я хочу играть здесь.

Она отступила, скользнув рукой по прекрасной коже на кушетке для порки. Эта имела восхитительную конструкцию, в отличие от тех, что она видела в Интернете. Она была

отделана изумительной резьбой ручной работы. Кожаные ремни были прострочены мягкой тканью, чтобы не поранить запястья сабы. Доминантные мужчины всегда проявят заботу о женщине, даже если не влюблены в нее.

Тал двинулся за ней.

— Черт побери, Пайпер, ты даже не знаешь значения этого слова. В этой комнате «игра» знаменует нечто другое. Ты должна уйти. Я планирую переделать эту комнату в семейную гостиную.

Девушка повернула голову, глядя на него через плечо и подмигнула.

— Могу представить, чем будет заниматься здесь семья. И я прекрасно понимаю, что значит «играть».

Она направилась к стене. По центру темных панелей располагались золоченые двери. Она открыла одну из них. Ее глаза расширились. Это была стена секс-игрушек. И кто-то позаботился о прекрасном освещении для коллекции вибраторов, наручников, паддлов и кнутов. Здесь находился ящик, полный драгоценностей, похожих на серьги. Она взяла в руки наиболее приглянувшийся ей комплект. Они выглядели как изумруды, но затем наложница заметила, что они были прикреплены к небольшим клипсам. Она открыла один из них, нажав на выступающую часть. Маленькие острые выемки покрывали их стороны и делали похожими на пасть крокодила, готового укусить.

— Ты подвергаешь уши девушек пыткам?

Он смотрел на нее, сохраняя некоторую дистанцию между ними, словно удерживая себя от того, чтобы подойти ближе.

— Они не для ушей, Пайпер. Это зажимы для сосков.

Она чуть не выронила причудливые приспособления.

— Сосков? Зачем?

Он послал ей порочную ухмылку.

— Они делают соски чрезвычайно чувствительными. Это форма эротической пытки.

— Эти были куплены тобой?

Они были великолепны, в бриллиантах и изумрудах. Мысль о том, чтобы украсить ее тело, которое не увидит никто, кроме ее мужей, имела определенную привлекательность.

— Да, хотя их никто не носил. Мне нравится использовать зажимы на своих сабах. Мне нравится, как покачиваются драгоценные камни и как они сверкают на их коже. Или нравилось. Эта часть моей жизни уже позади. У меня нет намерения привносить ее в наш брак.

Пандора вернула ювелирные изделия на бархатную подкладку ящика. Раф был прав. В немалой степени, именно в этом заключалась сексуальность Тала. Он тщательно подобрал все в этой комнате. И, вероятно, сам выбрал интерьер. По словам братьев, когда-то он проводил здесь часы, играя с сабами, женщинами, доверившими ему свое удовольствие. После похищения он лишился этой части себя. И Пайпер подозревала, что без нее он не обретет покоя.

— Что, если я захочу попробовать?

Его голос прозвучал, подобно низкому рыку.

— Беги отсюда, девочка. Ты и понятия не имеешь, что делаешь.

Пришло время доказать, что она была сведуща кое в чем. Так изящно, как только могла, она опустилась на колени и широко развела их, принимая позу рабыни. Юбка обвилась вокруг нее. Она не ожидала увидеть Тала, поэтому не оделась соответствующе. Пайпер

пришла сюда лишь затем, чтобы понять, что к чему, но теперь, когда за ней последовал Тал, она не упустит этот шанс. Она покорно опустила голову в позе покорности и стала ждать.

Ожидание было самой тяжелой частью. Воцарилась тишина. Она могла слышать звук собственного дыхания, бешеный стук своего сердца, и движение обуви Тала по мраморному полу. Она чувствовала кожей его твердость и прохладу, и была чертовски уверена, что Тал установил его вовсе не за красоту, а для того, чтобы саба осознавала собственное положение.

— Для сабы на тебе слишком много одежды, Пайпер.

— Хочешь, чтобы я разделась, Тал?

— Сэр. Здесь ты должна называть меня «сэр». Посмотри на меня.

Она позволила себе поднять глаза. Выражение его лица было жестким, без намека на нежность в глазах. Но его брюки натягивала немислимая эрекция.

— Да, сэр?

— Ты хоть представляешь, о чем просишь? Понимаешь, к чему стремишься? Я не намеревался вновь ступить на этот путь с кем-либо.

На ее глаза навернулись слезы, потому что она подозревала, что Раф и Кад не знали всей истории.

— Потому что ты любил Лили так сильно, что не можешь вынести мысли о другой сабе?

Его глаза сузились.

— Мои братья тебе рассказали.

— Пожалуйста, Талиб. Я бы хотела знать. Я должна знать о границах этого брака.

— Я подозреваю, что мог рассказать бы тебе, но ты не отнеслась бы к ним с должным почтением. Возможно, ты права. Возможно, тебе нужно увидеть эту часть меня. Может, тогда ты поймешь. У тебя есть шанс уйти. Встань и уходи прочь, и мы можем остаться просто друзьями, любовниками и интеллектуальными партнерами. Если же ты останешься, ты будешь принадлежать мне так, как не можешь себе вообразить. Я буду командовать тобой, пытаться и трахать тебя так, как мне будет угодно, — его рука погрузилась в ее волосы и потянула ее голову назад, заставляя посмотреть на него. Он возвышался над ней, темный и опасный, источая сексуальную угрозу. — Я не буду мягким. Не думай, что лишь потому, что ты моя невеста, я не заставлю тебя кричать.

Каждое слово, которое вылетало из его уст, сулило темные удовольствия. Она была немного напугана, но отказывалась уйти.

— Я хочу попробовать, Талиб.

— Здесь нет места попыткам. Да или нет.

Пайпер сделала дрожащий вздох, надеясь, что она сможет с ним справиться. Но на самом деле, у нее не было выбора. В глубине души она верила, что шейх никогда не причинит ей настоящей физической боли. Зная это, она могла доверить ему свое тело, и надеяться, что он вверит ей свое сердце в ответ.

— Да.

— Тогда сними одежду. В моей темнице тебе не позволено находиться одетой. Ты сложишь вещи, а затем вернешься и приподнесешь себя мне. В позе подчинения, с руками, сложенными за спиной.

Пайпер попыталась подняться, чувствуя себя неловкой и неуклюжей. Это было непросто, и Тал протянул руку, чтобы помочь ей.

— Спасибо, сэр.

Его лицо было, словно прекрасно отточенный гранит.

— Ты должна практиковаться. Каждый день, пока не сможешь подниматься с изысканным изяществом. Твоя грация говорит многое о твоём Мастере.

Она вспыхнула, и ее затопило смущение:

— Я неуклюжая.

— Но способная научиться, Пайпер. Теперь сними одежду и приподнеси себя мне.

Дрожащими пальцами она потянулась к пуговицам на блузке. Темными, не упускающими ни единой детали глазами, он следил за каждым ее движением. Разрываясь между мрачным предчувствием и предвкушением, она аккуратно сложила блузку и стянула юбку с бедер.

— Медленно. Это шоу, посвященное твоему Мастеру. Это восхитительное представление того, что ты мне предлагаешь, и я могу принять, или отвергнуть это.

Это. Он говорил о ее теле. Говорил о ее сердце.

Она замедлилась, и ее руки заскользили вниз по телу, стаскивая тонкую ткань с бедер. В ту минуту, когда он заставил ее не торопиться, она осознала, что действительно делала — и как воздействовала на него. Это был танец для ее Мастера. Возможно, от нее пока не требовалось в этом совершенства. Она лишь должна была показать ему все, что предлагала.

Наложница повернулась к нему, позволяя увидеть свое тело. Это было не тем, что следовало скрывать. Ее тело принадлежало ему. Не имеет значения, что он чувствовал в этот момент. Возможно, он хотел лишь секса. Пайпер вдруг осознала, что не могла контролировать сердце Тала. В ее силах было лишь одно — предложить ему все, что она имела. Она любила его. Она призналась самой себе, что, вероятно, любила его даже тогда, когда он был лишь именем на экране компьютера. За те месяцы их общения она привязалась к нему. Где-то глубоко внутри него, этот мужчина был жив, и она не могла отпустить его без боя. Но Пайпер владела лишь своим сердцем.

Слезы подступили к глазам. Из глубины своих воспоминаний она могла слышать шепот Рафа и Када, занимавшихся с ней любовью. Они уверяли ее в том, что любили ее. Они говорили ей, что она была прекрасна. Ее сердце было достойным даром, и Тал был достойным мужчиной. Она решила, что все, что касалось шейха, было не таким, как ей преподнесли. Пандора видела, как Талиб одаривал людей вокруг себя, а они жаждали все большего. Он мог владеть всем, что только можно было купить за деньги... кроме тех жизненных сокровищ, которые были бесплатны, но бесценны, подобно моментам истинного покоя с женщиной, готовой дать ему все, когда бы он ни захотел.

Она сложила юбку, радуясь, что в этот раз на ней было отделанное оборками белье, купленное для нее Рафом. Белое кружево облегалo ее изгибы, и она почти почувствовала взгляд Тала, которым он окинул ее фигуру, когда она наклонилась. Наложница скинула босоножки и придвинула их к аккуратной стопке.

— В следующий раз ты наденешь туфли на каблуках. Я знаю, что брат купил тебе несколько пар. У него отменный вкус. Он знает, что будет прекрасно на тебе смотреться, когда на тебе не будет ничего, кроме туфель, — голос Тала стал глубже. — Тебе всегда полагается отвечать «да, сэр».

— Да, сэр, — она не могла не заметить того, как он расслабился. Возможно, он даже не осознавал этого, но его плечи смягчились, а глаза наполнились той томной темнотой, которая отныне у нее ассоциировалась с Талом и наслаждением.

— Закончи то, что я тебе приказал, — он прислонился к одной из темных колонн,

украшавших интерьер в комнате, ожидая, пока она снимет оставшуюся на ней одежду. — Покажи мне.

Ее бюстгальтер был с передней застежкой, и она была рада этому. Благодаря Рафу, девушка могла расстегнуть его одним щелчком, но прежде она позволила своей руке скользнуть вниз, с легким придыханием, позволяя мужскому взгляду поглотить все это. Она обхватила свою грудь, думая о том, как Кад взял бы ее в свои ладони, потирая большим пальцем ее сосок и делая его твердым и готовым для его рта. Она позволила подушечкам своих пальцев мягко скользнуть по соскам, прежде, чем найти застежку. Кружевной бюстгальтер распахнулся, обнажив ее грудь. Пайпер всегда полагала, что была слишком полной, но под взглядом Талиба она чувствовала себя иначе.

— Теперь трусики. Твоя киска принадлежит мне. Мне не нравится, когда ты ее скрываешь. Я знаю, что у моих братьев есть пунктик по поводу шелкового белья, но когда ты со мной, ты не будешь его носить. Эта киска будет обнаженной, готовой для меня, когда бы я не пожелал. Я смогу задрать твою юбку и трахнуть тебя в любое время и в любом месте. Ты понимаешь меня?

Она знала, какого ответа он ждал:

— Да, сэр.

Подцепив пальцами пояс своих трусиков, она стянула их вниз. Пайпер положила их на стопку и выпрямилась, ожидая его одобрения.

Одно мгновение, Тал смотрел на нее, а затем выпрямился и пересек разделяющее их пространство.

— Кажется, ты выучила несколько трюков, Пандора. Ты уже не так очаровательно невинна, какой казалась лишь несколько дней назад, — он остановился в нескольких дюймах от нее. — Повернись. Положи руки на сиденье скамейки. Я хочу, чтобы ты высоко приподняла свою попку. Выгни спину.

Она сделала, как он велел, наклоняясь и пытаясь найти удобную позицию.

— Раздвинь ноги шире. Никогда не пытайся отгородиться от меня.

Он стоял позади нее, расположив свои ноги у нее между бедер и раздвигая их еще шире. Ее ноги были широко расставлены, выставляя киску напоказ. Она чувствовала прохладный воздух на своей горячей плоти. Рука Тала проследила линию ее позвоночника.

— Вот так ты должна преподносить себя мне. Когда я прошу поприветствовать меня, ты должна встать в позу рабыни, на любой ближайшей поверхности.

Пайпер закрыла глаза. Она знала, какой, должно быть, выглядела для него. Развратной. Готовой. Ее киска молила оказаться наполненной членом. Его членом.

— Ты течешь, моя наложница?

Его рука была близко, прямо у основания ее позвоночника. В любую секунду он мог найти расщелину ее попки и его пальцы могли проследовать по ней, прямо к ее киске. Она хотела там больше, чем лишь несколько пальцев, ведь девушка слишком истосковалась. Хотя сейчас она приняла бы что угодно.

По комнате пронесся громкий хлопок, и кожу ее попки охватило сладкое пламя. Она могла лишь задыхаться от ощущения его руки, шлепающей ее задницу.

— Ответь мне.

— Да, сэр, — несколько дней назад она была бы слишком смущена, но теперь она поняла. В любовных отношениях не было места для стыда. Ее киска была мокрой, отчаянно нуждаясь в его прикосновениях. Она могла признаться ему в чем угодно. — Я очень мокрая.

Еще один шлепок, теперь по другой ягодице, послал ей эротическую боль.

— Никогда не лги мне в этой комнате. Это моя комната. Здесь не существует никого, кроме нас двоих. Я могу делить тебя с братьями, но здесь ты принадлежишь только мне. Теперь встань на колени. Поприветствуй меня. Покажи, чему ты научилась.

Она оттолкнулась от скамьи и повернулась. Каждое нервное окончание на ее коже было наэлектризовано. Наложница опустилась на колени, и холодный мрамор опалил ее плоть. Она вспомнила все, что видела в интернете и широко раздвинула ноги. Существовало несколько вариаций позы рабыни. Тал приказал убрать ей руки за спину и выпятить грудь. Сплетя пальцы, она широко развела колени, обнажая свою киску.

Шейх стоял перед ней. Она смотрела на его невероятно дорогую обувь. Пандора могла чувствовать жар его тела, но, на какое-то мгновение, он был неподвижен. Затем, погрузившись пальцами в ее волосы, он обхватил ее голову.

— Я хочу почувствовать твой рот, моя наложница. Возьми меня глубоко. Заглоти меня.

Его руки молниеносно потянулись к молнии на его брюках, чтобы освободить член. Он стянул их, и они упали на пол. На нем не было белья. Его член покачнулся, и большая, похожая на сливу, головка оказалась прямо напротив нее.

Она не стала касаться его руками. Пайпер была чертовски уверена, что заработала бы очередную порку, и, к тому же, она хотела ощутить вкус Талиба. Однако шейх сам притянул ее голову ближе.

— Я научу тебя, как сосать мой член. Оближи головку. Пройдись языком по всей длине, — он взял свой член в руку и направил к ней. Дразня, он коснулся им ее губ, и его соленый мужской вкус намекнул ей на то, что должно было произойти.

Она высунула язык и лизнула. На вершине появилась жемчужная жидкость. Слизнув ее, она сглотнула, упиваясь глубоким стоном, который вырвался из его груди. Она сделала это с ним. Прежде он был зол, и каждый мускул был напряжен. Но теперь его напряжению была другая причина, и она была чертовски уверена, что он думал не о бизнесе или престоле. Он был сосредоточен на ней.

Ею завладел первобытный инстинкт, заставляя всосать в рот всю головку. Даже это заставило ее чувствовать некую наполненность.

— Да. Хорошо. Тебе необходимо практиковаться, — он двигал бедрами. Набольшими толчками, которые продвигали его все дальше. — Твой сладкий рот очень маленький, но вскоре ты примешь каждый сантиметр моего члена. О, моя наложница, я собираюсь заполнить каждое твою дырочку. Твой рот, твою киску, твою попку. В этой комнате, это все принадлежит мне. Переступая ее порог, ты становишься моей рабыней. Возьми меня глубже.

Он надавил, заставляя ее челюсть открыться. Ее губы обвили вокруг толстого ствола. Ее язык поиграл с головкой, в том месте, где она переходила в длинный ствол. Такой гладкий. Кожа на его члене была подобна теплomu бархату, и ее язык скользил по жесткой плоти, скрытой под ней. Она тонула в ощущениях — гладкое против жесткого, покорность перед господством. Это была маленькая сексуальная игра, которую любил Тал. Она была на коленях, повинуваясь его командам, но она еще никогда не чувствовала себя более свободной. Это был ее выбор — дать ему именно то, в чем он нуждался.

Неожиданно, он выскользнул из ее рта.

— Я пока не хочу кончать. На этот раз, твой сексуальный ротик не победит. Оставайся на месте. Если хочешь быть моей рабыней, ты должна одеваться соответствующе.

Звук его шагов эхом отразился от мраморных полов, когда он сбросил штаны и ботинки,

скинул рубашку и направился к шкатулке, которую она осматривала ранее. Пайпер повернулась, наблюдая за его мускулистым задом. Он не потрудился сложить свою одежду, отбросив ее в сторону, тогда как ее вещи были аккуратно сложены. Он двигался быстро, открывая ящики и доставая их содержимое.

Внезапно он повернулся, осуждающе встретив ее любопытный взгляд и нахмурившись.

— Я велел тебе не двигаться.

Упс. Она хотела смотреть на него. Девушка была загипнотизирована тем, как он двигался, и совершенно позабыла о его прямом приказе. Ее кожу опалила краска смущения, и она повернулась обратно, занимая прежнюю позицию и опуская глаза в пол.

— Так не пойдет. Прими позу для наказания, — его голос походил на низкий рык, который одновременно пугал и возбуждал ее.

Она поднялась на ноги, ее мышцы дрожали. Он был прав. Ей придется практиковаться. После нескольких минут в позе рабыни, все ее тело болело и находилось в напряжении. Она почти с облегчением вернулась к скамейке для порки. Склонившись над ней, наложница убедилась, что ее попка высоко приподнята, а ноги широко расставлены. Это было то, чего хотел Тал, и она с удивлением обнаружила, как легко вошла в свою роль. Он нуждался в этом, чтобы отвлечься от переживаний в своей жизни, но это также было и ее нирваной. Она вдруг перестала беспокоиться о том, что может случиться завтра, или послезавтра. Она лишь отдалась ощущениям, позволяя Талибу властвовать над ней, как ему будет угодно.

— Ты знаешь, что случается с плохими рабами? — спросил Тал, опустив руку на ее ягодицу и нежно сжав ее.

— Их наказывают.

— Нет. Их подвергают пыткам, — его рука опустилась на ее попку, но она была готова к этому. Она знала, что сперва последует боль, прежде чем уступить место удовольствию. Она вцепилась в мягкую кожу скамьи под собой, пока Тал шлепал ее. Он ударил раз, другой, третий, двигая рукой по ее плоти, посылая по ней боль и жар. Снова и снова, пока не насчитал двадцать ударов, и на ее глаза не навернулись слезы.

— Оставайся на месте, Пайпер. Что ты скажешь мне теперь? Хочешь уйти? Хочешь сбежать к моим братьям и их нежной заботе? Они будут ласкать тебя, бережно прикасаясь, тогда как я всегда буду хотеть этого. Что ты скажешь теперь?

Это было ее испытанием. Он подталкивал ее, полагая, что она сломается и сбежит обратно к Рафу и Каду, и тогда он получит именно то, чего хотел. Она не была глупа. Он хотел обладать ей на безопасной территории, где сможет заниматься с ней сексом, и не давать ей ничего взамен. Она не сомневалась, что он придет в ее постель, но если Тал не откроет свою душу, между ними будет лишь простой дружеский обмен. Пайпер хотела, и испытывала потребность получить больше.

Раф и Кад подарили ей признание и любовь, научили многим вещам, касательно ее самой, любви, секса и близости. Они были нежны, и в то же время, по-своему мужественны. Но она быстро обнаружила, что нуждалась в абсолютном господстве, на которое был способен лишь Талиб.

— Я люблю тебя, Талиб Аль Муссад. В этой комнате я принадлежу лишь тебе, мой шейх и мой господин.

Талу пришлось сделать шаг назад. Он был чертовски рад, что она находилась в позе подчинения, потому что он был не способен посмотреть ей в глаза.

“Я люблю тебя”.

Она, мать его, не должна была его любить. Его сердце колотилось. Он знал, что это было неправильно. Он всегда знал, что она поверит в то, что испытывает какие-то чувства к нему. Женщины нуждались в подобных сантиментах, но все должно было быть просто. Признание в любви было чем-то, что ей полагалось сказать, потому что именно это муж и жена говорят друг другу за завтраком, прежде чем разойтись по своим делам.

Но Пайпер имела в виду именно это, и ее слова пронзили его до самой души.

Она не изменила позы, которая не была идеальной. Она не тратила часы на тренировки, чтобы довести линии своего тела до совершенства. В отличие от прежних его сабмиссивов, она была выбрана не за ее изящество. Так почему эта женщина затронула в нем то, что не могли другие? Почему его сердце ныло с той самой минуты, как она вошла в комнату? Почему он твердел при одной лишь мысли о ней?

Она оставалась на месте, хотя он видел, что ею овладевает паника. Она еще не достигла состояния спокойного доверия. Он не привел ее к этой грани, не заслужил ее веры. Его молчание заставляло ее нервничать. Он понял это по тому, как вспыхнула ее кожа. Ее великолепная попка была алой после порки, но в остальном ее прекрасное тело носило отпечаток страха. Она сказала, что любит его, а он не произнес ни слова.

Она проявила смелость, не сделав ни единого движения, просто ожидая его ответа.

Тал же не находил в себе храбрости. Его желудок сжался в узел. Он не мог любить ее. И не мог позволить ей уйти. Он знал, что ему следовало уйти. Он должен приказать ей одеться, а затем указать на дверь. Завтра, к этому времени, он сможет разобрать темницу до основания, и больше никогда его не перестраивать. Он мог спрятать свою потребность так глубоко, что она уже никогда не обнаружится вновь.

Но он не мог двинуться к двери. Он оставался на месте, словно его член и его чертово глупое сердце захватили над ним власть, и его мозг больше не функционировал. К его ужасу, его рука скользнула обратно к полушариям ее попки, любовно лаская их. Он обожал этот розовый румянец на ее коже.

— Ты моя. Здесь и сейчас, не существует никого, кроме нас двоих.

Ни его братьев. Ни долбаного Халила. Не существовало Безакистана, стран или людей. Не было обязанностей. Здесь он был просто мужчиной. Он не был шейхом. Он был ее Мастером.

И у него имелись свои правила, о которых было необходимо поведать. И сладкая маленькая рабыня, которую он мог трахать столько, сколько ему заблагорассудится.

Пайпер расслабилась. Он не сказал тех слов, которые, как он знал, она жаждала услышать, но она, казалось, была удовлетворена тем, что он не сбежал. Ее спина была до сих пор прямой, но прежнее оцепенение исчезло. Ее голова опустилась, словно в ожидании его следующей команды.

Тал нежно провел рукой по ее спине, и затем ниже, пройдясь по следам, которые он оставил. Идеально розовый отпечаток его руки останется еще на несколько часов, если не дней. Он увидит его и вспомнит это сокровенное время наедине с ней, даже наблюдая, как ее трахают его братья. Часть него по-прежнему останется с ней.

— Оставайся на месте, наложница. Пора приступить к твоей подготовке. Это не наказание, хотя порой я могу прибегнуть к такому, — он потянулся за смазкой, раздвигая ее ягодицы и впервые получая истинный обзор на красоту ее попки.

Она немного вздрогнула, и это послало сигнал прямо к его члену. Он не был чистым

садистом, но тот факт, что она была на грани, опасаясь того, что он будет с ней делать, невыносимо его возбуждал. Однажды он насладится ею, связанною, с закрытыми глазами, и будет держать ее на грани в течение нескольких часов, совершенно не уверенную в том, что ожидает ее дальше. Наслаждение или боль? Все пути вели к экстазу, но часть путешествия останется загадкой.

Однако сейчас он должен был подготовить ее к своему члену. Медленная дрожь прошла по ее коже, когда лубрикант скользнул между ее ягодиц.

— Тал, — ее голос был хриплым шепотом. Она знала, что должно было произойти, и, казалось, хотела возразить.

Три резких шлепка по попке заставили ее замолчать.

— Тихо. Либо ты применишь пробку сейчас, либо тебе придется прежде познакомиться с плетью, а затем перейти к пробке.

В конце концов, он намеревался трахнуть ее попку. У нее не было ни единого шанса избежать этого, но он намеревается сделать все от него зависящее, чтобы она насладилась этим так же, как и он. И тщательная подготовка была необходима.

— Ты уже принимала маленькую анальную пробку. Почему ты так напугана?

— Потому что я видела эту, когда смотрела на зажимы. Она не маленькая, сэр. Она очень большая.

Он слегка усмехнулся, смазывая игрушку.

— Она не так велика, как я, моя дорогая девочка. Даже близко не как я, но к тому времени, как мы закончим, ты сможешь прекрасно принять и меня.

Его член пульсировал, словно чертова шгука завидовала пробке. Тал разместил девайс напротив ее входа, лишь его кончик. Она сжалась.

Еще один шлепок. Он не потерпит неповиновения.

— Прекрати, Пайпер. Если ты хочешь остановить игру, только скажи, но я и мои братья не будем вечно ждать своей очереди. Мы хотим, чтобы ты приняла нас всех одновременно. Чтобы каждый из троих твоих мужей трахал каждую твою дырочку, потому что ты принадлежишь нам. Если ты не прекратишь сжимать свою маленькую попку, пытаюсь удержать меня, я познакомлю тебя с имбирным маслом, но я сомневаюсь, что ты вынесешь его жжение. Хотя ты, наконец, поймешь, что эта попка моя, и я хочу овладеть ей.

Она подняла голову и немного повернулась, нахмурившись.

— Знаешь, в Техасе используют имбирь при готовке блюд. Вы должны как-нибудь их попробовать.

Он любил ее дерзость. Тем не менее, он снова шлепнул ее по ягодице, и из ее груди вырвался низкий стон.

— Ты удивишься, узнав, что еще делают в Техасе. Я знаю довольно много людей, которые шокировали бы тебя.

Он нажал на пробку, довольный тем, что она выдохнула и попыталась принять игрушку. Ее спина изогнулась, и по телу прошла сильная дрожь. Она толкнулась прочь. Тал продвигал девайс в ее попку, погружаясь глубже с каждым небольшим толчком. Он полностью отдался этой задаче, и весь мир сузился лишь до нее одной. Ничто не имело значения, кроме того, чтобы подготовить для себя наложницу. Снова и снова, он ввинчивал пробку в ее тугую плоть, пока, наконец, та не погрузилась глубоко внутрь, прокладывая путь для его члена.

Он наклонился, целуя ее вдоль позвоночника. Когда он, наконец, окажется глубоко внутри ее самого запретного места, почувствует ли он себя так, словно вернулся домой?

Тал встал, отменяя мысли, которые терзали его. У него была другая задача.

— Встань. Положи руки за спину. Широко расставь ноги.

Он подошел к маленькой золотой раковине и вымыл руки перед тем, как взять прекрасные зажимы в виде клевера, которые выбрал для нее. Полированное золото заставит ее кожу светиться. Он повернулся и перевел дыхание.

Возможно, она не была самой изящной сабой, которые у него когда-либо были, но, блять, она была самой прекрасной. Ее темные волосы рассыпались по ее плечам, переливаясь в мягком свете красными и янтарными бликами, и завиваясь чуть ниже изгиба плеч. Она следовала его инструкциям до последней буквы, сплетя пальцы за спиной, выставляя вперед великолепные полные груди с уже затвердевшими сосками. Ее ноги были раздвинуты, и он мог видеть восхитительную влагу на киске.

Она не сбежала прочь от его темных желаний. Она хотела этого. Она хотела, чтобы он взял над ней власть, и трахал ее любым способом, каким ему будет угодно.

Блять. Она доверяла ему. Это было довольно опасно, учитывая, что он знал, каким мужчиной был глубоко внутри. Трусом. Почти предателем. Он не заслуживал ее, ни на секунду. Но он все равно возьмет ее. Возможно, Пандора никогда не сможет понять, но он принял решение. Она была платой за его боль. Она была его призом за то, что он выжил в тот день, и выживал каждую ночь с тех пор. Каждая унция ненависти и мучений, которые он испытал, будут восполнены ее сладкой плотью.

Пайпер никогда не узнает, как он жаждал любить ее, как он тосковал по тому, что потерял, и что уже никогда не сможет иметь.

— Это то, чего вы хотели, сэр? — ее глаза были широко распахнуты, почти умоляя его сказать ей, что она была хороша.

Он не мог ей отказать в этом. Хотя, ее позвоночник должен был быть прямее, а пальцы прижаты еще теснее. Носочки ее ног не были вытянуты, как следовало, а спина слишком согнута. Шейх коснулся ее щеки.

— Ты прекрасна. Абсолютно прекрасна. Позволь мне тебя одеть.

Ее губы изогнулись в удовлетворенной улыбке. Еще в те месяцы их бесед, он подозревал, что она была истинной сабой, но последние несколько дней доказали, насколько идеальной она была для него. Она могла постоять за себя, но предпочла угодить ему. Если он правильно поведет себя с ней, она навеки будет принадлежать ему.

— Не двигайся, — он встал на колени. Она была миниатюрной, идеально подходя для него. Когда он опустился на колени, ее соски оказались именно там, где он хотел. Он наклонился вперед и лизнул, медленно поглаживая их своим языком. Ее запах и вкус наполнили все его рецепторы. Ее кожа на вкус всегда была такой свежей, словно прохладный напиток в жаркий день. Он пристрастился к ее цитрусовому аромату. Талиб становился твердым всякий раз, когда кто-либо подавал ему даже гребаный апельсин.

Он вобрал ее сосок в свой рот, упиваясь ее реакцией. Сейчас мускусный запах ее возбуждения заглушил цитрусовый. За каждым потягиванием его рта следовала новая порция ее соков. Ее киска пульсировала, умоляя о его внимании, но он намеревался подвергнуть ее маленькой пытке.

Мужчина зажал ее сосок между своими пальцами, вытянув вершинку. Он натянул зажим, расположив его так, чтобы он свисал. Под весом драгоценностей ее сосок опустился. Когда она ахнула и попыталась справиться с охватившими ее ощущениями, он облизал ее другой сосок и также надел на него зажим. Ловким движением пальцев он идеально

расположил его на ее груди.

Наложница будет прекрасно выглядеть с кольцами, надетыми на ее соски, и золотой цепочкой, висящей между ними. Он сможет тянуть за цепь, пока она будет объезжать его член, с каждым рывком натягивая зажимы, пока не закричит от удовольствия. Он проложил себе путь поцелуями вниз по ее телу.

Или он может позволить цепи свободно повиснуть, сбегая вниз по ее груди прямо к ее киске, где она присоединится к мягкому зажиму, который он закрепит вокруг жемчужины ее клитора. Он вдохнул ее запах, и его наполнил ее мускусный аромат.

Она была такой чувствительной. Ее маленький клитор торчал, моля о его внимании. Именно это было ему нужно. Он так долго противился себе, отказываясь возвращаться к этой части своей жизни, по которой так тосковал. Он не заслуживал женщины, настолько доверяющей ему, но теперь он осознал, насколько опустошенным он был без всего этого.

Тал скользнул языком по бутону ее киски, наслаждаясь ее дрожью.

— Не двигайся, или я остановлюсь.

— Да, сэр, — ее голос походил на слабый писк, в то время, как ее руки дрогнули, словно она хотела прикоснуться к нему.

Но это было его время. Позже, будет много мгновений, когда он позволит ей вдоволь изучить его, но не сейчас. Он потерял носом о ее киску, вдыхая ее запах. Талиб хотел утонуть в нем, в ее специях и сладости. Его язык толкнулся внутрь, и его захватил изумительный вкус ее возбуждения.

Снова и снова, он облизывал ее киску, поглощая ее. Она была слаще любого десерта. Он мог вкушать ее каждую ночь, и по-прежнему испытывать голод поутру. Он был в опасной близости от нее, и не только физически. В голове раздался тревожный звон. Ему было необходимо отступить, переосмыслить все, что происходило, но он все вонзался, трахая ее своим языком. Шейх потерялся в роли Мастера, в сладкой покорности Пайпер, в ее щедром сердце.

— Кончи для меня, моя наложница. Кончи прямо на мой язык, — он ущипнул ее за клитор, продолжая долбить ее своим языком, и Пайпер затряслась.

Из ее груди вырывались низкие стоны, и она вскрикнула в оргазме. Новая порция сладких соков накрыла его язык. Он хотел утонуть в нем, но его член требовал своего. Он должен трахнуть ее.

Тал встал, отчетливо понимая, что все условности остались позади. Пайпер никогда не должна была увидеть эту его сторону, но теперь, когда это произошло, он не намерен ничего утаивать.

— Предоставь мне себя. Я хочу трахнуть свою рабыню.

Она не колебалась. Девушка повернулась и приподняла попку с розовой пробкой, которую он поместил между ее ягодиц. Всего лишь несколько дней назад она была девственницей, а сейчас Тал связал ее и принудил к вещам, к которым она не могла быть готова, но он все равно не мог остановиться. Она выглядела развратной, принадлежавшей ему куколкой для траха, наказания, и всего, что ему вздумается.

— Мой черед, Пайпер, — он схватил ее за бедра, пристраивая свой непокорный член. Он не позаботился о презервативе, также действуя по своему усмотрению. Он был лишь животным, берущим то, что хотел, не собираясь давать что-либо в ответ, потому что был разрушен изнутри. — Ты думаешь, что можешь справиться со мной? Думаешь, ты готова к этому? Потому что все будет по-моему, по моим правилам, в мое время. Скажи мне

остановиться, или ты откроешь дверь, которую больше не сможешь закрыть. Пожалуйста, Пайпер, давай останемся просто друзьями.

Он просил ее, потому что не мог остановиться сам. Он не хотел этого. Он не хотел, чтобы она вызывала в нем столько эмоций. Его сердце уже колотилось, член был на грани, и он не был уверен, что сможет уйти, если она скажет «нет».

Она слегка повернула голову, так, что он увидел отчаянное желание на ее лице.

— Возьмите меня, сэр. Прошу тебя. Возьми меня, Тал.

Ничто не остановило бы его сейчас. Он с силой протолкнул в нее свой член, преодолевая любое сопротивление одним долгим скольжением. Шейх отбросил все прочее, в один момент превратившись в зверя. Он был животным, и она была его самкой. Он подмял ее под себя, толкаясь снова и снова, позабыв обо всем, кроме шелка ее плоти, и тесного жара ее киски. Вновь и вновь он вбивался в нее, схватив за бедра и припечатав собой.

Она была невероятна, сжимая его своим жаром, вбирая его в себя. Талиб мгновенно потерял себя, наслаждаясь звуками, которые она издавала, пока он вел ее к оргазму. Ее кожа была горячей под его рукой, в то время, как его сердце громыхало у него в груди. Это было почти раем. Он больше не заботился о тех причинах, по которым это не было хорошей идеей. Сейчас было важно лишь заклеить ее, сделав своей.

Пайпер закричала, снова кончив и жестко сжав его своей киской, заставляя Тала сдать. Его яйца запульсировали, и бесконечной волной удовольствия из него брызнуло обжигающе тепло. Он кончал снова и снова, оргазм несся по его венам, связывая его с ней так, как он и вообразить не мог.

Она была всем, чего он когда-либо хотел.

Пайпер рухнула, увлекая Тала за собой, и его грудь прижалась к ее спине, словно они были единым целым, и лишь мягкая кожа скамейки удержала их от падения на пол.

Сладко. Было так сладко держать ее, до сих пор оставаясь в ней своим членом, и будучи все еще соединенным с ней.

“Я люблю тебя, моя Пайпер”. Слова крутились на его языке, но мужчина их так и не озвучил.

Он любил ее, но если кто-нибудь когда-нибудь узнает, как близко она подобралась к его сердцу, они могут использовать ее против него. Образ Лили, кричащей, пока радикалы резали и насиловали ее, заполонил его мозг. Он был вынужден наблюдать, не в силах помочь ей. Он был слаб. Он был бесполезен.

Он не любил ее, но ее смерть чуть не убила его. Что он будет делать, если они заберут Пайпер?

Холодный озноб пробежал по его спине. Он не может, не позволит ей, или кому-либо другому, когда-нибудь узнать, что он любит ее.

Тал выскользнул из ее тепла и поднялся. Все его тело тряслось, однако он безжалостно отбросил прочь все эмоции. Учитывая, что он никогда не раскроет ей свою любовь, ему необходимо убедиться, что она больше не любит его.

— Теперь ты можешь идти.

Пайпер замерла, и ее пребывающее в истоме тело в одну секунду напряглось. Она решительно повернулась.

— Что?

Эти глаза грозились пронзить его насквозь. Он хотел сжать ее в своих объятиях, но не мог. Он должен был позволить ей уйти.

— У меня расписан весь день. Ты можешь идти.

На ее глаза навернулись слезы. Она поднялась, немного покачиваясь.

— Я не понимаю.

Тал вздохнул, утаивая свою душевную боль. Он учился притворяться на протяжении многих лет, чтобы скрыть каждую свою эмоцию. Это было мастерство, которому он научился после многих лет общения с прессой и политиками. Тал подхватил ее юбку и бросил ту ей.

— Я более не нуждаюсь в твоих услугах.

Его внезапно озарила одна мысль. Дерьмо. Он потерял навык.

— Совсем забыл. Иди сюда, я уберу зажимы, и нанесу мазь на твои соски. Затем ты сможешь уйти.

— Почему ты ведешь себя так холодно? — спросила Пайпер, ее губы едва заметно дрожали. Он гордился ею. Она не сделала ни единого движения, чтобы прикрыться. Наложница просто стояла там, требуя ответов. Было очевидно, что она не намеревалась сбежать. Но, мать вашу, она не собиралась облегчать ему разговор.

Значит, он должен был сделать его невыносимым для нее. Это было единственным способом спасти девушку. Ее сердце должно принадлежать его братьям. Они были достойны этого. Они не были сломлены, и никогда не были причиной женской смерти. Младшие Аль Муссады не просыпались с криками посреди ночи.

— Я не веду себя холодно, Пайпер. Это то, каким я являюсь. И это моя суть. Я предупреждал, что тебе не понравится быть моей рабыней. Я предложил тебе партнерство, но ты пытаешься приручить меня сексом. Это не сработает. Я не допущу этого. Теперь уходи и повидайся с моими братьями. Я уверен, что они также нуждаются в твоих услугах.

Ее глаза расширились от неприкрытой боли.

— Что...? Я не сделала ничего, чтобы заслужить такое обращение, Талиб, — она застыла на мгновение, раздумывая. Черт, его волновало то, что происходило у нее в голове. — Почему ты так боишься меня?

В его планы не входило играть с ней в интеллектуальные игры в ближайшем будущем. Она, скорее всего, одержит победу. Шейх заставил себя говорить, пытаясь сохранить свой голос спокойным. Он не мог допустить, чтобы она поняла, что попала прямо в точку.

— Я не боюсь, Пайпер. Прямо сейчас я испытываю лишь скуку.

— Чушь собачья, — он впервые слышал, как она ругается. — Талиб, возможно, я и была девственницей, но я не дура. То, что мы только что разделили, было чем-то прекрасным, а ты пытаешься смешать это с грязью. Я прошу тебя присесть, подобно тому доброму человеку, которым, я знаю, ты являешься, и объясниться мне. Ты пытаешься заставить меня сбежать. Если я тебе безразлична, ты просто терпеливо скажешь мне об этом. Но я что-то значу для тебя, и ты не можешь этого вынести. Ты думаешь, что можешь заставить меня сбежать, сказав несколько отвратительных слов, но я вижу тебя насквозь, Талиб Аль Муссад. Если, пройдя через все это, я и поняла что-то, так это то, что моя любовь сильнее, чем ты можешь себе представить, и несколько незначительных слов не могут заставить меня пуститься в бегство. Тебе придется быть мужчиной и попросить меня покинуть тебя.

Она была такой красивой, умной и гордой, обращая каждый его аргумент против него самого. И из них двоих, именно он чувствовал себя обнаженным. Тал натянул на себя брюки. Он был загнан в угол. Пандора, блять, загнала его в угол.

— Я не могу попросить тебя уйти, Пайпер. Мне нужен этот брак, чтобы защитить своих

корону.

Девушка фыркнула, очевидно, разочарованная его попыткой.

— Да, тебе было необходимо жениться на бедной экономистке из Техаса, чтобы защитить свою корону. Но я не куплюсь на это. Если тебе было необходимо найти невесту, ты мог выбрать кого-то более подходящего. Но ты захотел меня.

Теперь, по крайней мере, он мог рассказать ей часть горькой правды.

— Да, Пайпер, я захотел тебя, потому что знал, что никогда не влюблюсь в тебя. Ты идеально подходила для этого.

На ее лице появилась слабая печальная улыбка.

— Бедный Тал. Ты угодил в собственную ловушку.

Неужели ее было невозможно пронять? Почему она, как никто другой, могла видеть его насквозь?

— Я не люблю тебя. Я никогда не полюблю тебя, но мы связаны друг с другом. Боже, женщина, как ты можешь стоять здесь и говорить, что любишь меня? Есть ли у тебя хоть капля гордости?

— Моя любовь стоит больше, чем моя гордость, Тал. И ты не повел бы себя так со мной, если бы я была тебе безразлична. Это извращение, знаешь ли. Иногда мы причиняем боль тем, кого больше всего любим, потому что даже сама мысль о любви к ним слишком невыносима. Ты напуган. И я хочу, чтобы ты рассказал мне, почему, — это было сказано почти сочувствующим тоном, словно она действительно жалела его.

Он не мог вынести этого.

— Я принудил тебя к этому браку. И, вполне вероятно, зачал тебе ребенка. Что ты скажешь на это?

Она не отвела взгляда, ясного и искреннего.

— Я могу уйти, Тал. Я не какая-то пленница. Поставленная перед выбором, я добровольно решила лечь в постель с твоими братьями, поэтому ты ни к чему меня не принуждал. О, и ни о какой беременности в ближайшем будущем не может идти речи. Как только я решила ... расширить свои горизонты, я посетила врача за день до отъезда. Он прописал мне контрацептивы. Я в безопасности еще на несколько месяцев. Мне, вероятно, следовало настоять на презервативах, когда я была с Кадом, но он заверил меня, что здоров. А что касается брака, у меня есть некоторое время, чтобы разобраться с этим, и именно поэтому ты должен поговорить со мной.

Она не повелась на это. И мысль о том, что она раскусила его игру, вывела его из себя. Теперь ему не нужно было изображать гнев.

— Перестань предохраняться, Пайпер. Ты не представляешь для меня никакой ценности, если, черт возьми, не способна зачать. Никто из нас не будет в безопасности, пока ты не родишь детей.

Наконец, она вспыхнула, и все ее тело окрасилось румянцем.

— Ты ведь не серьезно.

Ее слабое место. Он мог использовать его. Он не намеревался позволить ей одержать верх.

— Я серьезно, Пайпер. Я подчеркиваю каждое сказанное слово. У меня нет оснований трахать тебя, пока ты не можешь забеременеть. Контрацептивы будут действовать еще несколько месяцев? Что ж, тогда и увидимся, моя дорогая. А до тех пор, позволь обслуживать тебя моим братьям.

Она умоляюще протянула к нему руки.

— Не делай этого с нами, Тал. Все не должно быть так.

Но было. Он не мог вынести больше ни секунды. Шейх повернулся и вышел за дверь.

Пайпер сняла с груди зажим, не в силах подавить вскрик. Ей действительно следовало принять его предложение об уходе. Ее сосок потерял чувствительность, но в ту минуту, когда она сняла зажимы и к нему прилила кровь, ее затопила боль.

Ничего схожего с той болью, что едва не разбила ей сердце считанные мгновения назад. Она могла справиться с колющим ощущением в груди, но боль, которая поселилась где-то в ее животе, измерялась совершенно иной мерой. Девушка чувствовала себя глупой, и, в то же время, осознавала свою правоту. Глупой, потому что думала, что может до него достучаться. И правой, потому что, несмотря на его протесты, она знала, что он был напуган. Пандора изучила его. В нем не было ни капли жестокости. Он знал имена всех своих работников, регулярно спрашивал об их детях. Шейх был неизменно вежлив. Если бы он хотел вежливых, дружеских отношений, он бы сел и разумно с ней поговорил.

Однако Тал изворачивался и хитрил, но, занимаясь с нею любовью, потерял самого себя.

— Пайпер?

Она ахнула, едва не бросившись к своей одежде. Она почти забыла, что была обнаженной. Дверь в темницу открылась, и она потянулась к юбке, которую бросил ей Талиб.

Вошел Раф, на его красивом лице проступило волнение.

— Пайпер? Я только что видел Тала в коридоре. Он выглядел рассерженным. Что случилось, черт возьми? Предполагалось, что ты лишь осмотришь комнату.

Раф прошелся по комнате, и увидел наложницу. Он притянул ее в свои объятия, прежде, чем ту успела возразить:

— Хабибти, что он сделал с тобой?

— Он причинил ей боль, — Кад стоял в дверном проеме, его рот был сжат в суровую линию. — Сукин сын.

— Остановись, — сказал Раф, опускаясь на колени и притягивая ее к себе. — Довольно с нее ярости.

В его объятиях было так хорошо, так спокойно. Пайпер знала, что должна одеться. Ей было необходимо подумать, но, еще больше ей был необходим Раф. Она скользнула руками по его шее.

— Просто поддержи меня минутку.

Раф покачивал ее.

— Мне нужно снять с тебя этот зажим.

Она покачала головой. Ей было хорошо и с ним. Ей не нужен этот сосок. Она обойдется и одним.

— Все в порядке.

Кад упал на колени.

— Ублюдок. Он оставил ее с зажимами. Хабибти, будет жечь.

Она уже поняла это. Девушка взяла себя в руки, лишь поморщившись, когда он снял его. Кадир наклонился и нежно взял ее сосок в рот, с любовью лаская его. Конечно же, это уменьшило боль.

Раф погладил ее по волосам.

— Вот что должен был сделать наш мерзавец брат. Как твоя попка?

Наполненная. Отшлепанная.

— Мне... ммм... нужно достать кое-что оттуда.

Раф усмехнулся:

— Это может подождать. Ты должна подержать пробку какое-то время, хоть Талибу и не доведется пожинать плоды. Расскажи мне, что случилось

Она попыталась. Вот, что случилось.

— Я сказала ему, что люблю его. Он неистово занялся со мной любовью, а затем сбежал, как последний трус. Помоги мне встать. Мне нужно одеться. У нас ужин с послом США в два часа, — она ахнула. — Я не смогу это сделать. Я не смогу сидеть рядом с послом с куском розового пластика в заднице.

На ее глаза навернулись слезы. Она ничего не могла с собой поделать.

Кад выглядел беспомощными.

— Ты и не должна. Я отменю обед. Все, что угодно, Пайпер. Пожалуйста, не плачь.

Пандора должна собраться с силами. Независимо от того, что сделал Тал, у нее по-прежнему были обязанности. Она не собиралась откладывать грандиозный правительственный прием лишь потому, что Тал был ублюдком.

— Нет. Я могу это сделать. Мне просто нужно принять душ и переодеться.

Кад наклонился и притянул ее к себе. И тут же поднялся, прижимая наложницу к своей груди.

— В задней части темницы есть душ. Мы позаботимся о тебе.

Кад и его брат обменялись долгим взглядом. Пайпер он не понравился. Это был тайный взгляд, которым они обменивались, когда намеревались что-то сделать. Она начинала к нему привыкать, но на этот раз не могла позволить им поступить по-своему. Не нужно было быть большим гением, чтобы понять, что они решали, кто из них будет разбираться с Талибом.

— Прекратите это. Ему нужно время.

Раф покачал головой:

— Ему нужна серьезная трепка, Пайпер. Ему нельзя так поступать с тобой. Он все разрушит!

Кад притеснил ее к стене, крепче прижимая к себе.

— Нет. Мы просто не подпустим его к нашей постели. Но, Пайпер, мы не можем жениться на тебе без него.

— Можем, если отречемся от престола, брат, — заявление Рафа разнеслось по подземелью, отражаясь от стен.

Кад остановился и обернулся.

— Ты действительно смог бы?

Она должна была остановить их. Пайпер не могла позволить этому случиться.

— Нет. Нет, этого не будет.

Раф отступил, распрямив плечи.

— Я пойду на это, если придется. Я не позволю моему брату истязать нашу жену. Я также не намерен расставаться с ней из-за того, что он не может вернуть себе мозги на место.

Пайпер охватила тоска. Она давила на Тала. Она знала, что он был на грани, и она сознательно искала в нем то, что он хотел утаить.

— Я не хочу, чтобы вы боролись с Талибом.

Раф обернулся:

— Позаботься о нашей жене, брат.

Кад повел ее в душ.

— Расслабься. Все будет хорошо. Я позабочусь о тебе. Мы оба приведем себя в порядок, и я помогу тебе подготовиться к встрече с посланцем. Я попрошу слуг принести тебе одежду. Ты будешь невероятно красива.

— Я не хочу выглядеть красиво, Кадир. Я хочу, чтобы ты остановил Рафа, — она попыталась вырваться из его рук.

Кад ногой распахнул дверь, вне всяких сомнений, ведущую в баснословно богатую ванную комнату, оснащенную гидромассажной ванной в центре. Кад поставил ее на ноги. Он навис над ней, глядя на нее сверху вниз.

— Я не собираюсь его останавливать. Это между нами, Пайпер.

Упрямый. Они все были чертовски упрямы.

— Разве я не являюсь членом этой семьи?

Он не двигался, просто коснулся губами ее лба.

— Ты — самая лучшая часть этой семьи, но всегда найдутся вещи, которые должны будем решать Рафик, Талиб, и я.

— Я не должна быть одной из этих вещей.

Его пальцы погрузились в ее волосы, нежно оттянув назад ее голову.

— Я сказал тебе. Ты — самый важный человек в моей жизни, и в жизни Рафа. Если у Тала все иначе, возможно, пришло время двигаться дальше. У него все еще есть несколько месяцев. Он может найти холодную невесту, которая согласится на эту сделку. Он может иметь королевство. А я хочу тебя.

Но холодная невеста и хладнокровная сделка было отнюдь не тем, чего хотел Тал. Боже, неужели она была единственной, кто понимал это? Он мог заключить эту сделку в любой момент, но он выбрал ее, женщину, на знакомство с которой потратил несколько месяцев. Возможно, сначала он решил, что они смогут быть просто друзьями, но для нее было совершенно очевидно, что для него все изменилось, иначе он до сих пор оставался бы тем вежливым мужчиной, с которым она вела переписку. Где-то, в глубине его стального сознания, он хотел большего, нежели просто сдержанной дружбы.

Переменится ли Тал со временем? Или его раны были слишком глубокими, чтобы позволить кому-либо прикоснуться к себе? Могла ли она оставаться замужем за человеком, который будет видеть в ней лишь актив для своего государства? Как могла она иметь от него детей? Малышей, которых он никогда не позволит себе полюбить по-настоящему.

— Тише.

Кад снова поцеловал ее, на этот раз в кончик носа.

— Я сказал тебе, что все будет хорошо. Я позабочусь о тебе. Но, Пайпер, ты должна знать: если Талиб не изменит своих взглядов, Раф и я покинем дворец ни с чем, если это будет необходимо, — он понизил голос. — У нас не будет ни гроша, но, хабибти, ты должна верить, что мы позаботимся о тебе.

Теперь она дала волю слезам, потому что из всех вещей, которые Пандора надеялась обрести, когда садилась на тот самолет в поисках новой жизни, эта любовь была несравнима ни с чем. Они откажутся от богатства, привилегий и славы ради нее? Она взяла в руки великолепное лицо Када и вознесла безмолвную благодарственную молитву тому, кто бы ни послал ей это благословение.

— Я люблю вас. И тоже буду о вас заботиться.

Включив душ, Кадир скинул одежду и повел девушку внутрь. Пока он нежно купал ее, она дала клятву. Пайпер Глен позаботится о каждом из своих мужей. И пусть они будут законченными упрямыми.

* * * *

— Я подготовил вашу одежду на вечер, ваше высочество.

Его дворецкий кивнул в сторону спальни, откланявшись, когда Дэйн вошел в комнату.

— Вы вызывали.

Тал взглянул на своего телохранителя и понял, что невольно повысил голос.

— Я думал, что за моей наложницей кто-то присматривает.

Он почувствовал привкус желчи в своем горле. Боже, он обошелся с ней, как со шлюхой, тогда как она была самой сладкой девочкой, которую он когда-либо знал. Она щедро одарила его своим сладострастием, а он оттолкнул ее и оставил одну, предоставив ей самой заботиться о себе. Тал осознал свою ошибку и почти вернулся к Пайпер, когда заметил братьев, идущих по коридору. Они позаботятся о ней лучше, чем он.

Глаза Дэйна были холодны, как лед.

— С ней Купер.

Слава богу, у него была возможность выплеснуть свою злость.

— Купер уволен. Он пренебрег своими обязанностями. Ублюдок упустил ее, и она нашла темницу.

Дэйн достал рацию.

— Куп, какие есть новости о ее высочестве?

— Хорошие или плохие? — затрещал голос Купа в динамике. — Прости. Ее высочество в подземелье с Кадиром. Раф только что ушел, и, позволь мне сказать тебе, что у него в штанах была большая проблема. Я думаю, мы должны посмотреть, что там внизу. Что бы ни случилось с шейхом, что заставило его бежать из подземелья, так же подействовало и на Рафа.

Дэйн нажал кнопку связи.

— Спасибо, приятель. Не спускай с нее глаз. Посол притащит сегодня всю свою команду, и, естественно, Халила в том числе. Мне это не нравится. Что-то тут не так.

— Будет сделано.

Рация умолкла, и Дэйн повернулся.

— Он не упускал ее из виду, пока она не вошла в ту комнату. Там лишь один выход и нет окон, и никто не заходил туда в течение года. Иногда девушки нуждаются в уединении.

И он снова свалил дурака. Боже. Тал чувствовал себя так, словно вся его гребаная жизнь выходила из-под контроля.

— Следи за тем, чтобы моя невеста была в безопасности.

— От кого я должен ее защищать? От вас? — спросил Дэйн.

Талиб обернулся. Дэйн пожал плечами, небрежно махнув рукой.

— Это был твой прекрасный шанс, Талиб. Глубоко внутри ты до сих пор не оправился, так же, как и Алиа. И те ублюдки, которые причинили тебе боль, лишь выиграют, если ты им позволишь. Но ты собираешься это сделать, верно?

Последнее, что ему было нужно, так это проповедь от своего телохранителя-южанина.

— Ты можешь идти.

Дэйн не двинулся с места.

— Могу.

Нужно было напомнить Дэйну, кто здесь главный.

— Черт побери, Дэйн. Проваливай.

— Это было бы весьма кстати, да? — Дэйн стоял в расслабленной позе, широко расставив ноги. — Каждый делает то, что ты говоришь. С тобой вообще кто-нибудь спорит по-настоящему? У тебя есть хоть один гребаный союзник, который будет бороться за тебя?

У него не было никого, кроме братьев, которые всякий раз перечили ему. Но не в лицо. И Пайпер. Пайпер всегда ворчала на него. За те месяцы, что они работали вместе, она часто начинала спорить, когда полагала, что он был неправ. Она не знала, кто он на самом деле. Ему нравилось это. Когда они разговаривали, и она вступала с ним в словесный поединок, это приводило его в экстаз.

Боже, он был влюблен в нее в течение нескольких месяцев, и не мог себе в этом признаться.

— Выметайся.

Дэйн стоял на своем.

— Я так не думаю. Ты можешь уволить меня ко всем чертям, шейх, но у меня есть, что тебе сказать.

В Тале вспыхнула ярость.

— Убирайся сейчас же или тебя арестуют.

Дэйн фыркнул.

— Это будет просто отлично, Тал. Прекрасно. Арестуй меня. Со мной случалось дерьмо и похуже. Я все равно собирался сказать это однажды. Переживи этот облом, и отрасти себе пару шаров, чувак. Я знаю, что случившееся было ужасно. Я знаю, никому не понять того дерьма, что случилось с тобой, но такова реальность твоей жизни. Ты лидер, Талиб. Твой путь чертовски труден. И я не шучу на этот счет. Я не поведусь на твой фарс. Каждому что-то нужно от тебя, но никто ради тебя не пойдет на жертву. Кроме твоих братьев и этой женщины, на которой ты женат. И если ты оттолкнешь ее, тогда все, кто когда-либо причиняли тебе боль, одержат победу. А ты проиграешь.

Внутри него зародилась ужасная боль. Дэйн был прав, но он не мог понять одну простую вещь.

— Они выиграли в ту минуту, когда заставили смотреть на то, как тот, кто был мне не безразличен, умирает. Знаешь ли ты, мать твою, что они сделали со мной? Знаешь, что они заставили меня сделать?

Лицо Дэйна смягчилось.

— Могу себе представить. Они, вероятно, заставили тебя просить.

Просить. Умолять. Унижаться. Он делал все это. Он сломался, пытаюсь избавить Лили от боли, а они лишь рассмеялись и перерезали ей горло.

— Талиб, ты не можешь винить себя за это, мужик. Каждый может сломаться.

Его накрыла волной стыда. Что бы его братья подумали о нем, если бы узнали, как он умолял?

— Ты молил о своей собственной жизни? — спросил Дэйн. — Бьюсь об заклад, что нет. Так сделали бы большинство мужчин. Поступили бы так. Но ты просил за нее. Умолял.

Его бросили на землю и пинали, а затем вынудили целовать сапог того, кто сделал это. Он хотел сражаться, но Лили была его сабой. Он был в ответе за нее. Он должен был сделать все, чтобы спасти девушку. Что угодно, кроме предательства своей страны.

— Я сделал все, что они говорили, пытаюсь спасти ее. Они обращались со мной, как с животным. Они избивали меня, морили голодом. Они использовали дефибриллятор, останавливая мое сердцебиение, и вновь запуская его. Я был мертв, но они вернули меня. Я знаю, что такое смерть. Я был так зол, когда понял, что снова жив. Я хотел умереть.

— Я могу это понять. От чего ты отказался? — спросил Дэйв. — Они убили ее ради забавы, или ты отказал им в чем-то?

У него дрожали руки. Блять. Он не хотел говорить об этом. Он хотел забыть об этом, но что-то заставило его говорить. Он провел годы, наедине с этой жестокой правдой.

— Они хотели, чтобы я сделал видеозапись.

Он едва мог разглядеть слова, которые они хотели, чтобы он произнес. Его глаза, опухшие от побоев, почти не открывались. Мерзкие слова вновь погрузили бы его страну в темные времена. Ему было велено отказаться от демократии. Наплевать на сотни лет достижений его семьи.

Спокойный голос Дэйва эхом прокатился по комнате.

— Я помню то время, сэр. Если бы вы сделали эту запись, и если бы люди увидели ее, могли бы возникнуть настоящие неприятности. Что-то подобное могло бы дестабилизировать целую страну. Парламент ничего не контролировал. Только вы. Это породило бы массовые беспорядки, и вы вступили бы в конфликт с ближайшими государствами. Вы сделали то, что должны были.

— Да, — в его голосе слышалась горечь. — Я должен был предпочесть страну женщине, которая мне доверяла.

— Для тебя не существует легких решений, брат мой.

Животный страх отразился на лице Тала, когда он понял, что Рафик стоял в дверном проеме. Его брат все слышал. Его брат знал о его позоре.

— Уходи, Раф. Иди позаботься о Пайпер.

— Я пришел сюда, чтобы выбить из тебя дерьмо, — признался Раф, и его лицо покраснело от волнения. — Я был намерен драться, потому что ты не можешь поступать с нашей невестой подобным образом. Она не кусок собственности, но ты не поэтому отверг ее, не так ли? Думаю, она может быть умнее любого из нас. Пандора сказала мне, что ты был напуган.

Сегодня все загоняли его в угол.

— Я не напуган. Я просто не хочу иметь дело с наивностью Пайпер. Этот брак заключен ради защиты короны, а не по любви.

Раф вошел в комнату. Его плечи расслабились, а кулаки разжались.

— Это не так. Тал, ты сделал то, что нужно было сделать. Ты выжил. Наша страна выжила. Мне жаль, что Лили мертва, но ты не можешь провести остаток жизни, наказывая себя. Ты сделал все, что было в твоих силах, чтобы спасти ее. Ты поступил правильно. Одна жизнь ради тысяч других. У тебя не было другого выбора.

И в этом была суть его проблемы. Существовала истинная причина, по которой он не мог позволить себе любить Пайпер.

— Что, если я не смогу принять такое решение вновь? Если я не смогу выбрать свою страну?

Глаза Рафа вспыхнули, когда он все понял.

— Ты беспокоишься, что если это случится еще раз, ты отдашь все ради Пайпер?

Он осознавал это глубоко внутри. Он мог лгать ей, но истина останется неизменной.

Талиб уже был на краю.

— Я должен отпустить ее. Я не могу сделать выбор, который потребуется. Я не могу защищать свою страну и одновременно любить свою жену.

Раф вздохнул.

— Это неправда.

— Сэр, ваш брат прав. Вы не можете жертвовать всем. В конце концов, вы должны пойти на риск, — сказал Дэйн.

Но это не так. Ему не нужно было чем-либо рисковать. Тал застыл, приняв решение.

— Раф, ты и Кад отречетесь от престола. Вы можете взять Пайпер и жениться на ней. Я прослежу за тем, чтобы у вас было больше денег, чем вам когда-либо понадобится. Я женюсь в течение месяца. Престол будет в безопасности, и, если я никогда не заговорю с ней вновь, возможно, ни у кого не возникнет мысли причинить ей боль, чтобы добраться до меня.

Раф сжал челюсть.

— Это самая глупая вещь, которую я когда-либо слышал.

Его брат думал сердцем, а не головой. Тал знал, что хоть одному из них следовало оставаться рациональным.

— Это защитит всех нас.

— А ты не думаешь, что нужно спросить Пайпер о том, хочет ли она этого? — поинтересовался Рафик. — Ты не оставил ей выбора, Тал. Если ты заботишься о ней, ты должен позволить ей решать.

Позволить ей решать, если при этом она будет рисковать своей жизнью? Никогда.

— Я полагаю, ты хочешь видеть ее живой, Раф. Ты действительно готов рисковать ею?

Раф застонал.

— Боже, ты должен выступать на сцене, Тал. Риск есть во всем. Разве я не сяду в машину, потому что боюсь разбиться? Не полечу авиарейсом, потому что могу попасть в авиакатастрофу? У нас удивительная жизнь, и она сопряжена с риском. За каждой привилегией, которую мы имеем, следует унция боли, но все равно, я ни от чего бы не отказался. Я не отрекусь от престола. Пайпер не покинет нас. Ты должен понять, что мы твоя семья, и мы не оставим тебя, даже когда ты того не заслуживаешь. Вот, что значит семья. Наша наложница сильнее, чем ты можешь себе представить. Я ее знаю. Она готова рискнуть.

— Но не я.

Он не мог этого сделать. Просто не мог. Шейх не мог рисковать, выбирая между ней и своей страной.

— Я не отступлю, Раф. Скажи ей, чтобы она паковала вещи. Вы можете уйти с ней, или нет. Я прослежу, чтобы она не нуждалась в деньгах. Пайпер уверяет, что нет ни единого шанса беременности. Скажи, что она может жить в любом месте, где захочет. Но не здесь. Я ожидаю ее отъезда завтра.

Тал повернулся, его тело ничего не чувствовало, в то время как внутри все, чего он хотел — это биться головой о стену. Он не мог вынести мысли о том, что никогда не увидит Пандору снова. Она уже проложила путь к его сердцу. Талиб выполнит свой долг перед страной, и до самой могилы он будет лелеять в своем сердце воспоминания о тепле любимой.

— Мне нужно присутствовать на сегодняшнем ужине. Я посплю здесь. Утром я встречусь с пресс-секретарем. Нам придется придумать хорошую историю и поручить кому-

нибудь позвонить послу Голландии. Мне нужно с ним поговорить, его правительство с радостью предоставит мне невесту.

— Это не сработает, брат.

Раф повернулся и вышел.

Дэйн просто отвернулся. Хотя телохранитель стоял за дверью, Тал осознавал, что он разрушил их дружбу.

Он был один. И так ему суждено провести весь остаток своей жизни.

— Ты уверена, что хочешь сделать это, хабибти? — Кад заправил назад прядь ее волос, приласкав кожу за ушком.

Пайпер была уверена. Она никогда прежде не испытывала такой уверенности в чем-либо. Она не собиралась позволить выставить себя за дверь. Талиб хотел избавиться от нее? Что ж, ему придется встретить бой. После того, как Раф объяснил ей все страхи и опасения Тала, более, чем когда-либо она была уверена в том, что он в ней нуждался. Пайпер не была мазохисткой. Она знала, что может потерпеть поражение, но не собиралась сдаваться до тех пор, пока ей было за что бороться.

Тал не был жесток. Он был просто глуп. Очень, очень глуп. К счастью для него, она была ужасно умной.

— Она уверена, Кад, — Раф положил руку ей на бедро, притянув к себе. — И она так чертовски красива. Я говорил тебе, как ты красива, хабибти?

— Больше, чем один раз, милый, — она приблизилась к его губам, молча прося о поцелуе. И он не заставил себя ждать. Эти двое мужчин были лучшим, что когда-либо с ней случалось. Они не только говорили ей о том, что она прекрасна, но и заставили ее поверить в это. Так же, как и человеку по имени Тал удалось заставить ее поверить в себя все эти месяцы назад. Теперь, оглядываясь на их странные отношения, она могла видеть, как много он сделал для нее. Она никогда бы не решилась на эту поездку без его поощрения. Он был тем, кто сказал ей, что она достаточно умна, чтобы принять участие в работе над этим проектом. Он был единственным, кто делился с ней идеями и по-настоящему ценил ее.

Она не собиралась отпускать ни одного из своих мужчин. Кад приподнял к себе ее лицо и обрушил на ее губы очередной сладкий поцелуй. Как, черт возьми, женщина могла чувствовать себя недостойной, проводя часы в их объятьях? Тал понятия не имел, что его ожидало.

Она взяла руку Када и позволила ему увлечь себя к мраморному входу в консерваторию. Охрана была повсюду. Двое крупных секьюрити стояли у дверей, их форма цвета хаки смотрелась нелепо на фоне окружающей их элегантности.

— Ваше Высочество, — оба мужчины в почтении склонили свои головы.

По крайней мере, Талиб не отстранил ее от ужина. Похоже, он думал, что она будет собирать вещи, как хорошая девочка, за которую он её принимал. Вероятно, он изучил ее не так досконально, как полагал. Ей бы не удалось поднять сестру на ноги и закончить школу без дюжей силы воли.

— Джентльмены, — она кивнула им. Ей было странно принимать выраженное ей почтение, но она начала воспринимать это как простую вежливость.

У двери стоял слуга, одетый в сверкающую форму. Она видела его раньше, но не могла припомнить, где. Он казался очень дружелюбным. Она встречала много людей. Ей следовало принять за правило знать имена всех своих слуг, чтобы иметь возможность справляться об их семьях.

Молодой человек слегка нахмурился, прежде чем его лицо прояснилось, и он улыбнулся.

— Ваше Высочество. Буквально несколько минут назад шейх сообщил нам, что вы не присоединитесь к нам сегодня вечером. Ни один из вас. Боюсь, время для аперитива уже

прошло. Скоро будет сервирован ужин.

Кад оглядел молодого человека.

— Вы — Хассем? Как долго вы находитесь с нами?

Хассем слегка выпрямился.

— Чуть больше года, Ваше Высочество. Мой отец пробыл во дворце двадцать лет.

Раф кивнул.

— Он младший сын Ахмеда. Тот, который был в армии. Благодарю тебя, Хассем, но шейх ошибся. Ее Высочество все же решила присоединиться к трапезе. Пожалуйста, открой дверь. Мы не хотели бы пропустить ужин. Я слышал, шеф-повар приготовил нечто потрясающее.

Слуга слегка покраснел и коснулся рукой двери.

— Конечно. Если вы позволите, я позабочусь о закусках для охранников. У меня для них есть бутылки с водой и несколько энергетических батончиков. Полагаю, это будет очень долгая ночь.

Кад отослал молодого человека взмахом руки.

— Делайте, что нужно. Спасибо.

Двойные двери запахнулись. Мягкая музыка арфы и элегантное освещение натолкнули Пайпер на мысль о том, что она вошла в комнату из прошлого столетия. Помещение было красиво сконструировано, с легким налетом античности.

Теперь это было ее миром. Как странно, найти свое прибежище так далеко.

Двадцать голов повернулись в ее сторону. Она узнала многих мужчин в комнате, в том числе Халила. Он послал ей хищную улыбку.

— Я убью его, — прошептал Раф сквозь сжатые зубы. — Как он смеет показываться во дворце.

Пайпер до сих пор не была уверена, что Халил предпринимал что-либо на ее счет. Она просто приболела. Это было не так удивительно, учитывая, что она еще не привыкла к новой стране. Она должна была быть осторожной с тем, что ела и пила, пока ее тело не приспособилось к местному климату.

— Он здесь, потому что представляет западные провинции. Пока они не решат изгнать его из палаты, или вы не обнаружите истинные доказательства против него, вы должны быть осторожны.

Она изучила все, что могла о региональной политике. Было легко читать между строк. Между кузенами была неприязнь. Халил был ярким сторонником религиозных реформ и ограничения власти шейха, но его должность в правительстве обязывала его проводить много времени во дворце. Они должны были быть с ним осторожны.

— Я могу прикончить его очень незаметно, — прошептал Кад.

Она нахмурилась.

— Или нет, — Кад пожал плечами. — Но не сильно удивляйся, если он разобьется в ужасной аварии. Я слышал, что водитель из него просто кошмарный.

— Да, — голос Рафа был наполнен глубоким удовлетворением. — В наших краях много опасных дорог. И мы не имеем к этому ни малейшего отношения.

Она собиралась серьезно поговорить с ними о пагубных последствиях убийства, но Талиб, наконец, ее увидел. Его прекрасное лицо повернулось в ее сторону, и он ярко покраснел. Его глаза вспыхнули, и она поняла, какой вызов она ему бросила.

Он что-то пробормотал послу и крадучись, двинулся по комнате, каждым своим шагом

олицетворяя хищную грацию. Он был чертовски великолепно в своем прекрасно скроенном смокинге, но в его глазах полыхал гнев. Шейх действительно не желал, чтобы она была здесь. Возможно, он думал о ее благе, но что, если сквозь стену его боли она не смогла пробудить в нем те эмоции, которые могли связать их воедино?

— Будь смелой, — прошептал Раф.

— Братья, не желаете объясниться? — он даже не взглянул на нее. Это выводило ее из себя. Она почувствовала, как в ней поднимается гнев.

— Мне захотелось есть. Или ты намеревался уморить меня голодом, прежде чем отослать прочь? — произнесла она тихо с фальшивой улыбкой на лице.

Наконец, глаза Тала встретились с ее, и она поняла, что он полагал, будто все это было спланировано его братьями. Ему не приходило в голову, что она действовала по своему усмотрению.

— Я отправлю к тебе ужин. Конечно, я не хотел доставлять тебе неудобств.

И теперь он был выбит из колеи, как она и хотела. У них была очень внимательная аудитория. Она послала ему блестящую улыбку и наклонилась, чтобы поприветствовать его поцелуем. Так близко, что могла чувствовать жар его тела, могла видеть, как его губы сжались, прежде чем она прижалась к ним своими губами. Она думала, что это будет легкий поцелуй, нежное приветствие, но его руки легли на ее талию и притянули ее ближе. Возможно, он не хотел, чтобы она была здесь, но его эрекция говорила об обратном. Он моментально затвердел напротив ее живота.

— Не думай, что, выиграв одно сражение, ты можешь одержать победу в войне. Я с силой выдворю тебя из дворца завтра утром. На самом деле, я могу сегодня же посадить тебя на самолет. Ты можешь присесть и сыграть свою роль в последний раз, но Пайпер, завтра ты исчезнешь из моей жизни.

Слезы угрожали помутить ее взор.

— Тебе безразлично, что я люблю тебя?

Его руки сжались, голос походил на рокот.

— Я хочу поступить правильно по отношению к тебе. К моей стране. Разве ты не видишь, что так будет лучше?

Она вновь встретилась с ним глазами.

— Нет. И я не уйду смиренно. Ты думаешь, что можешь найти более послушную невесту, но я не облегчу тебе этого. Я буду бороться за свою семью.

— Так тому и быть, — он снова поцеловал наложницу, жестко сминая ее губы. Когда он поднял голову, шейх был снова совершенно спокойным, легко надев свою привычную маску. — Господа, вы должны извинить меня за заминку. Моя невеста выглядит исключительно прекрасно этим вечером.

И завтра, если Тал добьется своего, она покинет это место. Это было самым трудным, что она когда-либо делала, но Пайпер нацепила на лицо улыбку и присоединилась к остальным, принимая бокал вина от одного из слуг. Она поддерживала разговор, общаясь с каждым из политиков, перескакивая с темы об экономике на управление страной, когда могла. Она могла чувствовать на себе теплые взгляды Рафа и Када, придающие ей силы. И каждый раз, когда она поднимала голову и замечала, как Тал наблюдает за ней, ему приходилось отводить взгляд.

Пандора обошла всю комнату, ни на секунду не переставая улыбаться и очаровывать. Наконец, она обнаружила, что осталась одна у дальней части комнаты и вдали от гостей,

рассматривая большие эркеры, выходящие во двор. Солнце уже зашло, и серебристый лунный свет освещал великолепные сады. Эта земля была чужда и прекрасна, но, спустя несколько коротких дней, уже начинала казаться родной.

Где она будет завтра? Пайпер провела большую часть своей жизни, точно зная, где она будет. Она полагала, что проведет свою жизнь в небольшом тexasском городке, принимая свою судьбу. В какой-то момент она обнаружила в себе силы, чтобы пойти собственным путем. Была ли она достаточно сильной, чтобы сохранить свою семью?

— Ты хорошая актриса. Отдаю тебе должное. Ты прекрасно справилась с ролью милостивой королевы.

Она увидела его отражение в окне. Талиб. Прекрасный, отстраненный, ее шейх. Мысль о том, чтобы потерять его, ранила ее сердце.

— Я делаю это лишь для того, чтобы угодить тебе.

— Если хочешь угодить мне — уходи, и возьми моих братьев с собой, — парировал он жарким шепотом. Он смотрел с отражения в совершенно бесстрастной манере, так не присущей тому человеку, который шлепал ее и загонял член глубоко в ее тело, соединяя их воедино лишь несколько часов назад. А теперь он велел ей уходить.

— Если бы я действительно думала, что это тебя порадует, я бы оставила тебя, но я помню, каково это, чувствовать тебя глубоко внутри, — тихо произнесла она. — Я знаю, как ты занимаешься любовью, Тал.

Вот она. Легкая дрожь, которая дала ей понять, что она попала в цель. Если бы она не была столь внимательна, Пандора бы это упустила. Его лицо вновь окаменело.

— Это был секс, Пайпер. Ты слишком наивна. Я трахаюсь так каждый раз.

Пандора закатила глаза. Она не смогла удержаться. Пайпер повернулась, не преминув выпрямиться, так, чтобы не оставить ему ни малейшей возможности не заметить ее грудь. Раф выбрал для нее платье с великолепной красной отделкой и глубоким декольте. И вот оно — это легкое пламя в его глазах и эрекция, натягивающая его брюки. Да, он определенно «не испытывал» к ней ни малейшего интереса.

— Конечно. Кроме того, что ты сказал мне, что ты несколько лет не приводил любовниц в подземелье. Если бы ты действительно не хотел видеть меня там, ты бы вежливо попросил меня уйти. И я бы ушла, знаешь. Я бы ушла, и никогда бы не возвращалась, но этого не произошло. Вместо этого, ты занялся со мной любовью.

Он напряг челюсти, не отводя глаз от ее груди.

— Ты переоцениваешь свою привлекательность.

Пайпер фыркнула. Ничего не могла с собой поделаться.

— Да, я хороша. И неплоха в деле. Тал, ты можешь отослать меня прочь, но я все равно буду любить тебя.

— Я забуду тебя. Пайпер, я женюсь через две недели после твоего отъезда и буду двигаться дальше. Ты можешь ожидать чего угодно, но я с тобой закончил, — он повернулся и пошел прочь.

Она смотрела вслед. Что, черт возьми, она делает? Если он действительно так решил, как она могла заставить его передумать? Он просто велит охране выдворить ее из страны и запретит возвращаться. Если шейх не хочет ее видеть, он никогда не взглянет на нее снова.

— Ваши Высочества, уважаемые гости, просим вас присоединиться к нам за ужином. Мы готовы накрывать на стол, — слуга в тюрбане и черной униформе улыбнулся. Он и его помощники стояли у двойных дверей, которые вели в столовую. Пайпер смотрела, как Тал

направился к двери. Он будет держаться от нее как можно дальше. Он будет сидеть на одном конце длинного стола, а она — на другом. Он не будет пытаться заговорить с ней снова, пока она не уедет.

Она могла бороться. Но теперь она не была уверена, что победит.

Двойные двери открылись, и показался Хассем с двумя небольшими металлическими предметами в руках. Что он делает? Она снова взглянула на его лицо и вспомнила, где видела его раньше. В ее голове вспыхнули отрывки воспоминаний. Хассем был тем, кому Халил приказал принести чай. Она вспомнила его изящные руки, когда он ставил поднос на стол и разливал чай. Он послал ей легкую улыбку, подавая чашку, в которую, как она теперь подозревала, он добавил яд.

С той же самой улыбкой он забросил маленькие канистры в зал. Металлические баллончики упали на пол и взорвались, весь мир озарила ужасная вспышка. Ее взор затуманился, за секунду погружаясь из огненной белизны в полную темноту. Звуковая волна поразила ее слух прежде, чем она лишилась его совсем. Пайпер споткнулась, пытаясь сохранить равновесие, но не смогла сделать ни шагу.

Разрывались вспышки. Она читала о таком. Шумовые гранаты. Она читала статью о теракте, где они применялись для того, чтобы выиграть драгоценные секунды. Они могли дезориентировать людей на несколько секунд, позволяя плохим парням успеть сделать что-то действительно ужасное. Она позволила своему телу опрокинуться назад. Ей было необходимо добраться до пола. Она не могла стоять. Падение назад спасет ее руки, и она сможет перевернуться на живот и защитить голову. Паника угрожала завладеть ею, но она заставила себя сохранять спокойствие. Пять секунд. Об этом говорилось в статье. Через пять секунд ее зрение начнет проясняться. Восстановление слуха займет больше времени, но она будет в состоянии видеть. Она должна добраться до Тала. Они пришли за Талом.

Девушка поняла свою ошибку буквально за секунду. Чья-то большая рука схватила ее и потащила по полу, она обмякла, пока ее волокли прочь из комнаты.

* * * *

Тал упал на пол, в ушах звенело, а глаза заволочла чернота. Он потерял гребаное зрение. Что, черт возьми, случилось? В одну минуту он шел прочь от Пайпер, уверенный в том, что спасает ее, а в следующую, один из его слуг швырнул чертову гранату прямо в его сторону. Она ударила его в грудь и отскочила, прежде чем взорваться и погрузить его в немую тьму. Он заставил себя перевернуться. Не имело значения, что он не мог видеть. Он должен был добраться до Пайпер. За всем этим стоял Халил. Халил подкупил его слуг на предательство. Это было единственным объяснением.

Тал почувствовал мрамор под руками и коленями. Он попытался сориентироваться. Он уходил от Пайпер, когда произошло нападение. Перед глазами плясали круги. Он не мог видеть ни единой гребаной зги. Его уши кровоточили. Слух возвращался, но звуки были приглушенными и искаженными.

Пайпер. Он должен был добраться до нее, защитить. Он не мог ее потерять. Он мог отвергнуть ее. Он мог жить без нее, зная, что она где-то вдали от него, в целостности и сохранности. Он не хотел жить в мире, в котором не было Пайпер. Его сердце бешено колотилось.

— Пайпер! — сквозь поврежденный слух до него донесся приглушенный крик. Раф? Кад? Звук казался невероятно далеким.

Он споткнулся. Его взор начал проясняться, но повсюду царил хаос. Комната была

окутана дымом. Где, черт возьми, были охранники? Он убедился, что у каждой двери дежурили, по крайней мере, двое. Дэйн, Лэндон, и Купер были на патрулировании. В своем приступе упрямства, он отослал их так далеко, как только мог. Донесся ли до них шум?

Халил не мог рассчитывать на то, чтобы вывести Пайпер из дворца. Он мог подкупить одного или двух человек, не вызвав подозрений, но больше? Он не верил в это. Его люди были преданы ему.

Это означало, что Пайпер могла быть уже мертва. И тогда уже ничто не будет иметь значения.

Он чуть не рухнул на чье-то тело. Посол? Он был жив, но с трудом пытался подняться на ноги. Тал упал на пол. Чья-то сильная рука подняла его.

— Ты знаешь, что моя задача — защитить тебя, — Дэйн смотрел прямо на Тала. Его глаза были совершенно ясны. Дэйна не было в комнате, когда взорвалась граната. Помимо нее, нападающий, казалось, использовал какую-то дымовую шашку. Тал кашлянул, пытаясь прочистить легкие.

— Пайпер, — он едва мог слышать Дэйна, но он понял суть его слов. Главной миссией Дэйна было защитить шейха. Если он не отделается от Дэйна, он окажется под полной защитой, и лишь Богу известно, что в это время будет делать Халил с его невестой. Он попытался вырваться. — Я должен найти Пайпер.

Он не мог позволить им тратить время на то, чтобы доставить его в безопасное место. Для Пайпер, если она была еще жива, это время было невероятно дорого.

— Успокойся. Я знаю, что должен защищать тебя, но если эта женщина погибнет, мы потеряем вас. Вы помните, как пользоваться Зиг Зауэром, Ваше Высочество? — Дэйн вложил пистолет в его ладонь. Холодный металл заполнил его руку.

Дерьмо, да, он помнил. Он скрупулезно тренировался с оружием после побега его похитителей. После этой ночи, он сможет постоянно носить его с собой. Шейх щелкнул предохранителем, и заставил двигаться свои чертовы ноги.

Дэйн указал на выход в коридор.

— Я думаю, они вышли этим путем, Ваше Высочество. Мелкий ублюдок, который бросил гранату, не рассчитывал на то, что я и Лэндон окажемся поблизости. Он пытался отправить нас по ложному следу, но я могу узнать предателя в лицо. Купер пошел проверить его на всякий случай, но Лэндон и я остались на месте.

Слава Богу, голос Дэйна был громким. К Талу начал возвращаться разум. Как Халил планировал выйти сухим из воды?

— Халил сошел с ума. Даже если он попытается сбежать, кто-то его увидит.

Куда он намерен увести ее? Потребуется ли он за нее выкуп? Попробует ли обменять на Талиба? Это не имело смысла.

— Он не сумасшедший. У него последняя стадия рака, — прокричал ему Дэйн. — Я выяснил это пару дней назад, но, откровенно говоря, я не хотел, чтобы ты делал на это скидку. Я собираюсь уличить его в связи с радикалами, которые вас похитили, а также работорговцами, которые схватили Алию. Имеются финансовые следы, но мне нужно составить еще несколько отчетов. Я хотел привести все в порядок, чтобы ты дал мне зеленый свет.

Дэйн нахмурился:

— Ему осталось лишь шесть месяцев. Он больше не намерен завладеть тронном. Он просто хочет достать тебя. Он ожесточен. Он ненавидит тебя и всю твою семью.

Тала охватил страх. Халил действительно хотел ее убить. Он хотел убедиться в том, что Тал будет страдать. Его не интересовал побег. Не будет никаких переговоров. Лишь боль его наложницы, его Пайпер. Боль и смерть.

— Сержант, я думаю, у меня кое-что есть для вас, — по рации Дэйна раздался голос Лэндона, когда они пересекли двойные двери. Двое охранников, дежуривших здесь по его распоряжению, были без сознания и лежали на полу. Вода покрывала мрамор. Было похоже, словно они пили ее, когда упали. Талу оставалось надеяться, что они не были мертвы.

— Слушаю, Лэн.

— Этот мелкий ублюдок, Хассем, говорит, что Халил планирует изнасиловать и убить ее в постели мужа. Он утверждает, что это Халил. Затем Халил намерен покончить с собой. Он составил записку, где говорится, что королевская семья подтолкнула его к этому. Он пытается нанести наибольший ущерб.

Еще до того, как Дэйн заговорил, они оба устремились к лестнице.

— Насколько надежны эти данные? У нас не так много времени.

У них не было права на ошибку. Каждая секунда их задержки могла стоить Пайпер невыносимой боли. Мысль о том, что она может быть ранена, изнасилована, едва было ему по силам.

— Что ж, сержант, мой пистолет направлен прямо на его задницу, и я пригрозил спустить курок. Он, кажется, испытывает нежнейшие чувства к предмету своей мужской гордости, если вы понимаете, о чем я. Думаю, я просто подержу его здесь, пока мы не убедимся, что он не лжет.

Дэйн продолжал говорить, перепрыгивая разом через две ступеньки.

— Кто присматривает за малышкой?

Алия. Халил действительно продал Алию в рабство. Халил ненавидел их так сильно, и все потому, что у них было немного больше, чем у него. У Халила были деньги и хорошая жизнь, но что-то глубоко внутри него было сломано. Лицо Дэйна оставалось каменным, но оно вспыхнуло, когда он спросил об Алие. Крупный охранник действительно заботился о ней.

— С ней Куп. Она в безопасности, сержант. Куп присмотрит за нашей девочкой и убедится, что она не попадет под огонь. Даже если она не захочет оставаться в безопасности. Проверьте все и дайте знать, нужно ли мне прострелить задницу этому парню. Насквозь.

Тал решил никогда не вставать на пути Лэндона Никса. Он оглянулся, желая, чтобы его братья были рядом с ним. Он потерял их в толпе, но не сомневался, что они искали Пайпер. Его братья. Он осознал, что никогда не был одиноким, потому что его братья всегда были рядом. Даже в этом гребаном складе, где его держали, когда ему казалось, что он погиб, он слышал шепот братьев, взывающих его к жизни.

Он никогда не должен был сомневаться в них. Он мог рассказать им все, и они бы разделили с ним это бремя, потому что именно так поступает семья. Они делят раны и боль, стирая ее и делая терпимой. Они делят радость и любовь, умножая их на что-то большее.

Его братья. Его почти состоявшаяся жена. Он не был уверен, что сможет жить без них. Но если он спасет ее, Тал знал, что ему придется. Другие бы попытались. Она никогда не будет в безопасности. Желчь поднялась в его горле. Что, черт возьми, он мог сделать? Даже если Халил будет мертв, он оставит преемников.

Талиб отодвинул панику. Все будет зря, если она погибнет. Все.

Дэйн поднял руку, остановившись. Его тело было совершенно неподвижным. Он мог бы

быть одной из многих мраморных статуй, украшавших постаменты. Его лицо было каменным, словно гранит, когда он указал за угол.

Тело. Одного из слуг. Даже отсюда Тал мог видеть лужу крови, собирающуюся вокруг трупа. Верный слуга, растерзанный монстром. Паника уступила место чувству вины. Сколько еще людей умрет из-за того, что Халил был помешанным?

— Глушитель, — прошептал Дэйн. — У него должен быть глушитель, иначе я бы услышал.

Дэйн шагнул вперед, но его крупное тело не издавало ни единого звука. Он ступал на носочках, двигаясь с естественной грацией. Тал следовал за охранником, цепляясь за стены. Каждый шаг приближал его к Пайпер, ближе к истине, жива ли она до сих пор.

— Гребаная сука! — эхом разнесся крик Халила.

Дэйн выставил руку, останавливая Тала от рывка вперед. Тал успокоился. Его охранник был прав. Вбегать в комнату с криками было не самым лучшим способом спасти Пайпер. Он слышал, как Халил тихонько простонал.

— Мне жаль. Как твоим яйцам пришелся мой каблук? — голос Пайпер дрожал, но в ее протяжном тexasском говоре слышалась решимость. — Попытаешься снова, и, клянусь, я оторву их.

— Тупая сука, — низкое рычание Халила разнеслось по комнате, когда Талу было разрешено двигаться вперед. Судя по звукам, его кузен успел пробраться в спальню. Внешняя гостиная была пуста, но здесь явно присутствовали следы борьбы. Кресло было опрокинуто, стол сломан. Пайпер боролась за свою жизнь, и, похоже, ее не заботили правила хорошего тона.

Тала охватило чувство гордости за свою невесту. Она была до сих пор жива, и дала Халилу жару.

На его спину опустилась ладонь и заставила его развернуться. Он едва сдержал вскрик.

Раф и Кад были здесь, каждый с пистолетом в руке.

Дэйн приложил палец к губам. Тишина. Это было ключевым словом дня.

Тал не был уверен, как здесь очутились его братья. Скорее всего, они последовали за Дэйном или узнали от Лэндона, куда следовало идти, но, независимо от того, как это случилось, Тал испытал глубокое облегчение, когда его братья оказались подле него. Они стояли за его спиной. Он мог чувствовать их напряжение, но ни один из них не паниковал.

— Это не сработает, — сказала Пайпер. Тал жалел, что не мог ее видеть. — Ты не сможешь причинить ему боль через меня. Он не любит меня. Все, чего ты добьешься, убив меня, это лишь пропуск в тюрьму, а у него будет другая невеста уже к концу недели. У него достаточно времени, чтобы жениться. Ему нужно лишь несколько недель. В любом случае, он намеревался выгнать меня завтра утром.

Тал ненавидел эту дрожь в ее голосе. Он задался вопросом, действительно ли она верила в это. Боже, она не может умереть, думая, что он не любит ее. Она была для него целым миром.

Последовала пауза. Дэйн подкрался к двери, прокладывая им путь. Талиб был в замешательстве. Он не мог просто войти в комнату и начать палить. Он понятия не имел, где они стояли.

Они нуждались в отвлекающем маневре.

За массивными дверьми зазвучал голос Халила. Тал видел, как прислушивается Дэйн, пытаясь выяснить, где именно стоял шакал.

Голос Халила был слышен через тяжелые двери. Тал мог видеть, как Дэйн прислушивается, пытаюсь выяснить, где находится этот подонок. Проблема заключалась в том, что звук, как правило, разносился по комнате эхом, делая невозможным достоверно узнать, где находится цель, не видя ее.

— Я думаю, что мой кузен заботится о тебе больше, чем ты думаешь, — прорычал Халил. — Я видел, как он смотрит на тебя. И ты тоже должна была видеть. Иначе зачем бы тебе оставаться, после того, как я рассказал тебе обо всех женщинах твоих мужей, упрямая американка? Зачем тебе появляться на сегодняшнем ужине, после такой ужасной ссоры, случившейся ранее? Да, я все знаю об этом. Знаешь, мы почти отменили нападение. Я собирался дождаться другого случая, когда ты была бы поблизости. Но ты вплыла в комнату, словно лебедь, сама, обвела Шейха вокруг пальца. Тупая шлюха. Теперь подойди сюда, и, возможно, я позволю тебе жить. Если откажешься, я могу застрелить тебя прямо там, где ты стоишь. В любом случае, я поставлю Талиба на колени. И ты — ключ.

Волна ярости обрушилась на Талиба. И ужас за Пайпер. Сукин сын. Халил только что подписал себе смертный приговор.

Дэйн слегка покачал головой, словно пытался прояснить ее, чтобы вновь постараться определить их расположение в комнате, но Тал не мог быть уверен, что Халил сделает сперва — выстрелит или заговорит. Пайпер не подчинится. Он не мог терять ни минуты.

— Убедись, что он мертв, — прошептал он Дэйну. Затем положил пистолет на стол и направился к двери с поднятыми руками.

Дэйн тихо выругался, его глаза полыхали, но Тал знал, что он был слишком далеко от охранника, чтобы тот мог поймать его, не наделав шума.

— Халил, я один и я вхожу.

Он практически мог чувствовать напряжение своих братьев. Шейх послал им последний долгий взгляд. Его братья. Его ближайшие друзья. Для него было истинным благословением провести эту жизнь с Рафом и Кадом. Они позаботятся о Пайпер. Они позаботятся о стране.

“Я люблю вас, мои братья”. Если он умрет, он желал для них самой лучшей жизни. Детей. Счастья. Любви.

— Клянусь всем, что свято, я убью тебя, Талиб. Я пытался в течение многих лет. Я был тем, кто помог повстанцам. Я был тем, кто предоставил им пароли, чтобы они могли добраться до буровой и похитить тебя, — голос его кузена раздался из комнаты.

Внутренности Тала сжались. В глубине души он знал это, но признание сделало догадки реальными. Его собственный двоюродный брат вступил в сговор, чтобы подвергнуть его пыткам. Тем не менее, он должен был оставаться бесстрастным. Жизнь Пайпер была на кону. Он должен был спокойно зайти внутрь и предоставить Халилу лучшую цель, чем Пайпер.

Как только Халил выстрелит, Дэйн узнает его местоположение. Пайпер сможет укрыться. Дэйн ворвется в комнату, и все самое ценное в жизни Тала будет спасено.

С бешено колотящимся сердцем он опустил руку на дверь. Выстрелит ли Халил сразу или немного с ним поиграет? Он открыл дверь и сразу же поднял ладони вверх.

— Я люблю ее. Я любил ее в течение многих месяцев. Ты всегда был умнее, чем я думал. Я обменяю ее на себя. Я тот, кого ты хочешь. Я тот, кто должен заплатить.

Пайпер стояла справа от него, побледневшая, с широко распахнутыми глазами. На ее щеке виднелась царапина, а платье было изорвано. Вся ее элегантность исчезла, но ничто не могло сделать ее менее красивой.

— Тал.

— Не смей двигаться, Пайпер, — он послал ей лишь мимолетный взгляд. Он не должен был спускать глаз с Халила.

Скверная ухмылка скривила лицо Халила. Теперь, когда он узнал об этом, Тал мог увидеть урон, нанесенный Халилу болезнью. Или, возможно, это были отголоски жизни, потраченной на то, чтобы причинять зло людям, которые его окружали. Но он не мог почувствовать и капли жалости к Халилу. Какая бы ужасная смерть ни настигла его, она будет слишком легкой.

— Я говорил, что он придет за тобой, дорогая, — сказал Халил. — Я убью и его тоже, но не сейчас. Он пришел как раз вовремя, чтобы увидеть твою смерть.

Тал прыгнул в ту же секунду, когда Халил поднял пистолет. Время, казалось, замедлилось, и его взор полностью сосредоточился на оружии. Он должен был спасти Пайпер, и был лишь один способ сделать это. Эта пуля настигнет свою жертву. Он просто должен был убедиться, что это будет не Пандора.

Звук был приглушен длинным глушителем на конце пистолета, но этот выстрел сотряс воздух и раскаленной плетью прожег живот Тала. Пуля жгла, прорезая его плоть.

Выстрел. Его подстрелили.

Он принял на себя пулю, которая, скорее всего, оборвала бы жизнь Пайпер. Даже сейчас, падая на пол, он мог чувствовать его: кусочек металла, плавящий внутренности. Каждую клетку его тела пронзила невыносимая боль.

— Будь ты проклят, Талиб, — закричал Халил.

Дверь распахнулась от удара ногой. В следующий момент Дэйн был внутри, его крупное тело двигалось быстрее, чем Тал мог вообразить. Лицо огромного охранника было пустым, когда он поднял свое оружие и сделал три быстрых выстрела, без малейшего намека на колебание.

Тал вовремя перевел взгляд, чтобы увидеть, как содрогнулось от пуль тело его кузена. Два выстрела в грудь, и один прямо между глаз. Лицо Халила побелело, и его уже мертвое тело осело на пол.

Облегчение охватило Талиба. Теперь он мог спокойно умереть.

— Тал! — перед его взором появилось лицо Пайпер, когда она подползла к нему, отбрасывая обрывки разорванного платья. По ее щекам текли слезы. Она снова оглянулась, словно ища его братьев. — Кто-нибудь, вызовите скорую. Кад, пожалуйста, скажи им поспешить.

Кровь. Так много крови. Он чувствовал, как его руки становятся скользкими от нее. Это его кровь? Мир вокруг начал терять краски. Пайпер положила руку на его лицо. Она действительно была ангелом. И ее нужно защищать. В нее никогда не должны были стрелять. Как мог он хоть на минуту предположить, что она была обыкновенной?

Тал коснулся рукой ее лица.

— Такая красивая.

Она наклонилась и поцеловала его в лоб.

— Пожалуйста, останься со мной. Пожалуйста. Не оставляй нас. Ты нужен нам.

Но ей нужен был кто-то, гораздо лучше, чем он. Он попытался сказать ей, но не смог вымолвить ни слова. Шейх лишь не отрывал взгляда от ее лица, которое теперь было покрыто следами крови. Он слышал, как Дэйн выкрикивал указания по своей рации.

— Прости меня, — сумел выдать он.

— Конечно, — слезы бежали по ее лицу. — За все.

Раф опустился на одно колено, положив руку на спину Пайпер, обеспечивая ей поддержку. Кад звал на помощь. Вокруг него все было в движении, но Пайпер была единственным, что имело значение.

Тьма поглотила Талиба, но не раньше, чем его настигла одна последняя мысль.

“Я люблю тебя”.

Три недели спустя

Даллас, Техас

Пайпер рассматривала ночные огни и пыталась отыскать в себе хоть каплю энтузиазма. Вид, открывающийся из пентхауса семьи Джеймс, безусловно, превосходил все ожидания, но все, о чем она могла думать — это о тихих садах Безакистана. Как она будет гулять ночью по балкону, и наблюдать за качающимися пальмами. Наконец, один из ее мужей найдет ее, обнимет за талию, и скажет ей, как она прекрасна.

У нее было трое удивительных мужчин. А теперь она осталась одна.

Больше не наложница. И уже никогда не будет королевой.

— Эй, мы с Джесс подумали, не зайдешь ли ты внутрь, чтобы выпить бокал вина перед ужином? Пошли. Кто-то должен пить вместо меня, — Ханна Джеймс вышла на балкон, поглаживая свой округлившийся живот. Ее зародившаяся улыбка тут же погасла, когда она взглянула на Пайпер. — Милая, ты снова плачешь. Я хочу, чтобы ты рассказала мне, что случилось. Я знаю лишь, что ты возвратилась домой в поисках места для жилья, и неожиданно Коул и Бурк стали крайне заинтересованы в том, где ты находишься каждые двадцать четыре часа в сутки.

Она вздохнула. С тех пор, как она вернулась, Пайпер была сама не своя. Она чувствовала себя бездомной и потерянной. Ночью, приземлившись в Далласе, она задумалась о том, как будет добираться из аэропорта в гостиницу. Ей вручили тысячу долларов и кредитную карту, которой она поклялась никогда не пользоваться, однако, насколько ей было известно, никто не знал о том, что она возвращается в Техас.

К ее удивлению, Бурк и Коул Ленноксы ждали ее. Большой задумчивый охранник Тала по имени Дэйв передал ее им, и она оказалась на пути к пентхаусу Джеймсов. Благодаря Рафу и Каду, у нее больше не было квартиры. Она плакала, потому что у нее не было дома. О, агент по недвижимости связался с ней на следующее утро после прибытия в Даллас. Очень вежливая женщина сообщила ей, что Пайпер может выбрать любой дом в городе на свой вкус, и что все будет оплачено. Ей просто нужно было сделать выбор. Пайпер не стала перезванивать женщине. Она больше ничего не хотела от братьев Аль Муссад. Поэтому, она была очень тихой гостьей Джеймсов на протяжении уже трех недель. И она не желала делиться ни каплей боли своего разбитого сердца. Но, возможно, время пришло.

Завтра Пайпер поблагодарит Ханну и ее мужей за гостеприимство, найдет вещи, оставленные ею на хранение, а затем восстановит свою жизнь и попытается двигаться дальше.

— Ты знаешь, что в Тала стреляли, верно? — спросила Пайпер.

Ханна кивнула.

— Я читала об этом в газетах. В него стрелял двоюродный брат. Я слышала, что это был не первый раз, когда он пытался убить шейха.

Нет, это был не первый раз, когда Халил вредил семье Аль Муссад, и не последний. Оставленное им наследие боли, кажется, будет преследовать их до конца жизни.

— Он уже умер, но Тал решил, что не хочет жениться на мне.

— Я не понимаю, — Ханна положила руку ей на плечо. — Я видела фотографии вас

четверых. Вы все выглядели такими счастливыми.

Пайпер не могла смотреть на эти снимки.

— Тал боится, что Халил не последний, кто попытается причинить ему боль через меня.

— Он боится тебя потерять, — сказала Ханна с сочувствием в голосе.

— Но он не боится оттолкнуть меня. — она вновь взглянула на ослепительные огни города. — Он даже не позволил мне попроситься. Меня не пустили к нему в палату. Как только врачи сообщили нам, что он будет жить и полностью восстановится, он проинструктировал свою охрану избавиться от меня, словно от какой-то обузы, с которой ему было невыносимо иметь дело.

Это было ужасно. В одну минуту она была вне себя от радости, а в следующую, ее уже выпроваживали двое мрачных охранников. Она звала Рафа и Када, но они исчезли в послеоперационной палате Тала.

Никто не отвечал на ее звонки. Никто не отвечал на ее сообщения. Она была уверена, что, по крайней мере, Раф и Кад останутся с ней, но они, похоже, решили, что Тал был прав.

Через несколько дней она осознала, какой идиоткой себя выставила. Затем, на прошлой неделе до нее дошли новости о том, что Парламент Безакистана молниеносно и окончательно отменил закон о том, что шейх обязан жениться к тридцати пяти годам. Похоже, инцидент во дворце, наконец, заставил правительство внести некие поправки, и им удалось сделать это без того, чтобы подвергнуть свою конституцию нежелательному внешнему воздействию. Хассема и остальных заговорщиков Халила арестовали и отправили в тюрьму, на основании обнаруженных улики.

Тал, Раф и Кад теперь были свободны... но они больше не желали ее.

Пайпер знала, что пришло время двигаться дальше.

— Дорогая, ты не думаешь, что он может изменить свое решение, если ты поговоришь с ним? — спросила Ханна. — Просто мне кажется, что он был не в себе, когда решился на это. Возможно, ему нужно время.

Пайпер покачала головой. Может быть, Талу нужно было время, но молчание Рафа и Када говорило само за себя.

— Нет. Они все решили. Они больше не нуждаются в жене. Теперь они могут сохранить свой трон без меня. Я думаю, сейчас они, наконец, осознали, что я не принадлежу к их сословию.

— Или же просто они стали свидетелями того, как в их брата стреляли, а их невеста чуть не погибла, и плохо отреагировали, — ответила Ханна. — Иногда мужчины совершают глупые поступки по верным причинам. Ты ведь знаешь, что у меня были некоторые проблемы при рождении Эшли?

Пайпер повернулась к подруге. Она знала эту историю. Что-то пошло не так при родах, и Ханна почти насмерть истекла кровью.

— Я знаю. У тебя было сильное кровотечение.

Ханна глубоко вздохнула.

— Я чуть не умерла, и Эшли тоже. И мои мужья были прямо там. И каждый из троих отреагировал совершенно по-разному. Я думала, что Гэвин будет сходить с ума от страха, но мы стали лишь ближе. Слэйд стал экспертом по родам. Я клянусь, он читал все, что попадало к нему в руки, пытаюсь выяснить, что пошло не так. А Дэкс, — она тихонько всхлипнула, и в ее глазах заблестели слезы. — Дэкс отдалился. Он стал таким чужим, таким отстраненным. Я думала, что могу потерять его, но понемногу он начал приходить в себя,

пока в один прекрасный день я не нашла его, державшего Эшли со слезами на глазах. Он должен был пережить это. Это было тяжело для всех нас, но для Дэкса — особенно. Он рос без семьи. Мысль о том, что он мог потерять меня, опустошила его. Я думала, что он был в ужасе от этого ребенка, но он снова здесь, рядом со мной.

У Пайпер вырвался глубокий вздох страдания, потому что ее история не закончится таким образом.

— Разве ты не сердилась на него за эту отстраненность?

Ханна погладила Пайпер по голове.

— Конечно, но я не желала сдаваться. Ему нужно было время. Когда он вновь был способен стать храбрым, я простила его. Милая, я знаю, что они причинили тебе боль, но, если у тебя будет возможность, подумай о том, чтобы простить их. Не держи эту боль внутри. Я не могу смириться с мыслью о том, что это разрушит твою жизнь. Борись за них, если все еще любишь. И если это не сработает, отпусти все и двигайся дальше, зная, что ты пыталась. Двигайся дальше, зная, что ты заслуживаешь хорошей жизни и столько любви, сколько можешь принять.

В ее горле зародились рыдания, но Пайпер сдержалась.

— Что, если я не смогу полюбить кого-то еще?

— Ты полюбишь. В тебе слишком много любви. Тебе долго будет больно, но ты будешь жить и снова любить. Я обещаю, — она обняла Пайпер, притянув ее к себе. — Ты должна вернуться на работу. Сидение в четырех стенах день за днем убивает тебя.

Ханна была права, да и Пайпер подумывала о том же. Ей нужно начать двигаться вперед. Ей нужно погрузиться в работу над новым проектом.

— Я должна найти новую работу.

— Нет, — Ханна отстранилась, качая головой. — Мы хотим, чтобы ты осталась в “Блэк Оук Ойлс”, и это не имеет ничего общего с тем, как я к тебе отношусь. Гэвину нужны твои знания. Послушай, милая, иногда нам необходимы координаты, и ты в этом незаменима. Пожалуйста, выслушай Гэвина. Он хочет, чтобы ты возглавила новый экологический отдел компании. Ты нужна нам. Это сложная задача и большое повышение. А также большие перемены. Не принимай никаких решений, пока не поговоришь с ним.

— Хорошо. — Пайпер не была уверена в том, чего хочет, но она выслушает, чтобы иметь возможность здраво судить о своих возможностях. Она не могла принимать недальновидных решений. Возглавить экологический отдел крупной корпорации — значило принять огромную ответственность. Конечно, главе экологического отдела “Блэк Оук” придется встречаться с представителями Безакистана, включая членов королевской семьи — шейха и его братьев.

И на этот раз, им придется иметь с ней дело — на ее условиях.

Это было сложной задачей, но, возможно, она все еще могла изменить мир.

Она могла вести полноценную жизнь, и, Пандора надеялась, полюбить вновь. Она была сильнее, чем думала. Ее сердце будет тосковать по мужчинам, которых она любит, но она будет жить дальше и найдет способ подарить свою любовь тому человеку, который этого захочет.

Девушка выпрямилась и попыталась улыбнуться Ханне.

— Я подумаю об этом.

У “Блэк Оук Ойлс” были филиалы по всему миру. Ее путешествие не должно заканчиваться из-за того, что трое мужчин из Безакистана не могли любить ее.

Ханна сделала шаг назад.

— Хорошенько подумай, потому что, я полагаю, Гэвин не собирается тебя отпускать. Он был вне себя от радости, когда ты вернулась. Ему не хватало тебя на работе. Новый исследователь сводит его с ума. Юнец едва справляется с калькулятором. Так что, подумай минуту, а затем входи и присоединяйся к нам за ужином. Будет здорово снова собраться всем вместе.

Пайпер нахмурилась.

— Ты ведь знаешь, что Бурк и Коул ведут себя, словно мои телохранители?

Большие, привлекательные частные детективы не покидали ее с того момента, как она сошла с самолета. О, они использовали внезапный интерес их жены Джесс к бизнесу и маркетинговым схемам для ее бизнеса в области искусства, как причину держаться к ней ближе, но она не была идиоткой. Она не сомневалась в своих домыслах на их счет.

Ханна улыбнулась.

— Да, я знаю. Вот почему я не теряю надежды. О, и твой компьютер разрывается от сообщений уже десять минут. Тебе нужно проверить, что там.

Пайпер вздохнула и последовала за ней внутрь, надеясь, что это лишь ее беспокойная сестра, желающая вновь узнать, как она, а не очередной репортер, предлагающий заплатить непристойную сумму денег за ее историю об опасности, разврате и предательстве в руках трех шейхов пустыни. Она неизменно отказывалась, но пресса продолжала ее преследовать.

— Я буду через минуту, — сказала Пайпер Ханне. — И обещаю поехать на этот раз.

Она немного похудела, но Ханна была права, пришло время начать жить снова. А это подразумевало ответить сестре более, чем односложным сообщением о том, что она в порядке. Если она не поговорит с Минди в ближайшее время, не стоило сомневаться, что ее сестричка вскоре нагрянет на порог Джеймсов. Минди беспокоилась с тех пор, как в новостях сообщили, что наложница шейха покинула страну, но Пайпер не была готова говорить.

Она закрыла дверь в гостевую комнату и села за компьютер, готовая сказать сестре, чтобы та позвонила, но на экране было вовсе не имя Минди.

Это был Тал.

Пайпер замерла на мгновение. Это должно быть ошибка, низкая шутка. Она решила закрыть компьютер и проигнорировать его, но ее телефон известил о новом сообщении.

Также от Тала.

После нескольких недель молчания, он, наконец, понял, что ему что-то нужно от нее? Она открыла текстовое сообщение.

“ Пайпер, любовь моя, прости идиота ”.

Пайпер всхлипнула, на глаза внезапно навернулись слезы. Она сделала долгий вздох. Он хотел попроситься. По смс? Он до сих пор оставался идиотом. И она не была уверена, что готова простить любого из них. Позже — да. Но они хотели начать с чистого листа прямо сейчас. Они использовали ее в своих целях, а когда больше не нуждались в невесте, они просто избавились от нее. По крайней мере, так это выглядело.

Но так ли все было самом деле? Внутри нее не утихал назойливый голос. Если бы они действительно хотели избавиться от нее, они бы не платили двум частным детективам за то, чтобы те следили за ней двадцать четыре часа в стуки. Они бы не собирали так тщательно ее одежду, высланную ей следующим рейсом. И там не было бы такого драгоценного дара.

Первое издание «Паутины Шарлотты», подписанное самим автором. Ее любимая

детская книга. Та самая, которой она лишилась на банковском аукционе, теперь была возвращена ей мужчинами, которые сказали, что отныне к ней равнодушны.

Неужели она сделали это, чтобы загладить свою вину? Возможно. Или они хотели лично сказать ей «прощай»? В любом случае, пришло время простить их и отпустить. Она тщательно писала ответ, пока слезы застилали ей глаза.

«Все прощено. Я желаю вам троим большой любви. И спасибо за книгу».

Все. Теперь их дальнейшее общение друг с другом может быть приятным и вежливым.

«Раф, Кад и я скоро женимся. Мы хотим, чтобы ты присутствовала на свадьбе».

Она смотрела на его сообщение в течение минуты, и эти слова поразили ее в самое сердце. Это не могло быть правдой. После всего, через что они прошли, чтобы изменить законы, они вдруг передумали и решили жениться? Неужели они все были влюблены в какую-то девушку? Пайпер не могла не задаться вопросом, использовали ли они ее для того, чтобы защитить свою новую невесту.

Телефон зазвенел в ее руке, она ответила.

«Думаю, я откажусь. Не пытайтесь снова связаться со мной».

Очень вежливо.

Она швырнула мобильник на кровать, ее руки тряслись от гнева. Она слышала, как он снова зазвонил, но отказалась отвечать ему вновь. И когда-либо после. Она избавится от этого телефона. Они были мерзавцами, и, по какой-то причине, им было необходимо ранить ее.

Раздался стук в дверь. Пайпер вытерла свои глаза.

— Я скоро буду.

Снова стук.

Казалось, никто сегодня не уважал ее потребность в личном пространстве. Глубоко разочарованная, она пересекла комнату и распахнула дверь, готовая высказать тому, кто был это ни был, все, что она о нем думала.

Тал, Раф и Кад стояли в коридоре. Рука Тала была поднята, готовая постучать вновь, но он медленно опустил ее, не отводя от нее глаз.

Она почувствовала, как ее сердце пропустило удар. Они были здесь, прямо перед ней. Зачем? Радость от того, что она снова видела их, тут же сменилась глубокой яростью. В какую игру они играли теперь?

— Что вы хотите?

— Мы хотим войти, хабибти, — глаза Када внимательно осматривали каждый дюйм ее тела. — Пожалуйста. Нам нужно поговорить.

Она ни за что не подпустит их к себе снова.

— Мы можем поговорить по телефону. Кажется, вы знаете мой номер.

Она попыталась захлопнуть дверь перед их невероятно прекрасными лицами, но Тал выставил руку, останавливая ее. Он выглядел совершенно здоровым, будто никогда не ловил пулю вместо нее. Боже, он чуть не погиб, спасая ей жизнь. Это было легко забыть после того, как с ней поступили, но он пожертвовал практически всем, чтобы она могла жить. Теперь она знала, что он сделал это из-за того, кем он являлся, а не потому, что любил ее. Тем не менее, она была обязана ему. Пандора оставила попытки закрыть дверь.

— Пайпер, любовь моя, я мог бы позвонить, но сомневаюсь, что ты бы ответила, — Тал воспользовался преимуществом, заходя внутрь и прижимаясь к ней своим телом. Это напомнило ей обо всем, что у нее было... и чего она лишилась.

Почему он называл ее «его любовью»? Что ему нужно? Ее глаза сузились, когда он взглянул на телефон, который она отшвырнула.

— Подозреваю, что ты намерена сменить номер.

Возможно, она проиграла ему этот спор, но она не собиралась отступить.

— Да, думаю, я так и сделаю. Мы все можем начать с чистого листа.

Раф зашел следом, его темные глаза сверкали.

— Согласен, — он наклонился, поднял ее на руки и прижал к груди прежде, чем она успела возразить. Улыбнувшись, он повернулся с ней на руках. — Моя Пайпер, ты выглядишь достаточно аппетитно, чтобы тебя съесть.

— Ты прав, брат, — произнес Кад тихим сексуальным шепотом. Он наклонился и провел носом по ее волосам. — Ее аромат бесподобен. Я и мои братья говорили об этом. Ты и понятия не имеешь, как на нас теперь действуют апельсины, Пайпер. Мы не можем завтракать, изнывая от эрекции.

Что они, черт возьми, делали? И говорили? Зачем пытались соблазнить ее, если намеревались жениться на другой женщине?

— Отпусти меня.

— Никогда, — ответил Раф, крепко прижимая ее. — Я больше никогда не намерен тебя отпускать.

Тал усмехнулся, пока она боролась в руках Рафа.

— Они нетерпеливы, любовь моя. Я сказал им, что сперва мы должны сесть и обстоятельно поговорить, но мне следовало знать, что они не послушают, — в одно мгновение его игривость исчезла. — Прости меня.

Она могла поклясться, что в его глазах стояли слезы. Он не плакал, но она чувствовала сильные эмоции, завладевшие им.

— Я сказала, что все прощено. А теперь, пожалуйста, отпусти меня. Я желаю вам счастья с вашей новой невестой. Я буду очень признательна, если вы уйдете.

Тал приблизился и коснулся ее щеки.

— Я не могу вытерпеть разлуки с тобой. Я думал, будет лучше, если ты будешь где-то в безопасности, но эти последние недели показали мне, как я ошибался.

— Пайпер, пожалуйста, пойми, тебя чуть не убили, — пояснил Кад. — Тал едва выкарабкался. После операции он сразу же попросил, чтобы мы отослали тебя.

Внутри нее поднялась горечь. Он едва не умер, и все, о чем он заботился, это лишь удостовериться в том, что ее не будет рядом, когда он придет в себя.

— Что ж, вы двое об этом позаботились. Пожалуйста, отпустите меня.

Все трое мужчин касались ее. Кад провел рукой по ее волосам.

— Он сходил с ума от мысли, что подобное может произойти снова. В последующие ночи он просыпался с криком, думая, что Халил вновь пытается изнасиловать и убить тебя. Его швы трижды расходились, прежде чем медсестры додумались накачать его на ночь снотворным.

Она застыла. Он так беспокоился? Она не могла бороться со страхом Тала. Она не могла заставить его понять, что из отношения стоили риска.

— Тебе больше не нужно беспокоиться обо мне. Здесь я в безопасности. И я позабочусь о себе сама.

Раф покачал головой. Казалось, он никак не мог перестать улыбаться, хотя, по мнению Пайпер, это было совершенно неуместным.

— Ты не должна заботиться о себе. Не тогда, когда у тебя есть трое мужей, выполняющих свои обязанности. Пайпер, мы не можем жить без тебя. Тал, наконец, пришел в себя, и теперь мы можем вместе двигаться вперед.

Рафик подмигнул ей, и, повернувшись, направился к большой постели, на которую бережно ее опустил.

— Снимай одежду, хабибти, или, клянусь, я сорву ее с тебя, — Кад уже занялся пуговицами на своей рубашке, обнажая великолепную загорелую кожу.

Пайпер проигнорировала спираль желаний, скрутившую ее внутренности, и попыталась ускользнуть, но они заблокировали ей путь с трех сторон.

— Подождите. Вы сказали, что собираетесь жениться, а теперь хотите, чтобы я с вами переспала?

Но Раф ведь упомянул, что у нее будет трое мужей, которые не могли без нее жить. Они подразумевали то, о чем она подумала? Пайпер — их невеста?

Тал искренне рассмеялся. Он выглядел моложе и беззаботней, словно сбросил с себя некое тяжкое бремя.

— И ты говорила мне, что сообразительна. Да, любовь моя, мы женимся. В кандидатки у нас есть прекрасная невеста, и мне удалось внести поправку в закон, чтобы она никогда не сомневалась в том, что мы женились на ней лишь из-за любви.

Из ее глаз брызнули слезы. В ней расцвела надежда, вытесняя все мысли о гневе. Прощение действительно было даром для них и для нее. Прощение означало, что у нее будет будущее.

— И что произойдет с этой невестой, если кто-то попытается причинить ей вред? Вы запрете ее в золотой клетке?

Тал сделал глубокий вздох.

— Пайпер, я буду дорожить каждой секундой, проведенной с моей невестой. Я отгоню свои страхи, потому что она заслуживает храброго мужчину. Я стану самым лучшим мужем и буду защищать ее каждой клеточкой своего тела, но, даже если случится худшее, я все равно не откажусь от этих мгновений с тобой. Я хочу провести с тобой свою жизнь. Черт, я хочу провести с тобой вечность, но приму то, что мне отведено. Я приму каждую минуту без толики сожаления.

— Я люблю тебя, Пайпер. Я хочу детей и жизни подле тебя, и клянусь, что никогда не оставлю тебя снова, — пообещал Раф.

— Я хочу тебя. Я был одинок без тебя. Я не понимал этого прежде. Я думал, что был счастлив, но ты показала мне, что такое истинное блаженство, — произнес Кад низким серьезным голосом.

Теперь она не сдерживала слез. Эти слова были всем, чего она хотела, чего ждала всю свою жизнь. Ее мужья. Ее будущее. Никакая возможная боль не будет стоять ей целой жизни, наполненной счастьем. Тем не менее, она не могла оставить их заносчивость безнаказанной. Она поднялось на колени, и распрямила плечи, являя собой ту гордую женщину, которую пробудила их любовь.

— Я не помню, чтобы вы просили меня выйти за вас.

Очередная сверкающая улыбка осветила лицо Тала.

— По обычаям Безакистана, невесту похищают, любовь моя. Я думаю, эта та традиция, которой мы последуем.

Кад отбросил свою рубашку в сторону.

— Как только мы завладеем тобой, не думай, что сможешь уйти. Ни на минуту.

— Но на тебе, наша невеста, слишком много одежды, — Раф выскользнул из своей рубашки и схватил сумку, которую бросил на пол при входе в комнату. Она могла только догадываться, что было внутри. Все виды игрушек, чтобы услаждать и мучить новоиспеченную похищенную невесту.

По телу прокатилась волна жара. Она была глубоко одинока с тех пор, как ей пришлось оставить их. Ей доводилось испытывать одиночество и раньше, но она никогда не понимала истинного значения этого слова, пока ей не пришлось жить без этих мужчин.

— У вас есть много традиций, но, думаю, что хотела бы завести еще одну. В ту первую ночь, твои братья должны были предложить меня тебе, Тал. Теперь, я полагаю, я хотела бы, чтобы каждый из моих мужей предложил себя мне.

Тал тихо зарычал, сбросив пиджак и рубашку.

— Хочешь увидеть, что принадлежит тебе, моя королева? Ты этого хочешь? Хочешь, чтобы твои мужчины показали тебе все, что могут тебе дать?

Они предлагали ей будущее и любовь. Годы радости и счастья. Детей, которые однажды будут править страной так же мудро, как их отцы. Но, да, она определенно хотела их видеть.

— Покажите мне.

Раф стянул брюки со своих поджарых бедер.

— Такая властная маленькая королева.

Кад встал перед ней, предоставляя свое восхитительное тело ее взору. Кад, ее любовник, соблазнитель. Его широкие плечи были расправлены, а член гордо стоял. Он погладил себя, подмигнув ей, все тот же озорник, который приводил все ее чувства в смятение.

— Для тебя, моя жена, моя королева. Это все для тебя.

Раф встал подле своего брата, будучи чуть выше, и каждым дюймом олицетворяя элегантного, сексуального джентльмена. Он был тем, с кем она могла погрузиться в интеллектуальные беседы, провести долгие часы в дружеской дискуссии, прежде чем он, наконец, закончит их диспут, целуя ее до потери сознания. Он провел рукой по своему мускулистому телу.

— Все, что у меня есть — твое.

Талиб опустил колени на кровать, его член, казалось, точно знал, чего хотел. Он был уже полностью возбужден, указывая прямо на нее, капля жемчужной жидкости показалась на головке. Она посмотрела на свежий шрам на его животе, благодарная за то, что он был жив, чтобы оказаться здесь, рядом с ней.

— Мое королевство, мое тело, мое сердце, моя душа. Это все твое, Пайпер. Все, что тебе нужно сделать, это принять нас.

Техасская девчонка могла отличить хорошую сделку, от плохой. Пайпер стянула с себя рубашку.

— Да. Да. Да. Я так сильно люблю каждого из вас. Пожалуйста, поцелуйте меня.

Они опустились подле нее, и ее одежда, казалось, испарилась в их руках. Прежде, чем она осознала это, девушка оказалась обнаженной, и именно в том месте, где жаждала оказаться — прижатая к их коже своей, окутанная их теплом.

Кад подмял ее под себя, уложив на кровать. Он поцеловал ее, глубоко проникнув языком, прежде чем спуститься к ее шее. Раф сменил его у ее губ, коснувшись ее носа своим, прежде, чем завладеть ее ртом. Его язык скользил по ее языку шелковой лаской, в то время, как его руки передвинули ее тело, и ее наполнил чувственный экстаз.

Ее уносила сладкая волна. Не имело значения, кто именно прикасался к ней, пока они все были вместе. Кто-то, она предположила, что это был Талиб, взял ее за лодыжки и развел ее ноги в стороны, проникая между ними. Наконец, Раф оставил ее рот, и, вместе с Кадом, словно хищные птицы, они двинулись к ее груди, одновременно опустив головы. Она задохнулась, когда они потянули ее за соски, обвивая их языками, прежде, чем каждый втянул горошину в свой рот.

Тал прижался носом к ее кискк. Она почувствовала его стон удовлетворения своей кожей.

— Я так по тебе скучал. По каждому твоему дюйму. Я скучал по твоей улыбке и тому, как ты смеешься. Я скучал по тому, как ты перечишь мне, но, боже, Пайпер, я так чертовски скучал по этому.

Он лизнул ее лоно, медленно скользнув языком, заставляя ее пылать изнутри. Она тонула в каждом из них. Тал всосал ее клитор и нежно прикусил его зубами, прежде, чем полностью накрыть ртом ее киску. Он глубоко трахал ее языком, ясно давая понять, что хотел сделать своим членом.

— Мы должны подготовить ее, братья. — Раф в последний раз потянул сосок, а затем скатился с кровати.

Кад послал ей ленивую улыбку.

— Твоя подготовка будет чистым удовольствием, моя жена.

— Я готова, — заверила Пайпер. Ее сердце бешено колотилось. Она уже была теплой и влажной для них. Она невыносимо желала их. — Я более, чем готова.

Рот Тала оставил ее киску, в тот самый момент, когда она уже была на краю чего-то удивительного.

— Ты еще не готова. Но скоро будешь. Кто хочет вкусить нашу любимую девочку?

Раф бросил Талу бутылку с жидкостью и вернулся в постель.

— Ты знаешь, что она — мое любимое лакомство. Давай, хабибти. Опустись на мое лицо. Позволь мне заставить тебя кончить. Я хочу попробовать тебя.

Кад приподнял ее и повернул так, чтобы она оседлала Рафа, который застонал и заставил ее выпрямиться, обхватив своими большими руками ее попку и притянув ее к своему рту. Его язык вошел в нее, продолжая то, что начал Тал.

Тал рукой заставил ее прогнуться и схватиться за спинку кровати. Ее не волновало, что он делал с ней, пока Раф продолжал медленно исследовать каждый дюйм ее киски. Его смелый язык ласкал и с обожанием осваивал каждый ее дюйм. Он тщательно облизал ее, прежде чем перейти к ее клитору. Жар полыхал все сильнее, толкая ее к высшей точке.

— Открой ее мне, Раф, — велел Тал.

Не прекращая своего занятия, Раф руками развел ее ягодицы, давая Талу то, что он хотел. Она почувствовала себя уязвимой, но это казалось таким правильным. Это были ее мужья.

— Боже, она так прекрасна. Я не могу дождаться, когда трахну ее попку, — сказал Кад. — Каждый твой дюйм восхитителен, Пайпер. Каждый из нас будет томиться от желания погрузиться глубоко в тебя.

— О, да. Я намерен завладеть ею всеми способами, — ответил Тал.

Пайпер не могла дышать, не могла двигаться. Раф держал ее на самом краю оргазма, грозившего обрушиться на нее лавиной.

— Не двигайся, любовь моя, или Рафу придется остановиться. Ты должна быть готова к

тому, что мы намерены с тобой делать. Мы хотим, чтобы ты приняла сразу каждого из нас, а это значит, что твоя попка должна быть готова для члена. В тебе уже была пробка. Мы лишь хотим убедиться, что ты подготовлена должным образом, — Тал капнул прохладной смазкой между ее ягодиц.

Они собирались сделать это. Они собирались взять ее одновременно, все трое. Она будет наполнена ими. Девушка изо всех сил пыталась оставаться неподвижной, не желая терять ни минуты времени. Она нуждалась в этом. После нескольких недель одиночества ей было необходимо оказаться окруженной ими.

В ее горле зародился всхлип, пока Тал растирал лубрикант. Его пальцы надавили, соблазняя ее открыться ему. Непривычные острые ощущения контрастировали с чистым наслаждением, которые дарил ей язык Рафа.

Вдруг Кад оказался рядом, коснувшись руками ее груди.

— Ты уже близко, не так ли, милая? Раф, ты должен позволить ей кончить. Я хочу, чтобы она была удовлетворенной и покорной, когда мы, наконец, сделаем ее нашей.

Тал коснулся пальцами кольца ее попки, скользнув внутрь. Он смазывал ее, поглаживая до тех пор, пока она не начала двигаться под его пальцами, навстречу к языку Рафа, и обратно к проникновениям Тала.

— Да, — сказал Тал, нежно растягивая ее. — Это то, чего мы хотим, жена. Раф, она готова.

Раф жестко всосал ее клитор. Напряжение возросло и усилилось. Удовольствие послало ее за край. Оргазм затопил ее, заставляя кричать.

Прежде, чем она успела спуститься на землю, они пришли в движение. Раф стянул ее вниз по своему телу.

— Эта сладкая киска принадлежит мне.

Его член устремился к ней, мокрой и готовой, а затем вошел внутрь. Хотя она была скользкой от оргазма, Раф был слишком велик. Он наполнил ее, заставляя стонать, принимая его в себя.

Кад опустился на кровать, держа свой крупный член в руке.

— Поласкай меня губами, моя жена. Я хочу почувствовать на себе твой рот.

Она тоже хотела этого. Это было подлинной близостью. Это было истинным соединением. Она наклонилась вперед и позволила головке члена Када скользнуть в свой рот. Она занялась им, наслаждаясь ощущениями и его вкусом.

— Теперь это сокровище мое, — Тал надавил членом на ее анус. Он двигался короткими толчками, проникая все глубже и глубже с каждым ударом.

— Поторопись, — Раф все еще был под ней, медленно скользя в нее, но в его голосе сквозило отчаяние. — Я не могу сдерживаться вечно. Чувствовать ее — просто невероятно.

Руки Када сжались на ее волосах.

— Это — словно рай.

Он трахал ее рот размашистыми движениями. Внутрь и обратно. И снова. Каждое его скольжение было изысканным, как и сам он. Его вкус был соленым и чистым. Она пробежалась языком по его члену, наслаждаясь его твердостью и его стонами.

Они были повсюду. Казалось, не было ни сантиметра кожи, к которому бы не прижимался один из ее мужчин. Тал был позади нее, прижимаясь к ее бедрам и прокладывая путь внутрь.

— Расслабься, любимая. Впусти меня. Я хочу кончить в тебя. Я хочу взять тебя каждым

способом, каким мужчина может взять женщину.

Она сделала так, как он велел, и Тал ворвался в нее, проникнув, наконец, до упора. Давление нарастало. Это было почти выше ее сил, но она могла с этим справиться, потому что это значило, что они принадлежали ей. Наконец-то.

Девушка застонала, но ее голос был приглушен из-за члена Када во рту. Тал толкнулся внутрь, аккуратно прокладывая себе дорогу в ее глубину. Краем сознания она чувствовала боль, каким-то образом смешавшуюся с наслаждением и этой тесной близостью, создающее нечто совершенно новое.

— Любимая, ты такая жаркая и тугая, — Тал прошелся руками по ее спине и оставил их на ее талии. — Ты приняла всего меня. Это все для тебя.

Он толкнулся назад, и ее рецепторы, о существовании которых она никогда не подозревала, ожили и практически запели от наслаждения.

Пайпер не могла сдерживаться больше ни секунды. Она толкнулась к нему, не желая лишаться этих ощущений.

— Она готова, — Раф сделал выпад, и все трое, казалось, сорвались с поводка.

Руки Тала сжались, потянув ее на себя, и его член глубоко погрузился внутрь, прежде чем начать медленный путь наружу, отчего ей захотелось завывать. В ту минуту, когда Тал выходил из нее, Раф скользил внутрь. Она была наполнена каждым из них.

Пандора занялась членом Када, жестко и яростно всасывая его, лаская языком его плоть. Зарывшись волосами в ее волосы, Кад жестко трахал ее рот, касаясь членом гортани.

— Глотай. Прими меня всего, — член Када толкнулся в заднюю стенку ее горла. Он вздрогнул, когда она сглотнула, и его сперма брызнула на ее язык длинными струями.

Пайпер упивалась его влагой, выпивая ее и позволяя ей покрывать свое горло.

Кад отступил, его член выскользнул из ее рта с тихим звуком.

— Это было прекрасно.

— Как и это, — Тал вонзался долгими толчками, подстраиваясь под движения Рафа, чтобы они наполняли ее по очереди. Каждый дюйм их плоти доставлял ей истинное наслаждение. Пайпер нашла свой собственный ритм, вращая бедрами вслед за их движениями. Она была окружена их золотистой кожей, любовью и удовольствием. Кад опустился на колени рядом с ней, обхватив руками ее грудь и сжав соски.

— Отдайся нам, — приказал он. — Не сдерживайся. Мы хотим слышать твои крики.

— Я так близко, — Раф ускорился. — Чувствовать ее так хорошо. Я не могу больше ждать. Кончи со мной, Пайпер.

— Кончи с нами, — сказал Тал, вонзаясь в нее. — О, любимая, ты и представить себе не можешь, каково это, чувствовать тебя.

Она не знала, но понимала, как удивительно было чувствовать их. Кад потянул за ее соски, и Пайпер не могла больше сдерживаться ни секунды. Оргазм поглотил ее, заставляя каждый нерв в теле пылать. Она раскачивалась назад и вперед, не желая упускать ни толики удовольствия.

Девушка почувствовала горячую сперму Рафа, когда он сдался. Кончая, он выкрикивал ее имя.

Тал застонал позади нее, изливаясь в нее своим семенем.

Они наполнили ее. А затем рухнули, образовав собой восхитительный клубок объятий.

Пайпер позволила сладостной истоме охватить все ее тело, когда она опустилась на кровать, сплетаясь с ними руками и ногами.

— Я люблю тебя, моя жена, — Тал прижался к ней.

Она потянулась к каждому из них, по очереди лаская.

— Я люблю вас, мои мужья.

Они показали ей новый мир, и она возвратит им все сполна.

Новый дом и новую семью для них всех.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

